

БОЛЬШИЕ *и* КНИГИ

Арчибальд
Кронин

ВЫЧЕРКНУТЫЙ
ИЗ ЖИЗНИ
♦
СЕВЕРНЫЙ СВЕТ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Большие книги

Арчибальд Кронин

**Вычеркнутый из
жизни. Северный свет**

«Азбука-Аттикус»

1950, 1958

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кронин А. Д.

Вычеркнутый из жизни. Северный свет / А. Д. Кронин —
«Азбука-Аттикус», 1950, 1958 — (Иностранная литература.
Большие книги)

ISBN 978-5-389-18798-6

Пол Мэтри, будучи уже взрослым, узнает новость, которая кардинально переворачивает его жизнь: оказывается, его отец отбывает наказание в тюрьме за жестокое убийство девушки... С этого момента перед Полом встает только один вопрос: виновен ли отец на самом деле и как найти истинные причины и обстоятельства уже давно забытой всеми трагедии? Ему предстоит распутать дело 15-летней давности... Генри Пейдж – редактор и владелец газеты «Северный свет», ставшей своего рода местной традицией в маленьком городке. На протяжении пяти поколений газета постепенно приобрела прочную репутацию принципиальности, объективности и добросовестности в подборе материала. И вот теперь могущественный газетный трест хочет ее купить. Но Генри не желает продавать газету и все силы отдает на борьбу с безжалостной монополией, чтобы сохранить свою веру, свою семью и даже саму свою жизнь. «Вычеркнутый из жизни» и «Северный свет» написаны в великолепной повествовательной традиции таких романов Кронины, как «Замок Броуди», «Ключи Царства», «Цитадель».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18798-6

© Кронин А. Д., 1950, 1958
© Азбука-Аттикус, 1950, 1958

Содержание

Вычеркнутый из жизни	7
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	39
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	49
Глава 16	53
Глава 17	57
Глава 18	59
Глава 19	62
Глава 20	64
Глава 21	68
Глава 22	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Арчибальд Кронин
Вычеркнутый из жизни
Северный свет

A. J. Cronin
BEYOND THIS PLACE
Copyright © A. J. Cronin, 1950
THE NORTHERN LIGHT
Copyright © A. J. Cronin, 1958
All rights reserved

БОЛЬШИЕ
И
КНИГИ

Серия «Иностранная литература. Большие книги»

Перевод с английского Татьяны Кудрявцевой, Наталии Ман, Ирины Гуровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Т. А. Кудрявцева (наследник), перевод, 1959, 1991

© Н. Ман (наследник), перевод, 1991

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1959

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Вычеркнутый из жизни

Часть первая

Глава 1

Вечером по средам мать Пола, окончив работу в муниципалитете, садилась на трамвай и отправлялась к мессе в церковь Меррион. Пол, прослушав лекцию по философии, которая начиналась в пять часов, заходил за ней по дороге из университета. Но в эту среду Пола задержал профессор Слейд, и когда, освободившись, он взглянул на часы, то решил идти прямо домой.

Был июнь, и чудесный тихий вечер придавал своеобразную прелесть даже прокопченным домам Белфаста. На фоне янтарного неба крыши и трубы этого города в Северной Ирландии вдруг утратили свою прозаичность и стали таинственно-прекрасными, как сказочный замок. Пол свернул на Лейм-роуд, тихую боковую улочку с плотно примыкающими друг к другу кирпичными домами, – в одном из них, под номером двадцать девять, он с матерью занимал трехкомнатную квартиру на первом этаже, – и вдруг почувствовал, как волна радости захлестнула его.

Пол постоял с минуту на крыльце – ничем не примечательный молодой человек, без шляпы, в поношенном шерстяном костюме, – глубоко вдыхая ласковый, тихий воздух. Затем круто повернулся и вставил ключ в замок.

На кухне пела канарейка. Подсвистывая птице, Пол снял пиджак, повесил его в прихожей, затем поставил на огонь чайник и принялся накрывать на стол к ужину. Через несколько минут никелированный будильник на каминной доске прозвонил семь часов, и он услышал шаги матери у двери. Пол весело поздоровался с ней, когда она вошла, – сухопарая, утомленная женщина, в строгом черном платье, слегка согнувшаяся под тяжестью неизменной хозяйственной сумки.

– Извини, что не зашел за тобой, мама, – с улыбкой начал Пол. – Дело в том, что Слейд взял меня на работу. Или, вернее, почти что взял.

Миссис Бёрджесс пристально посмотрела на сына. Прядь тусклых, с сильной проседью волос, выбившаяся из-под выдавшей виды шляпы, изборожденный морщинами лоб и прищуренные близорукие глаза усугубляли общее впечатление усталости. Но это напряженное выражение постепенно исчезло под открытым и веселым взглядом сына. Благодарение Богу, у него хорошее лицо, подумала она, не слишком красивое (и снова она возблагодарила Всевышнего за то, что он уберег ее сына от опасностей, которыми чревата излишняя красота), но прямое и открытое; быть может, чересчур худошавое (от усиленных занятий) – скулы так и выпирают, однако кожа чистая, здоровая, глаза серые, очень светлые, и высокий лоб обрамлен коротко стриженными каштановыми волосами. Да и сложен он хорошо – отличная фигура, только вот слегка загребает правой ногой при ходьбе, после давнишней футбольной травмы.

– Я рада, что все устроилось, сынок. И знаю: только серьезное дело могло помешать тебе зайти за мной... Элла и мистер Флеминг спрашивали о тебе.

Она скатала в клубок нитяные перчатки и, окинув хозяйским глазом стол, вынула из сумки ветчину, завернутую в пергаментную бумагу, и пакетик с маленькими пшеничными лепешками, которые любил Пол. Мать и сын сели за стол и, после того как миссис Бёрджесс прочитала молитву, принялись за скромный ужин. Пол видел, что мать довольна, хотя и старается это скрыть.

– Мне так повезло, мама: три гиней в неделю. И занят я буду все девять недель – до самого конца каникул.

– И потом, все же какая-то перемена после того, как ты столько сидел не разгибаясь перед экзаменами.

– Конечно, – кивнул он. – Преподавать в летней школе – тот же отдых.

– Бог милостив к тебе, Пол.

Он подавил улыбку:

– Я должен сегодня вечером отнести профессору Слейду свидетельство о рождении, – заметил он.

Наступило молчание. Низко пригнувшись к чашке, мать взяла ложечку и сняла плававшую на поверхности чайнику.

– А зачем им понадобилось свидетельство о рождении? – каким-то глухим голосом спросила она.

– О, чистая формальность, – небрежным тоном пояснил Пол. – Они не хотят брать на работу студентов, которым нет двадцати одного года. Я еле убедил Слейда, что мне уже в прошлом месяце стукнуло двадцать один.

– Он что, не верит тебе?

Пол вскинул голову и в изумлении посмотрел на сидевшую напротив мать:

– Вот уж никак не ожидал от тебя такого предположения, мама! Он просто выполняет обычные формальности. Школьному совету требуется мое заявление вместе со свидетельством о рождении.

Миссис Бёрджесс ничего не сказала. И Пол после краткого молчания принялся в несколько юмористических тонах описывать свой разговор с профессором, одновременно выполнявшим обязанности директора летней школы в Портри. Допив третью чашку чая, он встал из-за стола. И это словно вывело из оцепенения мать.

– Пол, – вдруг остановила она его, – я... я не вполне уверена... Что-то не нравится мне эта идея насчет преподавания в Портри.

– Что?! – воскликнул он. – Но ведь мы уже сколько времени только об этом и говорим, мы оба так надеялись, что я смогу туда поехать.

– Это значит, что нам придется расстаться. – Она помолчала и снова опустила глаза. – Потом, тебе будет недоставать Флемингов по субботам и воскресеньям. И Элла будет очень огорчена. Лучше отказаться от этого намерения.

– Какая ерунда, мама! Ты волнуешься по пустякам.

Он с легким сердцем опроверг все ее доводы и, прежде чем она успела что-либо возразить, вышел в коридор, чтобы у себя в комнате написать заявление.

Это была маленькая комната, окнами на улицу, служившая одновременно спальней и кабинетом. По стенам, оклеенным светлыми обоями, висели в рамках фотографии футбольных и хоккейных команд. На каминной доске красовалось несколько кубков и прочих трофеев, которые Пол время от времени получал на университетских спортивных состязаниях. Под окном помещался книжный шкафчик, где наряду с популярными романами стояли и более серьезные книги – по преимуществу классика, – свидетельствовавшие о развитом и хорошем вкусе. В нише напротив, за зеленой ситцевой занавеской, виднелась узкая кровать, на которой он спал; у стены – простой стол, где рядом с расписанием занятий аккуратно стопочкой лежали записи лекций. Все здесь без слов характеризовало Пола, указывало, что у него здоро-

вое тело и живой, восприимчивый ум. Если бы вам вздумалось отыскать в этой комнате какой-то недостаток, то за таковой могла бы сойти разве что педантичная аккуратность, говорившая об известной сухости ее обитателя, о его чрезмерном стремлении к безупречности, вероятно, под влиянием матери, склонной вечно учить и наставлять.

Пол присел к столу, отвинтил колпачок вечного пера и, распрямив плечи, прижав локти к бокам, по всем правилам заполнил бланк заявления. Потом внимательно его перечитал, желая удостовериться, что ничего не напутал, удовлетворенно кивнул и вышел в гостиную:

– Будь добра, мама, дай мне свидетельство. Мне хотелось бы скорее отослать все документы, чтобы они успели уйти с девятичасовой почтой.

Мать, сидевшая за неубранным столом все в той же позе, в какой он ее оставил, подняла голову.

– Я что-то не припомню, где оно, – неестественно звонким голосом, слегка покраснев, сказала она. – Так сразу мне его не найти.

– Ну что ты, мама! – Пол взглянул на комод с закругленными краями, где она хранила все свои бумаги, две-три фамильные драгоценности, Библию, очки и прочие мелочи. – Наверное, лежит у тебя в верхнем ящике.

Она смотрела на него, слегка приоткрыв рот, так что видны были плохо пригнанные искусственные зубы. Краска исчезла с ее лица. Она поднялась, вынула из сумочки ключ и отперла верхний ящик комода. Стоя спиной к Полу, она минут пять старательно там рылась, затем задвинула ящик и повернулась к сыну.

– Нет, – вяло проронила она. – Я не могу его найти. Его здесь нет.

Пол в досаде прикусил губу. Он был покорный и любящий сын, с детства воспитанный в строгости и послушании, но сейчас поведение матери казалось ему совершенно непонятным.

– Право, мама, это все-таки важный документ, – стараясь говорить спокойно, произнес он. – И мне он нужен.

– А откуда мне было знать, что он тебе понадобится? – Голос ее вдруг задрожал от обиды. – Бумаги вечно куда-то пропадают. А ты знаешь, что мне пришлось вынести: столько лет прожить без мужа, вырастить сына, одной нести бремя забот – это не всякой женщине по плечу. Сколько трудов стоило сохранить крышу у нас над головой, дать тебе хорошее образование! Уж поверь, мне было не до того, чтобы сберегать какие-то бумажки, которые к тому же и положить-то порой некуда.

Эта вспышка, совершенно несвойственная ее сдержанной натуре, немало озадачила Пола: он просто не находил объяснения. Но у матери было такое суровое лицо – предостерегающий знак, который он давно научился распознавать, – что лучше было не вступать с ней в препирательства. И он спокойно сказал:

– К счастью, можно ведь получить дубликат. Надо только написать в Лондон, в Сомерсет-Хаус¹. Я сегодня же это сделаю.

Она жестом отклонила предложение сына; теперь голос ее звучал уже спокойнее.

– Не твоя забота писать туда, Пол. – И, поймав его озадаченный взгляд, добавила: – Не будем волноваться из-за пустяков. У меня был сегодня не очень-то легкий день. А завтра я пошлю запрос о свидетельстве на бланке муниципалитета.

– Ты не забудешь?

– Пол!

– Извини, мама.

– Все будет в порядке, дорогой. – Дрожащая улыбка промелькнула на ее лице. – Теперь зажги газ. Я уберу со стола. Пора уже спать.

¹ *Сомерсет-Хаус* – центральное хранилище записей рождения и смерти, зарегистрированных завещаний и т. п.

Глава 2

Следующие два дня Пол был очень занят. Университет Квинс закрывался на летние каникулы, и в связи с окончанием учебного года у Пола оказалось множество дел. По просьбе студентов ему предстояло сопровождать на ежегодном выступлении студенческого хора. Уйму времени заняли розыски куда-то завалившейся библиотечной книги. В последнюю минуту оказалось, что надо еще сдать практическое занятие по химии, и Пол, как всегда, с волнением ждал результатов экзамена. И когда списки были вывешены, выяснилось, что он занял отнюдь не последнее место. Пола любили в университете: он был хорошим студентом, приятным собеседником и отличным спортсменом. Впрочем, популярность его могла бы быть и большей, если бы кое-кто из студентов, особенно медики – публика вообще малоприятная, – не высмеивал его исподтишка за примерное поведение и не обзывал святошей, когда он отказывался принять участие даже в невинных развлечениях.

Раз или два среди этой суеты Пол все же вспоминал недавнее объяснение с матерью; ее вид явно свидетельствовал о том, что она чем-то угнетена. Она нервничала, была бледнее обычного и то и дело погружалась в какую-то непонятную задумчивость. Правда, несмотря на властный от природы характер и суровые жизненные испытания, которые, казалось бы, должны были закалить ее, она частенько давала волю нервам. Помнится, в первые дни их жизни в Белфасте она вздрагивала и менялась в лице от каждого стука в дверь. Но это было совсем не похоже на то, что творилось с ней сейчас, словно тайная тревога неотступно преследовала ее. И в четверг, и в пятницу она после ужина ходила к пастору и самому давнему их другу Эммануэлу Флемингу, настоятелю церкви Меррион, и примерно через час возвращалась оттуда, несколько успокоенная, но измученная, с покрасневшими глазами, в которых застыл испуг.

В четверг утром Пол напрямик спросил ее, получила ли она ответ из Сомерсет-Хауса.

– Нет, – ответила она.

Потом он несколько раз порывался расспросить ее подробнее, но привычка считаться с матерью и беспрекословно ее слушаться удерживала его. Ведь ничего плохого не могло быть, ровным счетом ничего. Однако странное поведение матери озадачивало его, и он пытался найти ему объяснение в прошлом. Но прошлое у Пола было такое простое и заурядное.

Первые пять лет своей жизни он провел на севере Англии, в Тайнкасле, где родился. От этого периода в его памяти сохранились лишь смутные воспоминания о стуке клепальных молотков и пронзительном вое по утрам сирены, сзывавшей рабочих в доки. И он помнил отца – веселого, удивительно благодушного человека, который по воскресеньям брал сына за руку и отправлялся с ним в Джесмонд-Дин, где они пускали по пруду кораблики, сделанные из синей плотной бумаги. Когда сынишка уставал, отец садился с ним где-нибудь в тени на парковой скамейке и рисовал все, что попадалось на глаза: людей, собак, лошадок, деревья. Получались чудесные картинки, которые манили и разжигали детское воображение. А когда наступали будние дни, отец, возвращаясь вечером домой, неизменно приносил разноцветные фрукты из марципана: землянику на зеленых стебельках, желтые бананы, розовощекие персики, прелестные на вид и вкус, – все это изготовлялось кондитерской фирмой, где он служил коммивояжером. Вскоре после того, как был отпразднован день рождения Пола, семейство переехало в Уортли – большой город, расположенный в сердце Англии. От жизни там у Пола остались более серые и менее счастливые воспоминания: дым, дождь, толкотня на улицах, пламя, вылетающее из труб сталелитейных заводов, мрачные лица родителей и в завершение – отъезд отца по делам в Южную Америку. О, каким ударом была для мальчика потеря этого близкого веселого друга, с каким нетерпением он ждал его возвращения, а затем, словно в подтверждение предчувствий, теснившихся в детском сердце, каким неопишным горем была весть о том, что отец погиб в железнодорожной катастрофе под Буэнос-Айресом.

И вот печальный пилигрим, которому не было еще и шести лет, прибыл в Белфаст. Здесь, с помощью Эммануэла Флеминга, его мать поступила на работу в бухгалтерию городского отдела здравоохранения. Жалованье она получала маленькое, но все-таки это был постоянный источник существования, позволявший вдове иметь крышу над головой и, проявляя чудеса экономии и самопожертвования, дать образование сыну и подготовить его к преподавательской деятельности. Пятнадцать лет она тянула эту ляжку, и вот он стоит на пороге окончания университета.

Оглядываясь назад, Пол подумал, какого напряжения стоила матери жизнь, вынуждая ее ограничивать свое существование в Белфасте крайне узкими рамками. Ведь мать никуда не ходила, если не считать частых посещений церкви. У нее не было иных знакомых, кроме пастора Флеминга и его дочери Эллы. Миссис Бёрджесс едва ли знала своих ближайших соседей. Из-за этого и Пол держался в университете обособленно, не проявляя общительности: ему всегда казалось, что мать неодобрительно относится к друзьям. Его это раздражало, однако он отлично сознавал, сколь многим обязан матери, да и вообще привык подчиняться ее требованиям, а потому терпел.

В прошлом он объяснял замкнутость матери ее чрезвычайной и воинственной религиозностью. Но, видя, как она ведет себя сейчас, подумал, нет ли тут какой-то другой причины. И ему пришел на память один случай: год назад он удостоился приглашения участвовать в международном соревновании по регби между Ирландией и Англией. Казалось бы, ничто не могло больше польстить материнскому сердцу. Однако мать категорически запретила ему принять приглашение. Почему? Тогда он так и не смог найти ответ. А сейчас, казалось, он угадал причину. И в самом деле, весь ее образ жизни, это тщательно оберегаемое уединение, это желание избегать каких-либо знакомств, эта боязнь общения, это страстное упование на Всевышнего – все (и сердце у него сжалось от таких мыслей) указывало на то, что человек, ведущий такую жизнь, скрывает какую-то тайну. В субботу миссис Бёрджесс работала только полдня и в два часа уже пришла домой. К этому времени Пол принял твердое решение поговорить с ней начистоту. Погода испортилась, шел дождь. Миссис Бёрджесс, оставив зонтик в прихожей, вошла в гостиную, где сидел Пол и листал книжку. Ее вид испугал его: лицо у нее за эти дни стало совсем серым. Но держалась она спокойно.

– Ты ходил на ланч, сынок?

– Я съел бутерброд в клубе. А ты?

– Элла Флеминг угостила меня чашкой какао.

Он быстро вскинул на нее глаза:

– Ты опять была там?

Она устало опустила на стул:

– Да, Пол. Я опять была там. Молилась Всевышнему и просила, чтобы Он наставил меня.

Оба помолчали, затем Пол выпрямился и крепко сжал ручки кресла:

– Мама, так больше продолжаться не может. Творится что-то неладное. Скажи: ты получила наконец свидетельство?

– Нет, сынок. Не получила. Я даже и не писала туда.

– Но почему же?

– Потому что оно все время находилось у меня. Я солгала тебе. Оно и сейчас у меня – вот здесь, в сумочке.

Гнев Пола сразу остыл. Он в изумлении смотрел на мать, а она порылась в сумке, лежавшей на коленях, и вынула оттуда серовато-голубую, сложенную вчетверо бумагу.

– Долгие годы я скрывала это от тебя, Пол. Сначала думала, что не смогу – так мне было мучительно и трудно. Услышав шаги на лестнице, чей-то громкий голос на улице, я начинала дрожать. «Вот сейчас он узнает все», – думала я. Но по мере того, как шли годы и ты выросл, мне начало казаться, что с Божьей помощью все удалось... И однако же, Богу

было угодно, чтобы все вышло наоборот. Я опасалась чего-то большого, серьезного, а вот ведь совсем ничтожный случай, такой пустяк, как преподавание в летней школе, – и мои труды пошли прахом. Может быть, все и так рано или поздно открылось бы. Во всяком случае, таково мнение пастора. Я просила его помочь мне оттянуть развязку. Но он сказал: «Нет». Сказал, что ты уже взрослый и должен знать правду.

С каждым словом волнение ее возрастало, и, хотя она и старалась держаться спокойно, из ее груди вырвался тяжкий стон. Рука, протягивавшая сыну свидетельство, дрожала. Словно во сне, Пол взял бумагу, взглянул на нее и сразу увидел, что там стоит другая, не его фамилия. Вместо «Пол Бёрджесс» значилось: «Пол Мэтри».

– Здесь какая-то ошибка. – Он замолчал, отвел взгляд от бумаги и пристально посмотрел на мать; фамилия Мэтри напоминала ему о чем-то. – Что это значит?

– Когда мы переехали сюда, я приняла свою девичью фамилию – Бёрджесс. А вообще, я – миссис Мэтри, отца твоего звали Риз Мэтри, а ты – Пол Мэтри. Но мне хотелось забыть это имя. – Губы ее задрожали. – Мне хотелось, чтобы ты никогда не знал его и не слышал.

– Почему?

Снова наступило молчание. Миссис Бёрджесс опустила глаза и еле слышно сказала:

– Чтобы ты избег... страшного позора.

Сердце у Пола бешено колотилось, он ждал не шевелясь, когда она вновь заговорит. Однако это, казалось, было выше ее сил. Она в отчаянии взглянула на сына:

– Не заставляй меня продолжать, сынок. Мистер Флеминг обещал обо всем тебе рассказать. Иди к нему. Он тебя ждет.

Пол видел, что продолжать разговор для нее – попытка, но он ведь тоже страдал и потому был беспощаден.

– Продолжай, – еле слышно сказал он. – Ты обязана рассказать мне все.

Она заплакала – ее узкие плечи содрогались от конвульсивных рыданий. Никогда прежде Пол не видел мать в слезах. Немного погодя она судорожно глотнула воздух, как бы собираясь с силами, и, не глядя на сына, пробормотала:

– Твой отец не умер по пути в Южную Америку. Он пытался уехать туда, но был задержан полицией.

Пол ожидал всего, но только не этого. Сердце у него замерло, потом пульс учащенно забился где-то у самого горла.

– За что? – прерывающимся голосом спросил он.

– За убийство.

В маленькой комнатке наступила тишина. Убийство. Страшное слово эхом отдавалось в мозгу Пола. Он весь обмяк. Тело покрылось холодным потом, и он прерывистым шепотом спросил:

– Значит... его повесили?

Мать покачала головой, в ее глазах отразилась ненависть.

– Нам было бы лучше, если бы это было так. Его приговорили к смерти... но в последнюю минуту приговор отменили... Он отбывает пожизненное заключение в тюрьме Стоунхис.

Глава 3

Дом пастора Флеминга, расположенный в деловом центре Белфаста, недалеко от Большого Северного вокзала, был уродливым узким строением, выкрашенным в серый цвет, под стать примыкавшей к нему церкви. Хотя Пол чувствовал безмерную физическую усталость, словно его долго колотили, – впору забиться куда-нибудь в угол и не вылезать, – неудержимое желание узнать правду заставило его выйти на мокрые, сверкавшие огнями улицы, где шумела субботняя толпа, и отправиться к пастору. Мать, придя в себя после обморока, легла в постель.

А он понимал, что не заснет, пока не узнает подробностей, пока не узнает всего. В ответ на его стук в холле пасторского дома зажегся свет, и Элла Флеминг открыла дверь:

– А, Пол! Входи.

Она провела его в гостиную – комнату с низким потолком, уставленную мягкой мебелью и казавшуюся очень уютной благодаря темно-красным портъерам и огню, плававшему в камине.

– Отец сейчас занят с каким-то прихожанином. Но это ненадолго. – На ее лице появилась слабая, приличествующая случаю улыбка. – На улице так сыро. Я приготовлю тебе какао.

Элла считала чашку какао панацеей почти от всех бед, что было вполне естественно для дочери приходского пастора, а Пол, хотя и вовсе не жаждал вкусить этого безобидного напитка, был слишком измучен, чтобы отказаться. Кажется это ему или безмятежность Эллы и в самом деле наигранна, а слегка поджатые губы указывают на то, что она знает о его беде? Пол машинально опустился в кресло; тем временем Элла принесла из кухни поднос, положила в чашку сахар и какао и, помешивая ложечкой, налила кипятку.

Она была на два года старше Пола, но стройная фигура с тонкой талией и бледное лицо делали ее похожей на девочку. Глаза у нее были зеленовато-серые, большие и выразительные. Ясные и мечтательные, они могли наполняться слезами и даже способны были метать молнии. Элла всегда заботилась о своей внешности, и сейчас на ней была скромная плиссированная юбка, черные чулки и свободная белая, тщательно отглаженная блузка с круглым вырезом.

Пол принял из ее рук чашку и молча выпил какао. Раз или два Элла отрывалась от вязания и вопросительно поглядывала на него. Она была от природы разговорчива и умела поддерживать оживленную беседу: роль хозяйки, которую она взяла на себя в доме овдовевшего отца, привила ей известную светскую непринужденность. Но сегодня после нескольких замечаний о том о сем, на которые Пол никак не откликнулся, она лишь молча сдвинула свои красиво очерченные брови.

Вскоре из коридора донеслись голоса, затем хлопнула входная дверь. Элла тотчас поднялась:

– Я скажу отцу, что ты здесь.

Она вышла из комнаты, и мгновение спустя появился сам пастор Эммануэл Флеминг. Это был мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с большими нескладными руками. Одежда его не отличалась изысканностью: темные брюки, грубые рабочие башмаки и черный пиджак из альпаки, побелевший на швах. Его бородка отливала сединой, но в широко раскрытых глазах застыло детски-наивное выражение.

Он подошел к Полу, с излишним пылом пожал ему руку, затем с подчеркнутым дружеским обнял за плечи:

– Ты пришел, мой мальчик. Я очень рад. Пойдем побеседуем.

Он провел Пола в свой кабинет – маленькую, спартанского вида комнату в глубине дома, с испещренным пятнами дощатым полом, в которой стояло лишь бюро светлого дуба с выдвигной крышкой, несколько дешевых стульев и застекленный книжный шкаф. Уродливые часы из зеленого мрамора, поддерживаемые золотыми ангелами, – чей-то дар – неуклюжей громадой возвышались на хрупкой каминной доске, накрытой дорожкой с бахромой из бархатных шариков. Усадив гостя, пастор медленно опустился на свое место за бюро.

– Дорогой мой мальчик, это было для тебя, конечно, страшным ударом, – помедлив немного, дружеским, исполненным сочувствия тоном начал он. – Но главное, помни: такова воля Господа. Тогда тебе легче будет примириться с тем, что произошло.

Пол с трудом склотнул – в горле у него пересохло.

– Как я могу с чем-то мириться, когда не знаю, что произошло. Я должен все знать.

– Это печальная и тяжелая история, мой мальчик, – нахмурившись, произнес пастор. – Стоит ли ворошить прошлое?

– Нет, я хочу, чтобы мне все рассказали. Я должен выслушать эту историю, а не то мне все время будет казаться... – Он не договорил.

Наступило молчание. Пастор Флеминг, опершись локтем на бюро, прикрыл глаза большой рукой – казалось, в глубине души он взывал к Всевышнему о помощи. Это был добрый и благонамеренный человек, который уже давно, не жалея сил, трудился на ниве Божьей. Но взгляды его были довольно ограничены, и он нередко с грустью признавался себе, что все его усилия и старания пошли прахом. Он был одиноким и частенько предавался самобичеванию, корил себя даже за любовь к дочери, так как сознавал ее недостатки, мелочность, тщеславие, но слишком любил Эллу, чтобы попытаться это исправить. Трагедия его заключалась в том, что он жаждал быть святым, верным учеником Христовым, способным исцелять одним своим прикосновением и дарить радость пастве, проповедуя слово Господне, которое он сам так хорошо понимал. Ему хотелось парить в заоблачных высях. Но, увы, язык его был неуклюж, а ноги с трудом передвигались – словом, он был прочно привязан к земле. Вот и сейчас пастор заговорил запинаясь, сухие, педантичные фразы слетали с его уст:

– Двадцать два года тому назад в Тайнкасле я обвенчал Риза Мэтри с Ханной Бёрджесс. Я знал Ханну уже несколько лет, она была одной из любимых моих прихожанок. Риза я не знал раньше, но это оказался приятный молодой человек с хорошими манерами, уроженец Уэльса. Он мне понравился и внушил доверие. У него было прекрасное место – он работал представителем крупной кондитерской фирмы в Северных графствах. Все говорило о том, что они должны быть счастливы, особенно после того, как у них родился сын. Я, дорогой мой мальчик, и окрестил тебя Полом Мэтри.

Он помолчал, как бы взвешивая то, что ему предстояло сказать.

– Не стану отрицать, в вашем семействе не всегда царило согласие. Твоя матушка была очень религиозной, как и подобает истинной христианке, тогда как отец, мягко говоря, придерживался более широких взглядов, и это, естественно, приводило к конфликтам. Мать, например, была решительно против употребления вина и табака – предубеждение, которого отец никогда не мог понять. К тому же работа вынуждала его проводить по крайней мере неделю в месяц вне дома, что, очевидно, разбалтывало его. А потом он любил заводить друзей, я сказал бы даже, что их было у него слишком много, так как он был красивый, приятный малый, и друзья эти не всегда оказывались людьми достойными. Мэтри встречался с ними в бильярдных, барах и прочих злачных местах. И все же вплоть до ужасных событий двадцать первого года ни в каких серьезных проступках я не мог его упрекнуть.

Пастор вздохнул, отнял руку ото лба и, сложив вместе кончики толстых пальцев, устремил страдальческий взор куда-то вдаль, словно там вставали перед ним грустные картины прошлого.

– В январе тысяча девятьсот двадцать первого года фирма, где работал твой отец, произвела некоторые перемещения служащих, в результате чего родители переехали вместе с тобой в Центральные графства Англии. Надо сказать, что за несколько месяцев до этого меня самого перевели сюда, в Белфаст, но я переписывался с твоей матушкой. И должен признать, ваша жизнь в Уортли с самого начала не клеилась. Отец твой, видно, был обижен тем, что его перевели в такое место, где не очень-то развернешься. Да и матушке там не слишком нравилось. Уортли – серый, несимпатичный город, хотя и с красивыми окрестностями. К тому же твои родители никак не могли подыскать себе подходящий дом и без конца переезжали из одних меблированных комнат в другие. И вот в сентябре – точнее, девятого числа – твой отец вдруг объявил, что терпению его пришел конец. Он сказал, что хочет бросить работу и предлагает всем семейством перебраться в Аргентину: там-де им будет лучше. Он заказал три билета на пароход «Восточная звезда», который отплывал пятнадцатого сентября. Тринадцатого он отправил тебя с матерью в Ливерпуль, где вы должны были дожидаться его в отеле «Грейт централ». А сам четырнадцатого поздно вечером сел на поезд и выехал вслед за вами из Уортли,

но с вами не встретился. Когда в два часа ночи он прибыл в Ливерпуль на Центральный вокзал, на платформе его ждала полиция. После отчаянного сопротивления Мэтри был арестован и отвезен в тюрьму на Кэнон-стрит. Бог мой, я до сих пор помню, какой это был ошеломляющий удар! Ведь его обвинили в преднамеренном убийстве.

Наступило долгое, напряженное молчание. Пол сидел в кресле неподвижно, точно загнипнотизированный. Затаив дыхание, он ждал, что будет дальше.

– В ночь на восьмое сентября было совершено удивительно жестокое, страшное убийство. Мона Сперлинг, хорошенькая молодая женщина двадцати шести лет, работавшая в цветочном магазине близ Леонард-сквер, была зверски зарезана у себя в квартире, в доме номер пятьдесят два на Ошо-стрит в Элдоне, одном из ближайших пригородов Уортли. Преступление было совершено между восемью часами и десятью минутами девятого. Вернувшись с работы в половине восьмого, мисс Сперлинг, видимо, перекусила, затем переделалась в воздушный пеньюар, в котором ее и нашли убитой. В восемь часов супруги Прасти, занимавшие квартиру этажом ниже, услышали необычную возню на верхнем этаже, и Альберт Прасти, поддавшись уговорам жены, пошел посмотреть, что там происходит. Он громко постучал в дверь верхней квартиры, но на его стук никто не откликнулся. Несколько озадаченный этим обстоятельством, он стоял на площадке, раздумывая, что предпринять, как вдруг на лестнице появился молодой рассыльный из прачечной по имени Эдвард Коллинз с пакетом белья. В ту же минуту дверь квартиры Сперлинг распахнулась, оттуда выскочил мужчина и, пробежав мимо них, ринулся вниз по лестнице, а Прасти с Коллинзом бросились в квартиру и в гостиной обнаружили мисс Сперлинг: она лежала на коврик у камина с перерезанным горлом, в луже крови. Мистер Прасти тотчас побежал за доктором. Тот немедленно прибыл на место происшествия, но это уже ничего не дало, так как женщина была мертва. Послали за полицией. Приехал местный полицейский хирург и инспектор по фамилии Сванн. Сначала казалось, что убийца не оставил никаких следов, но через некоторое время были обнаружены три предмета, которые могли послужить ключом к разгадке. Инспектор Сванн нашел в бюро почтовую открытку с рисунком, сделанным от руки. Открытка была отправлена всего неделю назад из Шеффилда, на ней было написано: «В разлуке сердце полнится любовью. Не поужинаешь ли со мной у Друри, когда вернусь?» И стояла подпись: «Бон-бон».

Кроме того, он нашел записку с обгоревшими краями; подписи на ней не было, только штамп от восьмого сентября и несколько слов: «Я должен непременно увидеть тебя сегодня вечером». И наконец, на коврик у камина, рядом с убитой, лежал кошелек для мелочи в виде мешочка, закрывающегося с помощью металлического кольца; кошелек этот был сделан из очень мягкой и необычайно тонкой кожи. В нем оказалось около десяти фунтов банкнотами и серебром. На основании показаний Эдварда Коллинза и Альберта Прасти было тотчас составлено описание выбежавшего из квартиры человека и предложена большая награда тому, кто сообщит о его местонахождении. На следующий день хозяйка местного прачечного заведения явилась в полицейский участок вместе с одной из своих гладильщиц, семнадцатилетней девушкой по имени Луиза Бёрт. Выяснилось, что Луиза, приходившаяся двоюродной сестрой Эдварду Коллинзу, рассыльному этой прачечной, в тот вечер, когда было совершено преступление, ездил с ним на Ошо-стрит и поджидала его в тупичке. Ей не очень-то улыбалось лазить с ним по лестницам. И вот, пока она ждала его, из дома номер пятьдесят два выскочил какой-то человек, который чуть не сшиб ее с ног. Она описала этого человека. Таким образом, у полиции было уже три свидетеля, видевших преступника.

Пастор Флеминг умолк и смущенно посмотрел на молодого человека своими добрыми, бесхитростными глазами.

– Не очень-то приятно касаться некоторых обстоятельств, Пол, но – увь! – они имеют прямое отношение к этой трагической истории. Словом, Мона Сперлинг – женщина, не отличавшаяся высокой моралью, – была довольно близко знакома со многими мужчинами, а с

одним из них находилась в постоянной связи. Никто не знал, кто этот человек, но ее товарки – другие продавщицы – утверждали, что в последнее время Мона была чем-то взволнована и расстроена. Однажды они даже слышали, как она раздраженно упрекала кого-то по телефону: «С кого же мне еще спрашивать, как не с тебя!» И еще: «Если ты меня бросишь, я тебя выведу на чистую воду». Наконец, вскрытие тела выявило еще одно прискорбное обстоятельство: убитая была беременна. Итак, причина убийства казалась ясной: женщину, конечно, зарезал тот, кто был повинен в ее состоянии. Возможно, она надоела ему. А когда стала угрожать, он назначил ей письмом свидание и убил. Вооруженная этими данными, полиция все и вся поставила на ноги, чтобы разыскать убийцу. В газетах появились снимки рисованной открытки с подписью «Бон-бон», и лиц, знающих ее отправителя, просили сообщить об этом в полицию Уортли. Все железнодорожные вокзалы и морские порты были взяты под наблюдение – почти неделю шли поиски. Затем, тринадцатого сентября, поздно вечером, помощник букмекера по имени Гарри Рокка попросил начальника полиции принять его. Волнуясь, этот человек сказал, что хочет дать показания. Он признался, что состоял в близких отношениях с покойной, и даже сообщил, что был с ней вечером накануне убийства. Затем заявил, что знает того, кто послал открытку. Это один его приятель, с которым они часто играют в бильярд и который неплохо рисует. Некоторое время тому назад он познакомил этого молодого человека с Моной Сперлинг. Кроме того, когда в печати появились фотографии открытки, его приятель пришел к нему крайне взволнованный и сказал: «Если кто-нибудь спросит тебя, где я был восьмого вечером, скажи, что играл с тобой в бильярд в отеле „Шервуд“». Этого, разумеется, было вполне достаточно. Один из полисменов в сопровождении инспектора Сванна немедленно отправился по адресу, который дал им Рокка. Там они узнали, что нужный им человек сел в ливерпульский экспресс, отошедший с вокзала на Леонард-сквер всего час назад. Естественно, последовал его арест в Ливерпуле. Арестовали, Пол, твоего отца.

Снова наступило молчание. Пастор налил себе воды из графина, стоявшего на бюро, и слегка смочил губы. Затем, сосредоточенно насупив брови, продолжил:

– Случилось так, что Альберт Прасти, главный свидетель, был прикован к постели острым приступом астмы. Он держал табачную лавочку, где продавал сигареты собственного изготовления, и никотиновая пыль частенько вызвала у него приступы этой болезни. Но двое других свидетелей были немедленно отвезены в Ливерпуль. Их сопровождал полисмен и инспектор Сванн. Там перед ними выстроили десять человек, и они, ни минуты не колеблясь, тотчас указали на твоего отца как на человека, которого видели в вечер убийства. В их уверенности было даже что-то страшное. Эдвард Коллинз воскликнул: «Вот он, ей же богу, он!» – а девушка – Луиза Бёрт – от сознания лежавшей на ней ответственности громко, истерически разрыдалась. «Я знаю, что надеваю на его шею петлю, но это – он!» – воскликнула она.

Общественное мнение было чрезвычайно возбуждено против преступника. Решив уберечь твоего отца от разъяренной толпы, полицейские сняли его в Барбридже с поезда и в закрытом фургоне привезли в тюрьму Уортли. О Господи, милый Пол, я совсем истерзал тебе сердце! Суд начался пятнадцатого декабря в Уортли под председательством судьи Омэна. В какой тревоге жили мы все эти роковые дни! Одного за другим вызывали свидетелей, и те давали свои убийственные показания. При обыске в чемоданах отца была обнаружена бритва, которую медицинские эксперты признали как орудие преступления. Эксперт-каллиграф удостоверил, что полуобгоревшая записка, в которой назначалось свидание и которая была найдена на квартире убитой, написана Мэтри, только левой рукой. Многие видели, как он заходил в цветочный магазин и, покупая себе цветок в петлицу, весело смеялся и судачил с мисс Сперлинг. И так далее и так далее. Намерение бежать в Аргентину, ожесточенное сопротивление, оказанное полиции, – все говорило против него. И самым губительным была его роковая попытка установить ложное алиби с помощью Рокки. Наконец настал его черед давать показания, но – увы! – он не сумел себя защитить, сбивался, терял самообладание и даже кричал на

судью. Мэтри не мог сказать ничего определенного относительно того, где был, когда произошло убийство, и только твердил, что провел часть этого злополучного вечера в кино. Но это жалкое объяснение было поднято на смех прокурором. Сгустившуюся тьму пробил всего один слабый луч надежды. Альберт Прасти, хотя и признал, что твой отец похож на человека, выбежавшего из квартиры, однако не решался клятвенно подтвердить, что это именно он. Впрочем, вскоре выяснилось, что Прасти страдает близорукостью, а при перекрестном допросе обнаружилось, что он зол на полицию, которая не взяла его вместе с Коллинзом и Луизой Бёрт в Ливерпуль.

В своем заключительном слове судья обрушился на обвиняемого. Двадцать третьего декабря в три часа дня присяжные удалились на совещание. Они отсутствовали всего сорок минут. Их вердикт гласил: «Да, виновен». Я был в суде – твоя матушка слишком плохо себя чувствовала и не могла пойти – и до последнего дня не забуду той страшной минуты, когда судья надел черную шапочку и объявил приговор, препоручая душу твоего отца милосердию Всевышнего. Когда Мэтри повели из зала, он, словно обезумев, принялся вырваться и все кричал: «Бога нет! Будь проклято людское милосердие и Божье тоже! Мне его не надо!»

Ах, над Господом Богом нельзя глумиться, Пол. Но может быть, как раз в ответ на такое богохульство Всевышний и проявил милосердие к грешнику. Когда никто уже не надеялся, в самый канун казни смертный приговор твоему отцу был заменен пожизненным заключением, которое он и отбывает в Стоунхисе.

Пастор замолчал, и в комнате воцарилась тишина. Оба собеседника старались не смотреть друг на друга. Пол, так глубоко ушедший в кресло, что, казалось, его силой вогнали туда, вытер лоб платком, зажатым во влажной руке.

– Он еще жив?

– Да.

– И никто не видел его... с тех пор?

Пастор тяжело вздохнул:

– Сначала я пытался поддерживать с ним связь через тюремного капеллана, но мои попытки натолкнулись на такую злобу, можно даже сказать – на такое ожесточение, что я вынужден был от них отказаться. А матушка... Видишь ли, голубчик, она считала, что твой отец обошелся с ней нечеловечески жестоко. А ей надо было думать о тебе. В твоих же интересах она почла за благо вырвать эту страшную главу из юной жизни сына. То, что ей это не совсем удалось, не имеет особого значения. Ты хороший мальчик и способен снести этот удар. Вот почему я рассказал тебе все без утайки вместо того, чтобы обманывать и говорить недомолвками. А теперь я хочу, чтобы ты забыл обо всем сказанном. Человек ты самостоятельный, и у тебя впереди вся жизнь. Так иди же своим путем, как если бы всего того, о чем я тебе рассказал, никогда не было, иди вперед и вперед, уверенный в себе, а о том – забудь.

Глава 4

Прошла неделя со времени разговора в кабинете Флеминга. Было воскресенье. Урок Закона Божия в Меррионской приходской школе только что закончился. Последние дети ушли, и у входа Пола ждала Элла в парадном синем костюме и скромной соломенной шляпке, которую она сама украсила голубой лентой. Пол с трудом поднялся, сошел с кафедры и по проходу между опустевшими скамьями направился к двери. Хотя вести эти занятия он согласился, главным образом чтобы доставить удовольствие матери, они и ему пришлось по душе. Очень уж забавные мальчишки жили на Меррион-стрит. Но сегодня мысли у него путались и голова раскалывалась от бессонной ночи. Одному Богу известно, как он довел занятия до конца.

– Я уверена, что сегодня тебе не до музыки, Пол, – тактично начала Элла, – но погода такая хорошая. Может быть, немного пройдемся?

Обычно, перед тем как отправиться на воскресную прогулку, Пол присаживался к маленькому органу – у него были незаурядные музыкальные способности – и, зная вполне определенный вкус Эллы, отнюдь не совпадавший с его собственным, играл ей что-нибудь из Генделя или Элгара. Но сегодня это было выше его сил. Гулять ему тоже не хотелось, но он понимал, что она предложила эту прогулку, чтобы немного развлечь его, и потому не стал возражать.

Элла взяла Пола под руку, властно прижав к себе его локоть, и они пошли в направлении парка Ормо. Хотя час был еще ранний, по улицам прогуливалось довольно много народу: женщины шеголяли нарядами, мужчины в воскресных костюмах выглядели как-то особенно респектабельно и самодовольно, и от всего отдавало такой воскресной благопристойностью, что Пол почувствовал глухое раздражение.

– Я сегодня что-то не в настроении для парада, – пробормотал он, когда они входили в парк.

Элла обиженно на него посмотрела, но ничего не сказала. Она не способна была на сильное чувство, однако Пола любила уже давно. Правда, боязнь нарушить приличия сдерживала ее и не позволяла ему открыться. Пол же, привыкший видеть в ней близкого друга, несмотря на туманные намеки матери, желавшей подтолкнуть сына к более серьезному шагу, охотно поддерживал с Эллой отношения, ничуть не задумываясь над тем, как мало общего между его вольнолюбивой, широкой натурой и узколобой христианской моралью, отличавшей все поступки Эллы. Тем не менее Элла считала вопрос решенным, и все ее планы на будущее строились из расчета на этот брак. Она была честолюбива и хотела многого добиться в жизни как для себя, так и для него: вот тут, казалось ей, на помощь его уму и должен прийти ее организаторский дар. Она уже мысленно видела, как, подчиняясь благому влиянию, Пол достигнет вершин академической карьеры и будет – вместе с ней, конечно, – приобщен к самому избранному обществу.

Понятно, что недавнее открытие нанесло серьезный удар ее гордости. Она видела, как потрясен Пол. Но если она, Элла, готова примириться со злополучной историей и забыть ее, то почему бы и ему не поступить так же? Ничего страшного не случилось, все это – в прошлом и давно погребено, а потому надо только быть чуточку осторожнее, и никто ни о чем не узнает. Такова была ее точка зрения. И вот сейчас, когда она увидела, что Пол все еще потрясен и подавлен, к ее сочувствию стала примешиваться досада, даже раздражение. Хотя Элла великолепно умела владеть собой, нрав у нее был отнюдь не кроткий, а скорее сварливый, и, слушая Пола, она с трудом сдерживала злость.

– У меня такое ощущение, будто все эти годы я жил под чужой личиной. – Пол с трудом подыскивал слова, пытаясь передать мучившие его мысли. – Ведь теперь я не могу больше носить фамилию Бёрджесс. Меня зовут Мэтри, Пол Мэтри... И если я буду жить не под этой фамилией, значит я лгун и обманщик. А если я приму ее, то куда бы я ни пошел, мне будет чудиться, будто люди показывают на меня пальцем, перешептываются: «Смотрите, вот идет Мэтри, сын того человека, который...»

– Не надо, Пол, – прервала его Элла. – Ты слишком все усложняешь. Никто и никогда не должен об этом узнать.

– Пусть никто не знает, но я-то ведь знаю. – Он продолжал идти, упорно глядя себе под ноги: так сильна была боль, что он не мог поднять глаза. – Ну... что же все-таки мне... что же мне делать?

– Забыть об этом.

– Забыть? – не веря собственным ушам, повторил он.

– Ну да. – Она уже начинала терять терпение. – Все очень просто. Ты должен выбросить из головы всякую мысль об... об этом Мэтри.

Он растерянно посмотрел на нее:

– Отказаться от своего отца?

– Да разве таким человеком можно гордиться?

– Что бы он ни сделал, он дорого заплатил за это. Черт побери, полжизни провести за решеткой!.. Бедняга.

– Я думала прежде всего о тебе, – оборвала она его. – И пожалуйста, не ругайся при мне.

– Но я же ничего такого не сказал.

– Нет, сказал. – Она не в силах была больше сдерживаться; кровь бросилась ей в лицо. – Ты употребил выражение, совершенно недопустимое в присутствии дамы! – выкрикнула она. – Твоему поведению просто нет названия.

– А как, по-твоему, я должен вести себя?

– Во всяком случае, более пристойно. Ты, видимо, не понимаешь, что все это затрагивает меня ничуть не меньше, чем тебя.

– Ах, Элла, ради Бога, хватит ребячиться! Сейчас для этого, право, не время.

Она внезапно остановилась. Чувство обиды захлестнуло ее, но еще сильнее было желание заставить его подчиниться. Лицо Эллы стало зеленовато-серым, в возведенных к небу глазах заблестели слезы.

– Раз ты в таком настроении... нам не стоит больше гулять.

Оба помолчали. Он в изумлении посмотрел на нее. Мысли его были далеко.

– Как тебе угодно.

Огорченная тем, что ее поймали на слове, Элла прикусила губу, стараясь совладать с выступившими от злости слезами. Затем, поскольку Пол ничего не делал, чтобы ее удержать, одарила его слабой улыбкой, исполненной сознания оскорбленной добродетели, – вымученной улыбкой, какой, должно быть, улыбались юные девственницы на заре христианства, когда язычники раскаленными щипцами вырывали им груди.

– Прекрасно. Тогда я иду домой. До свидания. Надеюсь, ты будешь в лучшем настроении при следующей встрече.

Она повернулась и пошла прочь, высоко вскинув голову. Стыдно так обращаться с друзьями, казалось, говорила ее спина. Несколько минут Пол смотрел ей вслед, сожалея о нелепой ссоре и в то же время чувствуя облегчение оттого, что наконец остался один. И когда она исчезла из виду, он медленно повернулся и пошел в обратном направлении. Ему претила даже мысль о том, чтобы вернуться на Лейм-роуд. Там ждет его мать со своими невыносимыми вздохами и сочувствием. Пола передернуло при мысли о том, что вот сейчас он услышит ее скорбно-приглушенный голос, она подаст ему ночные туфли, и он тихо, мирно проведет очередной вечер дома, окруженный молчаливым вниманием матери.

Странно: почему он вдруг стал так относиться к ней? Но еще более странным и еще менее логичным было чувство, подсознательно зревшее в нем по отношению к отцу. Ведь он – преступник, причина его несчастий. И все же Пол не в силах был возненавидеть его. Напротив, на протяжении всех этих последних мучительных ночей, проведенных без сна, мысль его устремлялась к отцу, а сердце наполнилось жалостью. Пятнадцать лет просидеть в тюрьме – да разве это недостаточное наказание для любого человека? Перед Полом вставали картины раннего детства – смутные, но безмерно волнующие. Каким нежным был всегда отец! Пол не мог припомнить ни одного резкого слова или окрика. И слезы вдруг застлали ему глаза.

Он увидел, что находится на набережной Донегол, в бедном районе города, возле доков. Он пришел сюда, сам не зная почему. Повинуясь какому-то странному импульсу, Пол понуро побрел дальше, через железнодорожные пути, мимо сложенных штабелями тюков, мешков и оплетенных бутылей, загромаждавших гавань. С моря потянулся вечерний туман, к которому примешивались соленые испарения, поднимавшиеся из бухты, и стрелы подъемных кранов сразу приобрели призрачные очертания. На дальнем маяке сирена низким басом завела свою печальную песнь.

Наконец баррикада из ящиков, наваленных между сараями, вынудила Пола остановиться, и он присел на один из них. Как раз напротив старое грузовое суденышко готовилось к отплытию с началом прилива. Пол узнал его – это была «Долина Авоки», курсировавшая между Белфастом и Холихедом. Иногда судно брало несколько палубных пассажиров, и сейчас у схода стояла небольшая группа мужчин и женщин с пожитками, нанятых для уборки картошки на линкольнширских фермах, – они прощались с родными, прежде чем взойти на борт. Вокруг Пола прихотливо клубился туман, в ушах гудела и гудела сирена маяка, а он сидел и напряженно всматривался в судно. Каникулы у него начались, планы преподавания в летней школе рухнули – впереди ничего, кроме томительного безделья. Внезапно непонятное волнение охватило Пола. Он понял, что его поступки предопределены. Не раздумывая, он вытащил из кармана записную книжку и написал на листке:

Уезжаю на несколько дней. Не волнуйся. Пол.

Вырвав листок, он сложил его и на обороте написал фамилию и адрес матери. Затем подозвал одного из мальчишек, стоявших среди зевак, и отдал ему записку, присовокупив для верности монету – гонорар за доставку. Потом встал, твердым шагом подошел к кассе и за несколько шиллингов купил себе билет до Холихеда. Уже отдавали концы, когда он ступил на сходни. Вот тяжелый канат шлепнулся в воду, машины заработали, и судно, вздрогнув, направилось в открытое море.

Глава 5

Было шесть часов утра, и шел сильный дождь, когда «Долина Авоки» стала на якорь у Холихеда. Продрогший, с трудом передвигая одеревеневшие ноги, Пол сошел на берег и направился к вокзалу. Он едва успел проглотить чашку чая в буфете, как объявили о прибытии поезда, следующего на юг. Расплатившись с полусонной официанткой, Пол вскочил в вагон и занял свободное место в уголке купе третьего класса. Паровоз дал гудок – и поезд тронулся.

Это было утомительное путешествие через Шрусбери и Глостершир, с двумя пересадками, во время которых Пол промок до костей, так как был без пальто. Однако эти мытарства привели лишь к тому, что он еще больше утвердился в своем намерении довести затею до конца. Словно под стать его мрачному настроению, пасторальный характер местности постепенно менялся, и теперь поезд шел по дикому, пустынному краю. Ровные квадраты огороженных полей исчезли, появились каменистые пустоши и степь, поросшая жалкими побегими вереска. Поля пестрели высокими монолитами – они стояли кругами, древние и призрачные. На западе из-за хвойных лесов поднимались серые горы, прорезанные бурными водопадами, увенчанные темными облаками. Паровоз пыхтел, преодолевая сопротивление дувшего с моря ветра, а за одним из поворотов Пол увидел и море – его холодные волны с грохотом разбивались о высокие скалы. Наконец, часов около четырех пополудни, поезд остановился у маленькой станции среди вересковой пустоши – сюда-то и ехал Пол. Единственная платформа была почти пустой, когда он вышел и, чувствуя, как у него гудит в ушах от бешеного тока крови, предъявил свой билет одинокому станционному служителю. Пол собирался спросить у него, как добраться до тюрьмы, но язык словно прилип к гортани, и он молча прошел через белый турникет. Выйдя со станции, Пол тотчас увидел в отдалении – за полосой красной земли, поросшей мокрым от дождя вереском, – серую громаду тюрьмы, обнесенную высокими стенами. И направился к ней по узкой дороге, вившейся через пустошь.

Чем ближе он подходил к мрачной крепости, тем сильнее билось его сердце. Во рту у него пересохло, грудь сдавило, в желудке было пусто, и противно сосало под ложечкой, так как за весь день он проглотил лишь сэндвич и чашку чая. Дорожка пошла под уклон, и Пол, остановившись, прислонился к чахлой березе, чтобы перевести дух. На западе образовался разрыв в облаках и проглянул кусочек зеленовато-молочного неба, на фоне которого проступили

очертания тюрьмы, достаточно хорошо различимые отсюда, с вершины холма. Она вздымалась огромным глухим массивом, прорезанным лишь низкими воротами со сторожевыми башнями по углам, похожими на нахохлившихся орлов, – вздымалась отвесно, как скала, мрачная, будто средневековый форт. Возле нее в два ряда выстроились домики тюремщиков, сараи и мастерские, а вокруг простиралась голая вересковая пустошь. Непрístupная стена, утыканная шипами, окружала всю территорию, на которой, подобно огромным разверстым ранам, зияли три каменоломни. В одной из них работало несколько команд арестантов, издали похожих на серых муравьев; их охраняли четверо тюремщиков в синем, медленно и грозно шагавших с винтовкой на плече. Пол не сводил глаз с бурых фигурок, которые усердно трудились, то сгибаясь, то разгибаясь, а вокруг стояла первозданная тишина.

В эту минуту позади раздались шаги. Пол вздрогнул и стремительно обернулся. На вершину холма поднимался пастух в сопровождении косматой овчарки. Вид у него был суровый и неприветливый. Казалось, эта дикая, мрачная природа наложила на него свой отпечаток. Он остановился рядом с Полом и, опершись на посох, с врожденной подозрительностью оглядел незнакомца.

– Не слишком приятное зрелище, – произнес он после долгого молчания.

– Да, – с трудом выговорил Пол.

Тот медленно кивнул:

– Вот проклятое место – другого такого не сыщешь. Я-то уж знаю: сорок лет здесь прожил. – Он помолчал. – У них там в прошлом месяце бунт был. Погибли пять арестантов и двое тюремщиков, а с виду будто ничего и не случилось. Так же было тихо и спокойно, как сейчас. Шито-крыто! Вот мы с вами тут стоим, разговариваем, а часовой на той вон башне уже наставил на нас бинокль и следит за каждым нашим движением.

Пол вздрогнул, но тотчас взял себя в руки, решив выяснить то, что так интересовало его:

– А когда там у них дни свиданий?

– Дни свиданий? – Пастух посмотрел на него с явным недоумением. – Таких дней там нет.

У Пола захолонуло сердце.

– Но ведь есть же... – вырвалось у него, – конечно, есть такие дни... когда родственникам разрешают видеться с арестантами?!

– Им никого видеть не разрешают, – отрубил пастух. – Никогда. – Его обветренное лицо, не знающее улыбки, исказила кривая усмешка. – Нам так же трудно попасть туда, как им – оттуда выйти. А теперь – до свидания, молодой сэр.

Он свистнул собаке и, еще раз кивнув, пошел своей дорогой.

Оставшись снова один среди воцарившейся тишины, Пол долго стоял неподвижно: надеяться было не на что. Никаких посетителей... Никогда! Он не может увидеть отца... не может хотя бы словом обменяться с ним... То, ради чего он приехал сюда, неосуществимо. Столкнувшись с холодной реальностью тюрьмы, он понял, что его надежды тщетны, как тщетно и путешествие, предпринятое в это проклятое место под влиянием сентиментального порыва.

Начало смеркаться, а он все стоял, не решаясь уйти. В тюрьме медленно, тягуче зазвонил колокол, нарушая вечную тишину своим погребальным звоном. Пол увидел, как арестанты прекратили работу и под конвоем вереницей потянулись в тюрьму. Ворота поднялись, поглотили их и снова опустились. В эту минуту последний клочок зеленоватого неба снова заволкло тучами.

Что-то надломилось в душе Пола. И из его груди вырвался крик, исполненный горя, боли, ужасного сознания своего бессилия. Горячие слезы брызнули из глаз и побежали по щекам. Он повернулся спиной к проклятой пустоши и, как слепой, побрел на станцию.

Глава 6

На окраине города Уортгли, на углу Эйрс-стрит и Элдон-авеню, находится табачная лавка с выцветшей вывеской: «А. Прасти. Торговля бирманскими сигарами». Предприятие это, старомодное с виду, однако солидное и процветающее, занимает помещение с двумя окнами. В одном из них чинно разложены сигары, нюхательные табаки, пенковые трубки и лучшие сорта рубленого табака, другое – матовое стекло с глазком, окруженным золотой каймой. Глазок приходится как раз над столиком, за которым владелец одного предприятия изготавливает ручную сигареты «Робин Гуд, нарезные», прославившие его на всю округу.

В этот июльский день, часов около двенадцати, мистер Прасти сидел за столиком, в переднике, без пиджака, и быстрыми, ловкими движениями набивал свои знаменитые сигареты. Это был сухонький человек лет за шестьдесят, с коротким угреватым носом и желчным лицом, совсем лысый, если не считать одной-единственной пряди седых волос, с крупным, как слива, жировиком на блестящей макушке. Лохматые седые усы пожелтели от никотина, как и кончики пальцев. На носу красовалось пенсне в стальной оправе. Восседавая на своем стуле и время от времени поглядывая в глазок, мистер Прасти заметил молодого человека без шляпы, чье поведение показалось ему подозрительным: этот юноша вот уже несколько минут прогуливался взад-вперед возле лавки, раза два-три подходил к двери, словно хотел войти, но в последний момент поворачивал обратно. Наконец он, как видно, собрался с духом, – бледный, исполненный решимости, он быстро вошел в лавку. Мистер Прасти, не державший помощника, медленно поднялся со стула.

– Да? – не очень любезно произнес он.

– Я хотел бы видеть мистера Альберта Прасти. Если... если, конечно, он еще жив.

Табачник кисло улыбнулся:

– Насколько мне известно, он жив. Я и есть Альберт Прасти.

Молодой человек, точно пловец перед тем, как нырнуть в ледяную воду, сделал глубокий вдох.

– Меня зовут Пол Мэтри. – (Ну вот, наконец-то! Стоило ему произнести эту фамилию, как сразу стало легче, и язык уже не прилипает к гортани.) – Ну да, Мэтри. По буквам: эм-э-тэ-эр-и. Не совсем обычная фамилия. Она вам ничего не говорит?

Лицо табачника даже не дрогнуло.

– А что, собственно, она должна мне говорить? – раздраженно переспросил он. – Если вы имеете в виду дело Мэтри, то я его помню. Мало кто способен забыть самую неприятную пору своей жизни. Но к вам-то, черт побери, какое это имеет отношение?!

– Я сын Риза Мэтри.

В низенькой лавке воцарилась звенящая тишина. Старик оглядел Пола с головы до ног, взял из банки, стоявшей перед ним на столике, понюшку табаку и медленно вдохнул едкую пыль.

– А зачем вы пришли ко мне?

– Я не сумею этого объяснить... Просто не мог поступить иначе. – В нескольких кратких, отрывистых фразах Пол попытался изложить обстоятельства, побудившие его предпринять поездку в Стоунхис, и добавил: – Я приехал сюда сегодня утром... В девять вечера идет поезд, с которого я могу попасть на пароход, отходящий в двенадцать ночи в Белфаст. Мне казалось, что, если бы я что-нибудь узнал... Даже сам толком не знаю, что именно... Возможно, какие-то смягчающие обстоятельства... Мне стало бы легче. А к вам я пришел потому... что вы были единственным свидетелем, выступившим в пользу отца.

– Что значит «в пользу»? – сердито переспросил Прасти. – Не понимаю.

– В таком случае... В таком случае вы, значит, ничего не можете мне сказать?

– А что, черт побери, я могу вам сказать?!

– Я... Я не знаю. – Пол вздохнул, постоял немного, потом выпрямился и направился к двери. – Что ж, я пошел. – Голос его уже не дрожал. – Извините, что побеспокоил. Спасибо за то, что не выставили.

– Подождите! – остановил его резкий окрик, когда он был уже за дверью.

Пол медленно вернулся в лавку. Прасти снова оглядел его с головы до ног – от молодого взволнованного лица до испачканных грязью брюк – и снова взял понюшку табаку.

– И куда это вы торопитесь! Свалились, как с неба, когда я и думать обо всей этой истории забыл, влетели в магазин и выскочили, будто коробок спичек зашли купить. Черт бы вас всех побрал! Не могу же я вернуться на пятнадцать лет назад за какие-то пятнадцать минут.

Но прежде чем Пол успел что-либо сказать, звякнул колокольчик и в лавку вошел покупатель. Когда, получив унцию флотского табаку, он уже собрался уходить, появился новый клиент – один из постоянных покупателей Прасти, дородный мужчина, который, выбрав себе сигару, закурил ее с явным намерением задержаться и поболтать. Тогда табачник подошел к Полу и тихо сказал:

– Сейчас время ланча – у меня самая горячая пора. Нам не удастся поговорить. Рассказать мне вам, собственно, нечего, но, поскольку я закрываю магазин в семь, а ваш поезд отходит только в девять, вы могли бы зайти ко мне домой этак в половине восьмого. Я попотчую вас чашечкой кофе на дорожку.

– Благодарю вас! – Глаза у Пола загорелись. – К вам на квартиру?

Прасти кивнул с какой-то странной усмешкой, прищурился близорукие глаза:

– Адрес прежний: Ошо-стрит, пятьдесят два. Дом стоит все на том же месте. И я живу все там же.

Он вернулся к покупателю, а Пол вышел из лавки. Едва волоча ноги от голода и усталости – всю предыдущую ночь он провел на жесткой скамье в зале ожидания на вокзале, – Пол вдруг вспомнил, что по пути из центра проезжал мимо здания с вывеской «Христианская ассоциация молодых людей», и, сев на желтый трамвай, через пять минут уже был в гостинице, принадлежащей этой ассоциации. Приняв горячую ванну, он почистил одежду и привел себя в порядок, затем съел сытный обед, состоявший из супа, отбивной и рисового пудинга.

Было всего два часа. Основательно подкрепившись, Пол вышел из столовой. А дальше что делать, как убить время до встречи с Прасти? И вдруг его осенило. Он справился у клерка и, пройдя минут десять по людной Леонард-сквер, вышел на Кентон-стрит и там свернул в подъезд городской публичной библиотеки. В высоком зале, где гулко отдавались шаги, он нашел отдел газетных подшивок.

– Не могли бы вы сказать мне, какая газета в Уортли пользуется наиболее почтенной репутацией?

Молодой человек, стоявший за столиком, насмешливо спросил:

– А разве есть почтенные газеты? – И тотчас тоном человека, на обязанности которого лежит выдача справок чужеземцам, добавил: – Пожалуй, самой лучшей будет «Курьер». Вполне солидная газета.

– Спасибо. Можно посмотреть ее подшивку за тысяча девятьсот двадцать первый год?

– За весь год?

– Ну нет. – Несмотря на напускную самоуверенность, Пол покраснел. – Меня вполне устрают последние четыре месяца двадцать первого года.

– Заполните, пожалуйста, формуляр.

– Извольте.

Карандашом, прикрепленным цепочкой к столику, Пол заполнил бланк и вручил его библиотекарю.

– Вы житель Уортли?

– Нет.

Библиотекарь колебался, щелкая по бланку ногтем:

– Строго говоря, вы не имеете права пользоваться читальным залом.

У Пола вытянулось лицо, но парень тут бодро предположил:

– Может, у вас в городе есть родственники?

– Нет.

– А вы можете дать какой-нибудь адрес?

– Ну, – сказал Пол, – я остановился в гостинице Христианской ассоциации молодых людей на Леонард-стрит.

– Это хорошо. – Библиотекарь приветливо улыбнулся. – Сейчас вам принесут.

Молодой человек нажал кнопку вделанного в стол звонка. Через несколько минут служитель принес толстую кожаную папку и положил ее на соседний столик.

Волнуясь, Пол принялся перелистывать сухие пожелтевшие страницы и затрепетал, когда ему на глаза попало первое упоминание о преступлении. Да, вот оно, перед ним:

ПОДЛОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЭЛДОНЕ. ЗВЕРСКИ УБИТА МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА.

Пол взял себя в руки и, стиснув зубы, принялся читать. Он читал не отрываясь, низко склонившись над текстом, а стрелки больших часов над его головой неуклонно совершали свой бег. Так прочел он все, от начала и до конца. В основном это была та же история, которую он уже знал, только изложенная более драматично. Когда Пол дошел до описания ареста, пот выступил у него на лбу. Слово за словом развертывалась перед ним трагедия, разыгравшаяся на суде. Он застонал. Речь прокурора Мэтью Спротта, королевского адвоката, обожгла его, как удар хлыстом.

«Это зверское убийство, – читал он, – хладнокровно совершенное прожженным мерзавцем, по своей дикой, неопикуемой жестокости не имеет себе равного в анналах криминалистики. Такое преступление мог совершить лишь вконец опустившийся негодяй, гнусный подонок! Для него мало виселицы, господа присяжные!»

Затем в специальном приложении к последней странице Пол увидел фотографии: жертва преступления – хорошенькая, глупо улыбающаяся женщина с высоко взбитыми волосами, в блузке с бантиком. Доказательства: свидетельство презренного доносчика Рокки, слабовольного тощего субъекта с прилизанными волосами, разделенными прямым пробором; открытка, сыгравшая роковую роль в обвинении, с начертанной на ней дурацкой фразой: «В разлуке сердце полнится любовью»; орудие убийства – немецкая бритва фирмы «Брасс». Ничто не было забыто – даже рассекающий волны корабль «Восточная звезда», на котором намеревался бежать преступник. А в центре страницы – сам осужденный между двумя блюстителями закона, снятый в тот момент, когда его вводили в суд для слушания приговора. Пол с болью смотрел на этот снимок: лицо отца, испуганное и в то же время покорное, обреченное, как у загнанного зверя, преисполнило его безмерной муки. Пол поспешно захлопнул подшивку. Последняя надежда, за которую он вопреки всему так цеплялся, исчезла. «Виновен! Виновен! – прошептал он про себя. – В этом нет сомнения!»

Взглянув на часы, он даже удивился: оказывается, стрелка уже приблизилась к восьми. Он встал и отнес подшивку. Библиотекарь, который выдавал ему газеты, по-прежнему стоял за своим столиком.

– Вам это еще понадобится? – спросил он. – Если да, то мы не будем убирать.

Несмотря на свое смятение, Пол заметил, что молодой человек смотрит на него с дружеским интересом. Библиотекарь был малый лет девятнадцати, худенький, невысокого роста, с большим насмешливым ртом, серыми умными глазами и курносый носом, который придавал его лицу живое, веселое выражение. Полу стало неприятно, что он не сумел совладать с собой и молодой человек, наверное, заметил его волнение.

– Нет, не понадобится.

Он постоял с минуту, словно ждал какой-то реплики, но библиотекарь лишь молча смотрел на него. Пол повернулся и вышел на шумную улицу.

Глава 7

Теперь, когда Пол знал все, первой его мыслью было отказаться от свидания с Альбертом Прасти. К чему лишний раз мучить себя? И все же он направился в Элдон. Шел он медленно. Уже начали сгущаться сумерки, когда он ступил на каменные плиты Ошо-стрит. Это была узкая улочка, по обеим сторонам которой вздымались высокие оштукатуренные дома с подъездами и воротами – некогда, видимо, обиталища аристократических семейств. Хотя район был вполне респектабельный, однако сейчас эти бывшие особняки, превращенные в многоквартирные дома, выглядели отнюдь не величественными, а жалкими и даже мрачными. Пол невольно вздрогнул, подойдя к дому, где было совершено убийство, но упрямо сжал зубы и заставил себя войти в подъезд. Затем поднялся по каменной лестнице, насквозь пропахшей сыростью, и позвонил у двери на втором этаже.

Ждать пришлось недолго; мистер Прасти открыл ему, и они прошли через темную переднюю в захлавленную гостиную, где на крошечной газовой плитке булькал кофе, испуская чудесный аромат.

Маленький табачник встретил Пола в теплых домашних туфлях и в старой бархатной куртке; на голове у него, как бы подчеркивая эксцентричность, красовалась потрепанная феска. Желая быть гостеприимным хозяином, он засуетился, быстро налил Полу чашку кофе и, положив в нее желтого сахарного песка, поставил перед ним.

Пол отхлебнул черного, сладковато-горького, полного гущи напитка. Горячий кофе приободрил его. Тем временем табачник снял соломинку с длинной сигары, понюхал ее с видом знатока, потер об ухо и закурил.

– Я сам себя обслуживаю, – заметил он, с удовольствием вдыхая сигарный дым. – Жена умерла шесть лет назад. Надеюсь, вам понравился кофе... Я выписываю его из-за границы.

Пол пробормотал что-то в ответ. Ему вдруг стало неловко: зачем, собственно, он сюда пришел? Он растерянно оглядел комнату, обставленную потертой мебелью красного дерева, заметил красивую бронзовую люстру, и взор его надолго приковался к потолку.

– Да-да, – сказал Прасти, поняв по выражению лица Пола, о чем тот думает. – Я сидел на этом самом месте, когда услышал стук, какое там стук – страшный грохот, и бросился вверх. Боже мой! Никогда не забуду ее... Она лежала полуобнаженная, такая аппетитная... Только горло у нее было перерезано от уха до уха... – Он запнулся. – Не надо пугаться. Там сейчас никого нет... Квартира пустая. У меня есть ключ... Хозяин дал мне... Если хотите посмотреть...

Пол отрицательно покачал головой и сжал виски руками:

– Я сегодня столько всего узнал, что ум мутится. Я весь день читал судебные отчеты в «Курьере».

– О да, – задумчиво произнес Прасти, – там все было описано как надо. Даже мне воздали должное. А я ведь не очень-то отличился. Спротт сделал из меня настоящего дурака. А все потому, что я не мог подтвердить под присягой, что человек, который вышел из этой квартиры... – он откинул голову и затянулся сигарой, – был Риз Мэтри.

– Вы не признали в нем... моего отца?

– На площадке было темно. И у меня не было при себе очков. Возможно, я ошибся... Эд – парень из прачечной – да и все остальные были уверены, что это он. Но... – Прасти не без гордости расправил плечи, – я человек упрямый. Я не был убежден, и, сколько бы надо мной ни глумился этот выскочка Спротт, не мог я поклясться, что человек, попавшийся мне на лестнице, был ваш отец. Вы когда-нибудь выступали свидетелем на суде?

– Нет.

– Так вот: стоит этим судейским вытащить человека на свидетельское место, они тут же опутают его по рукам и ногам. Сначала ты сам не знаешь, что говоришь. Потом тебе не дают сказать то, что ты хочешь. А ведь было одно любопытное обстоятельство, о котором мне так и не дали сказать. Мы столько раз вспоминали об этом с женой и с доктором Тьюком – я его позвал тогда осмотреть тело. На суде он не выступал, нет, у них были свои медицинские эксперты, да и не только медицинские, но и его тоже заинтересовало упомянутое мной обстоятельство, и мы частенько с ним толковали об этом. – Табачник затянулся сигарой и задумчиво помешал ложечкой кофе. – Когда я вошел к Сперлинг в гостиную и увидел, что она убита, то инстинктивно бросился к окну и распахнул его. Мне хотелось еще раз взглянуть на человека, который пробежал мимо нас. И ей-богу, я его видел. При свете, падавшем из окна, я увидел, как он схватил велосипед, стоявший у подъезда, вскочил на него и умчался, будто сумасшедший. Так вот: велосипед этот был зеленый... Могу поклясться, что зеленый. Странно, а? – И Прасти, который, видимо, любил немножко порисоваться, многозначительно замолчал. – Особенно если учесть, что у Мэтри за всю его жизнь не было даже самого обыкновенного велосипеда. – Он неодобрительно развел руками. – Конечно, они там заявили, что он схватил первый попавшийся велосипед, чтобы побыстрее удрать. Но если так, то кому же принадлежал этот зеленый велосипед и куда, черт побери, этот человек скрылся?! Они даже обыскали канал, но трупа там не нашли.

В комнате воцарилось напряженное молчание.

– И еще одно, – задумчиво продолжил Прасти, – этот кожаный кошелек, который валялся возле тела. Он не принадлежал убитой. И Мэтри не принадлежал. Тогда чей же он? Вот в чем загвоздка... И эта загвоздка заставила немало поломать голову человека поумнее меня. Того, кто вел расследование, – Сванна.

– Сванна? – машинально повторил Пол.

Прасти кивнул с неожиданной серьезностью:

– Инспектора уголовной полиции Джеймса Сванна. – Табачник инстинктивно оглянулся и, словно боясь, как бы кто-нибудь не подслушал, придвинулся к Полу. – Я не такой уж чело-веколюбец. И отнюдь не намерен ставить себя под удар из-за кого бы то ни было. Но на вашем месте... Я считаю, что вам надо бы разузнать насчет Сванна.

Перемена, происшедшая в собеседнике, вывела Пола из апатии. Он насторожился, а Прасти приглушенным голосом, с опаской продолжил:

– Сванн был славный малый и хороший работник. Но не в этом дело. Если, скажем, во время дежурства по городу он замечал, что какие-нибудь парни безобразничают, он не отправлял их в каталажку, а начинал увещевать, как добрый дядюшка... Словом, это был человек порядочный. К несчастью только, имел он одну слабость, и притом прескверную: пил. – Прасти посмотрел на тлеющий кончик сигары и покачал головой. – Странно это все получилось, ей-богу, странно.

У Пола по спине пробежали мурашки. Он весь превратился в слух.

– Я хорошо его знал: два раза в неделю он приходил ко мне в магазин за пол-унцией табаку. Ну и конечно, мы часто встречались, пока шло разбирательство. И вот, когда все закончилось и жизнь вошла в свою колею, я заметил в нем перемену. Начать с того, что он стал чаще прикладываться к бутылке. Он и всегда-то был не очень разговорчив, а тут из него слова нельзя было вытянуть. Ходил мрачнее тучи. Видно, что-то его мучило. Я частенько подтрунивал над ним, спрашивал: может, он влюбился и тому подобное, но он пропускал мои шуточки мимо ушей. И вот однажды, этак через год, пришел ко мне совсем уж в мрачном настроении, может быть даже и под хмельком. «Я хочу сделать один серьезный шаг, Альберт, – сказал он мне. – Пойду посоветуюсь с Уолтером Джилеттом». – Прасти помолчал и глотнул кофе. – А Уолтер Джилетт, адвокат с отличной репутацией, много работал в полицейских судах. И естественно,

я спросил Сванна, что это он вздумал к нему обращаться. Но Джимми только головой покачал. «Сейчас я ничего не могу сказать, – загадочно ответил он. – Но возможно, скоро вы обо всем узнаете».

Табачник снова взял чашку и отхлебнул кофе. Пол с трудом сдерживал нетерпение.

– Ну так вот, – угрюмо продолжил Прасти, – скоро я и вправду кое-что услышал. На следующий же день Сванн явился на дежурство пьяный в стельку. Устроил на улице пробку, потом свернул не на тот свет, и получилась неприятность: какую-то женщину сбил машиной, ее чуть не убило. Ну конечно, поднялся страшный шум. Сванна судили, выгнали из полиции и – наверное, так уж положено – приговорили к шести месяцам принудительных работ.

– Посадили в тюрьму! – воскликнул Пол. – И... что же с ним случилось?

– Сломали они его, – сказал Прасти. – Выйдя из тюрьмы, Сванн перепробовал немало занятий: работал и частным сыщиком, и носильщиком в гостинице, и рассыльным в кино, но нигде подолгу не задерживался. Он стал совсем другим. Честно вам говорю: вино и все эти неприятности сгубили его. Где он сейчас и что с ним – не знаю. Последние два года я потерял его из виду.

– Но почему? – вырвалось у Пола. – Почему это случилось? Виделся он с Джилеттом?

– Ах! – многозначительно произнес Прасти. – Лучше не спрашивайте! – Он допил кофе и еще тише продолжил: – Я всего несколько раз видел Сванна после того, как он вышел из тюрьмы. Но однажды вечером он явился в мой магазин. Он, видно, пил несколько дней подряд и был изрядно под мухой. Войдя, он постоял у двери, раскачиваясь из стороны в сторону и не раскрывая рта. Потом вдруг говорит: «Знаешь что?» – «Нет, Джимми», – ответил я в тон ему. «Так вот, – сказал он. – Никогда не пытайся учить ученого». Да как захохочет! Так, не переставая хохотать, он и вышел из магазина. Страшно даже вспомнить этот хохот.

– А что он еще сказал? – вырвалось у Пола.

– Ничего... Ни тогда, ни потом... Ни единого слова. Ей-богу, не знаю, прав я или нет, а только кажется мне, что он стал таким из-за дела Мэтри.

Наступила долгая тишина. К горлу Пола подкатил комок. Он не шевелясь сидел на стуле, потом запрокинул голову и устремил взгляд в потолок. Все было туманно, мрак сгустился сильнее прежнего, и тем не менее, несмотря на эту тьму, он чувствовал, как в груди его что-то ширится и растет, побуждая к действию.

– Уже поздно. – Прасти бросил окурки сигары в камин и посмотрел на часы. – Я не хочу вас торопить, но если вы не поспешите, то опоздаете на поезд.

Пол поднялся и твердым голосом сказал:

– Я не могу сегодня уехать. Я должен узнать... что могут сообщить мне Сванн и Джилетт.

Глава 8

Утро настало свежее и ясное. Пол проснулся рано. Ночевал он в гостинице Христианской ассоциации молодых людей, где еще накануне днем, выйдя из лавки Прасти, снял номер. Позавтракав, он написал и отнес на почту коротенькое письмо к матери, в котором просил ее не беспокоиться, затем деловито зашагал к центру города. Табачник, давно уже почти не выходящий за пределы своего квартала, понятия не имел, где живут Сванн и Джилетт, однако, порывшись в бумагах, нашел адрес конторы адвоката, помещавшейся на Темпл-лейн, а также номер дома возле Хлебного рынка, в котором, насколько ему известно, Сванн жил года два назад.

Около половины десятого Пол подошел к дому номер пятнадцать по Темпл-лейн и, на свое счастье, увидел мужчину в сером бязевом переднике. Тот, должно быть, как раз открыл помещение конторы и старательно начищал медную табличку у двери.

– Скажите, здесь контора мистера Уолтера Джилетта?

Привратник оторвался от своего занятия. Это был грубый с виду субъект, кривоногий, с налитыми кровью глазками.

– Была здесь, – довольно любезно ответил он.

– А теперь он что же, перебрался отсюда?

– Совершенно верно.

Оба помолчали.

– А вы не знаете куда?

Привратник искоса глянул на Пола:

– Знаю, конечно.

– Где же я могу его увидеть?

– Сомневаюсь, чтобы вы могли его увидеть. – Он еще раз покосился на Пола. – А впрочем, попытайтесь: попытка не пытка. – Он задумчиво потеревил нос. – Медяка не пожалеете?

Пол сунул ему шиллинг из своих оскудевших запасов.

Привратник ловко подбросил монету и вытер губы тыльной стороной ладони.

– Вы найдете его на Орме-сквер. Отсюда недалеко, в старом городе, возле собора. Дойдите до конца Темпл-лейн, поверните направо и потом идите все прямо и прямо. Там увидите его фамилию. Не беспокойтесь: мимо не пройдете.

Пол никак не ожидал, что все выяснится так быстро и легко. Он повернулся и, чувствуя на себе взгляд привратника, поспешно зашагал по длинному переулку, мимо бесконечного ряда контор.

Орме-сквер Пол нашел без всяких затруднений. Место это, как и сказал привратник, находилось возле собора. Собственно говоря, это было кладбище, живописное старое кладбище с деревянной, черной с белым сторожкой у входа, затененного высокими вязами. До Пола не сразу дошло, почему привратник прислал его сюда. Потом вдруг он понял: Джилетт на кладбище, он мертв. Пол вспыхнул от досады. На какой-то миг у него возникло желание вернуться и задать хорошую трепку человеку в бязевом фартуке. Но ничего подобного он не сделал, а пошел на кладбище и через полчаса набрел на предмет своих исканий – белый мраморный памятник, затерянный в дальнем углу. Пол пробежал глазами краткую эпитафию:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

УОЛТЕР ДЖИЛЕТТ

Родился в 1881 г. – умер в 1930 г.

Достойный член нашего общества, он был почитаем при жизни и оплакан после смерти.

Дела человеческие не пропадают втуне.

Пол машинально несколько раз повторил про себя последнюю фразу: он понимал, что теперь, раз Джилетт мертв, надо приложить все усилия, чтобы разыскать Джеймса Сванна. И, решительно повернувшись, пошел к воротам.

Через некоторое время он уже стучал в дверь одного из домов за Хлебным рынком. На лестнице, ведущей в подвальное помещение, показалась приличная с виду женщина средних лет в синем клетчатом халате.

– Мне нужен мистер Сванн... мистер Джеймс Сванн, – возможно более деловитым тоном произнес Пол. – Насколько мне известно, он жил здесь.

– Да, – призналась женщина. – Он несколько месяцев снимал здесь комнату. Но вот уже два года как переехал.

– А куда?

Она помедлила.

– Я не имею никаких претензий к бедняге: он исправно платил за квартиру, когда мог. Вы что, ищите его за какую-нибудь провинность?

– О нет! – поспешил заверить ее Пол. – Совсем наоборот.

– Ну, тогда ладно... Он живет в меблированных комнатах на Уэйр-стрит. Номера я не знаю, знаю только, что дом принадлежит человеку по фамилии Харта.

Уэйр-стрит находилась приблизительно в полумиле оттуда; это была длинная убогая улица в густо застроенном районе города. Здесь теснились дешевые лавчонки, тележки торговцев загораживали проезжую часть, с грохотом проносились трамваи. Пол зашел в ближайшее почтовое отделение и, заглянув в справочник, без труда отыскал меблированные комнаты Харта.

Это оказался высокий кирпичный дом в глубине грязного двора, окруженного высокими закопченными зданиями. Попадали туда через узкую подворотню. Ручка от звонка была оторвана – на ее месте в стене зияла дыра; никакого другого приспособления для стука или звонка на шаткой двери не было. Пол несколько раз постучал по ободранной обшивке. Наконец появился мальчишка лет двенадцати с грязным лицом и распухшей шеей, обмотанной красной фланелью.

– Никого нет дома, – хрипло объявил он, прежде чем Пол успел раскрыть рот.

В ответ на расспросы Пола мальчишка пояснил, что болен и не ходит в школу, а все мужчины, живущие в доме, сейчас на работе на металлургическом заводе. Никакого Сванна он не знает. Но в четыре часа придет мама – она-то уж, конечно, знает всех.

Сказав мальчишке, что он еще зайдет, Пол выбрался на шумную Уэйр-стрит. Слоняться без дела он не мог – слишком напряжены были нервы. Неукротимая тяга к действию, зародившаяся в нем накануне, снова погнала его в библиотеку.

Там дежурил вчерашний библиотекарь. Когда Пол вошел, он в мечтательной задумчивости сидел за своим столиком, но, подняв голову и увидев Пола, тотчас насторожился и с возрастающим интересом смотрел на него, пока тот шел по длинному читальному залу. Пол протянул ему заполненный бланк, и библиотекарь молча взял его. Затем нажал на кнопку звонка, вызывая служителя.

Когда тот ушел, он выдвинул ящик из столика, за которым сидел:

– В прошлый раз вы оставили в подшивке свои заметки. Вот они.

Пол взглянул на листок. Он тогда начал записывать все перипетии процесса, но потом бросил. Инстинкт подсказывал ему, что библиотекарь, несмотря на свой внешне бесстрастный вид, конечно, прочел записи, не поленился заглянуть в подшивку и, возможно, даже знает, кто такой Пол.

– Мне это не нужно, – сказал он. – Но все равно спасибо.

Молодой человек как-то странно посмотрел на него своими блестящими, как у птицы, любопытными глазами.

– Такие записи следует рвать.

И он тут же разорвал листок на мелкие кусочки. В эту минуту появился служитель с двумя тяжелыми томами – переплетенными в папки экземплярами «Курьера» за 1922 год. Пол прошел за ним к ближайшему столику, сел и раскрыл первый том.

Старательно водя пальцем по колонкам, он пробегал глазами каждую страницу. Это было мучительное занятие, от которого у него вскоре разболелись глаза. Но он не отступался и, покончив с первым томом, принялся листать второй. Когда и этот был просмотрен, он откинулся на стуле и, нахмурившись, потер рукой лоб. Часы, висевшие под потолком, показывали четвертый час. Вспомнив, где ему надо быть в четыре, Пол встал, чтобы вернуть подшивку.

– Нашли то, что вам требовалось? – как бы мимоходом спросил библиотекарь.

Пол почувствовал в этом вопросе жгучее любопытство.

– Нет, не нашел.

Оба замолчали. Пол понимал, что библиотекарь больше не заговорит. Сейчас достаточно было повернуться и уйти – и конец знакомству. Однако Пол почему-то вдруг почувствовал, что молчание юноши и его выжидательный взгляд, пусть бесцеремонный, но вполне доброжелательный, как бы призывает его к откровенности. Неудержимое желание облегчить душу овладело им.

– Я искал отчет о процессе по делу инспектора Сванна, которого судили в двадцать втором году.

Молодой человек удивился, но постарался это скрыть.

– Это не такое трудное дело. Если я найду отчет в какой-нибудь другой газете, то отложу для вас подшивку. – Он помолчал. – А вас... очень интересует этот джентльмен?

– Я пытаюсь разыскать его.

– Но вы хоть знаете, где его искать?

– Он, видимо, живет где-то поблизости. И кажется, очень бедствует.

– Вот оно что...

Молчание. Пол постоял с минуту, затем, смущенный собственной болтливостью, неуклюже поблагодарил библиотекаря, надел шляпу и вышел.

Он не торопясь добрался до Уэйр-стрит и в четыре часа уже был в меблированных комнатах Харта, где его встретила вернувшаяся хозяйка – дородная женщина в грубошерстной юбке, клетчатом платке на плечах и в мужской кепке, из-под которой сзади торчал пучок, заколотый двумя большими шпильками из поддельного агата.

– Да, – сказала она, – я хорошо помню Сванна. Не повезло ему. Заболел и должен был оставить работу на заводе. Слишком часто закладывал за галстук. Вы, надеюсь, понимаете, о чем я говорю? Я ничуть не жалела, когда он съехал.

– А давно это было?

– Ну, этак с полгода.

– И вы не знаете, куда он перебрался?

– Откуда же мне знать! Наверно, в Бромли, на строительство.

– Это, кажется, тут недалеко?

– Не очень... Отсюда около трех миль будет.

– Он не оставил вам своего адреса?

– Сванн не из тех, кто оставляет адрес. Из него и слова-то никогда не вытянешь. А впрочем, подождите-ка, что-то он, кажется, говорил насчет письма и просил переслать ему, если оно придет, но оно так и не пришло. Вот только записала я тогда адрес или нет? – Она повернулась к мальчишке, стоявшему, ушки на макушке, у двери. – Джози, принеси-ка мне из комнаты книгу.

Мальчишка живо притащил истрепанную книгу с замусоленными страницами. Послюнив палец, хозяйка принялась ее листать.

– Ага, вот он. Ну, что я вам говорила?

Придвинувшись ближе, Пол с внезапно пробудившейся надеждой впился глазами в то место, на которое она указала. На грязной странице был нацарапан карандашом желанный адрес: «Бромли. Касл-роуд, 15. Робертсу для Джеймса Сванна».

Пол быстро переписал его к себе в блокнот, поблагодарил женщину и ушел. Шагая по узкому проулку, освещенному одной-единственной слабой лампочкой, он подумал, что день этот оказался отнюдь не потерянным. Пол действительно напал на след Сванна, даже составил себе представление об этом человеке – несчастный, потерпевший полный крах в жизни, видимо, опускался все ниже и ниже, топя горе в вине и самой черной работой добывая себе

пропитание. Сегодня было уже поздно ехать в Бромли. Но он поедет завтра. Да, завтра же разыщет Сванна.

Глава 9

Под вечер, ровно сутки спустя, Пол возвращался в гостиницу Христианской ассоциации молодых людей.

Вскоре после полудня пошел дождь, но Пол упрямо брел своим путем, не обращая внимания на промокшие ботинки и набухшую от влаги одежду. Все его радужные надежды развеялись. Он был в Бромли, ходил по адресу, который дала ему хозяйка меблированных комнат, разговаривал с подрядчиком той стройки, где работал Сванн, прочесал весь район из конца в конец, но тщетно. Сванна ему так и не удалось обнаружить: он бесследно исчез. Усталый и понурый, Пол вошел в гостиницу и медленно поднялся к себе в номер. Опустив монетку в счетчик, он зажег газ в крошечном камине и, когда выпрямился, заметил на каминной доске телеграмму. Он вскрыл ее и прочитал:

СТРАШНО ВОЛНУЮСЬ ВОЗВРАЩАЙСЯ НЕМЕДЛЕННО
НАЗНАЧЕНИЕ ЛЕТНЮЮ ШКОЛУ ПОЛУЧЕНО ПРИВЕТ ОТ ВСЕХ
МАМА

Пригнувшись поближе к крошечному пламени так, что от его мокрой одежды пошел пар, Пол еще раз пробежал глазами телеграмму. Ничего удивительного, что мать просит его вернуться; ему самому это казалось сейчас единственно правильным решением. Разлука смягчила его ожесточение против матери. Она, видимо, поговорила с профессором Слейдом, а может быть, попросила это сделать пастора Флеминга – и вот место в Портри ждет его. Слова «привет от всех» вызвали у Пола горькую усмешку: они явно означали, что Элла простила его.

Пообсохнув немного, он выключил газ и спустился вниз перекусить. В холле, у входа в обеденный зал, к нему подошел рассыльный:

– Вас спрашивает один молодой человек. Он в гостиной.

Немало удивленный, Пол проследовал за юношей в небольшую душную нишу, где стояли стулья с жесткими плетеными сиденьями и пальма в кадке, стыдливо отделенные от холла занавеской из бус. Раздвинув тихонько застучавшие бусы, Пол не без изумления увидел молодого библиотекаря и нерешительно подошел к нему:

– Добрый вечер.

– Вы не ожидали меня увидеть?

– Нет, не ожидал.

Библиотекарь ответил на такую откровенность веселой улыбкой. Сейчас, вне стен своей службы, он держался еще более бойко и развязно, так что мог кого угодно обезоружить своей прямоотой, но Пола – в его нынешнем настроении – это только раздражало.

– Я хочу вам кое-что рассказать. – Он окинул быстрым взглядом пустую комнату. – Надеюсь, нас никто здесь не подслушает. – (Пол так посмотрел на него, что тот поперхнулся.) – Вы, конечно, совсем меня не знаете, но я, право, вполне приличный человек. Зовут меня Булия – Марк Булия.

Он протянул руку. Пол пожал ее и сел. У него вдруг появилась надежда, что сейчас что-то выяснится. Марк посмотрел на него долгим ироническим взглядом и лишь после этого заговорил:

– Когда вы в первый раз пришли в библиотеку, я наблюдал за вами – не мог не наблюдать: уж очень заметно было, что вы... что вам тяжело. Мне стало жаль вас, да и потом я почувствовал к вам симпатию. Ведь бывает же так: вдруг тебе понравится кто-то. После вашего ухода я просмотрел подшивку. – Он не без самодовольства признался в этом. – Теперь я знаю, кто вы, и вообще все знаю.

Об этом Пол и раньше догадывался. Он молча и внимательно слушал, а Булия продолжал:
– Вчера вы стали искать дополнительные сведения. Но не сумели ничего обнаружить. И вот, когда вы ушли, я сам занялся розысками. В одной газете, только в одной – в «Кларион», либеральной газетенке с крошечным тиражом, я нашел заметку о суде над Сванном. Как ни странно, это был протест против чрезмерной строгости приговора, который ему вынесли.

На бледном лице Пола ничего нельзя было прочесть, однако глаза его загорелись. Наконец он спросил:

– Зачем вы мне это рассказываете?

Марк пожал плечами, уголки его рта опустились в иронической усмешке.

– Затем, что вы ищете Сванна.

Пол слегка повел плечами:

– Это бесцельная затея.

– Почему?

– Нельзя найти человека через пятнадцать лет.

– Ну, это как сказать. – Марк оживился и, выждав достаточно долго, чтобы произвести надлежащее впечатление, сказал: – Дело в том, что я нашел его.

Во рту у Пола мгновенно пересохло. Он недоверчиво уставился на этого странного человека, а тот спокойно кивнул в подтверждение своих слов.

– Это оказалось совсем нетрудно. После того, что вы мне рассказали, я решил рискнуть и просмотреть списки лиц, находящихся на пособии, а также реестры рабочего дома и всех городских больниц. Сванн – в Бельведерской больнице.

Глава 10

Комната, где лежал Сванн, была длинная, узкая, с выбеленными стенами и покатым потолком. Настоящая палата для бедняков, голая и мрачная. Кровать Сванна, отгороженная ширмой, стояла на деревянных чурках. Подле нее на полу находился цилиндр с кислородом, от которого тянулась длинная трубка. Над всем, даже над едким запахом карболки, здесь торжествовал неуловимый, но острый запах болезни.

Сванн лежал на двух подушках, вытянув ноги, устремив взгляд в потолок. Судя по длине его тела, в свое время это был крупный мужчина, но сейчас он страшно похудел, лицо, с ввалившимися щеками и заострившимся длинным носом, на фоне белой наволочки казалось совсем желтым, даже бронзовым. Пальцы его, бессильно лежавшие на пододеяльнике, опухли. Короткое, прерывистое дыхание почти не поднимало грудь. Был час приема посетителей, и у кровати больного стояли Пол и Марк Булия. Они пришли десять минут назад, и Марк удивительно тактично представил Пола больному. А Пол уже принялся умолять Сванна прийти ему на помощь. И сейчас, взволнованный важностью момента, напряженно ждал, что скажет Сванн.

Однако Сванн не спешил: ему было над чем подумать. Но вот, не повернув даже головы, он перевел взгляд на Пола и немного спустя тихим, хриплым шепотом произнес:

– Вы на него похожи. – Затем снова устремил взгляд в окно и долго молчал. – Странно все-таки, что мне довелось с вами встретиться, – наконец еле слышно произнес он. – После того, что случилось со мной, я поклялся никогда больше не раскрывать рта. Дурак я был, что не смолчал. Но вы – сын Мэтри. А я – человек конченный. Так не все ли равно?

Наступила короткая пауза. Казалось, Сванн заглядывает в далекие глубины прошлого.

– В ту пору, когда мне поручили вести расследование убийства в Элдоне, я был как огонь – не то что теперь. И я помню тот день, когда нашел первый ключ к разгадке, словно это было вчера. К нам в управление явился помощник букмекера по фамилии Рокка... Да-да, не как-нибудь, а Гарри Рокка... Ну и трус же это был. Так и дрожал от страха, казалось, слова не выговорит. А все-таки выговорил, и вот что сказал: он больше года дружил с убитой, часто

ночевал у нее и провел с ней ночь на седьмое сентября. Но он не убивал ее – просто не мог убить, потому что восьмого и девятого сентября был на скачках в Донкастере, человек двенадцать могут это подтвердить. И потом, ведь он сам пришел, по доброй воле, чтобы на его имя не легло никакого пятна.

Надо сказать, что его признание ничего для нас не прояснило: мы знали, что у Сперлинг было много поклонников, но решили на всякий случай задержать Рокку. Когда тот услышал об этом, то позеленел и выложил все как на духу. Рассказал, что у него есть приятель – Риз Мэтри, которому нравится Сперлинг. Рассказал, как встревожился Мэтри, увидев в газетах снимки открытки, нарисованной от руки. И главное, рассказал о попытке Мэтри сфабриковать алиби. Мы с радостью ухватились за эти сведения, ведь целую неделю были в тупике, а тут вдруг – горячий след. И он стал еще горячее, когда мы узнали, что нужный нам человек отбыл в Ливерпуль. Тотчас позвонили в Ливерпуль – и Риз Мэтри был схвачен. – Сванн помолчал, облизнул пересохшие губы. – На свою беду, Мэтри оказался человеком горячего нрава, он сопротивлялся при аресте и совершил роковую ошибку – ударил полицейского. Добавьте к этому то, что, как я уже говорил, он был арестован в момент, когда собирался ехать в Южную Америку, – и вы поймете, что все складывалось не в его пользу. А он еще ухудшил свое положение. На предварительном допросе его, естественно, прежде всего спросили: «Где вы были между восьмью и девятью вечера восьмого сентября?» Не зная, что приятель выдал его, Мэтри ответил: «Играл в бильярд с неким Роккой». Это, казалось, решало все.

Сванн откинулся на подушки, в его тусклых глазах появилось какое-то странное выражение.

– А теперь я должен рассказать вам о моем начальнике – сейчас он возглавляет всю полицию Уортли – об Адаме Дейле. Он сын камберлендского фермера, вышел из низов, по части дисциплины был очень требователен, но в общем к подчиненным относился хорошо. Словом, это был образцовый офицер, который в жизни не брал взяток. Он любил свое дело и не раз похвалялся, что может за милю узнать преступника. И он тоже с самого начала был убежден, что Мэтри – преступник.

Разгорячившись от собственных слов, больной попытался приподняться на локте.

– Ну а мне это дело не казалось таким простым. Несмотря на все улики, я отметил, что Мэтри заказал билеты в Южную Америку на свою фамилию, что снял номер в ливерпульской гостинице для себя и своей семьи, не скрывая, кто он такой, а уж этого никогда бы не сделал человек, который боится преследования и хочет замести следы. Кроме того, хотя факты свидетельствовали не в его пользу, Мэтри произвел на меня благоприятное впечатление. Он и не пытался отрицать, что был знаком со Сперлинг, и признал, что посылал ей открытку с рисунком от руки. Он заявил, что сделал это просто так, для развлечения. И надо сказать, что игравая, пошловатая надпись на открытке: «В разлуке сердце полнится любовью» – вполне соответствовала этому утверждению. Опять же – раны на теле Сперлинг были столь ужасны, что их мог нанести только очень сильный человек, а Риз был довольно тщедушный. И к тому же легкомысленный. Только этим можно было объяснить попытку устроить себе алиби с помощью Рокки. Он, видимо, и так нервничал, а тут еще эта дурацкая открытка, фотографии которой были воспроизведены во всех газетах. Словом, он совсем потерял голову и, возможно, счел нужным заручиться чьей-то поддержкой. Шаг, конечно, неумный, но вполне объяснимый, если посмотреть на все его глазами. Я изложил эти свои соображения начальнику, но он и слушать меня не стал, так был убежден, причем, учтите, вполне искренне, что Мэтри – убийца.

Сванн снова откинулся на подушки и, передохнув немного, уже спокойнее продолжил:

– Мысль чиновника течет по раз и навсегда установленному руслу. Никто не знает этого лучше меня, и следствие, начатое Дейлом, развертывалось в соответствии с общепринятой практикой. Необходимо было найти среди личных вещей Мэтри орудие, которым он мог нанести раны, обнаруженные на теле покойной. Необходимо было отыскать на костюме Мэтри кро-

вавые пятна. Необходимы были свидетели, которые могли бы опознать его как человека, виденного на месте преступления.

И почти сразу же в одном из чемоданов начальник обнаружил искомое. Это была бритва, допотопная немецкая бритва с широким лезвием, слегка заржавевшая, оттого что ею долго не пользовались. Без малейшего смущения Мэтри признал, что она у него давно: он получил ее в наследство от отца. У него не раз мелькала мысль продать ее на лом, но мешали сентиментальные соображения. И если бы Мэтри совершил убийство с помощью этой бритвы, неужели бы он стал заботливо и бережно хранить ее для нас? Нет, конечно нет, убийца прежде всего старается отделаться от орудия преступления. Однако Дейл чуть не прыгал от гордости и восторга, показывая мне бритву.

«Ну, что я вам говорил?! – воскликнул он. – Теперь он в наших руках».

Бритву послали экспертам на предмет обнаружения кровавых пятен вместе с большим пакетом одежды, принадлежавшей Мэтри. Тем временем начался опрос свидетелей – мистера Прасти, Эдварда Коллинза и Луизы Бёрт, которые в тот вечер видели убийцу, выбежавшего из квартиры. Прасти оказался близоруким, а Коллинз просто добрым малым, которому очень не хотелось выступать в качестве свидетеля. Но вот Бёрт, это уж была особа совсем другого рода. Перед ней на какой-то миг промелькнул преступник, притом было это в темный, дождливый сентябрьский вечер, да еще на улице, где и фонарей-то почти нет. И тем не менее она заявила, что может во всех подробностях его описать. Я будто сейчас вижу ее круглое взволнованное лицо, когда она давала показания.

«Это был человек лет тридцати пяти, – заявила она. – Высокий, стройный, темноволосый, бритый, очень бледный, с прямым носом. На нем была клетчатая кепка, серый макинтош и коричневые ботинки».

Сначала Дейл обрадовался, что у него есть описание убийцы. Но после ареста Мэтри надо было менять пластинку. Мэтри-то не был ни высоким, ни темноволосым, ни бритым. Он был среднего роста, светлый, с темными усиками. Да и одет он был совсем не так. Однако Бёрт не растерялась. Она заявила, что в первый раз все перепутала, потому что уж очень волновалась. И вот крупный гладковыбритый субъект спокойно уступил место человеку невысокого роста с усиками. Да и Коллинз, который сразу после убийства решительно утверждал, что не сможет опознать преступника, теперь запел в один голос с Бёрт. Светлая клетчатая кепка превратилась в темную мягкую шляпу, макинтош – в пальто. Словом, описание стало совпадать с приметам Мэтри.

Сванн снова помолчал, бледные губы его втянулись от усилия, какого ему стоил вдох.

– Теперь надо было, чтобы они опознали арестованного. Начальник сам пошел с ними, и я тоже. В помещении, где находился Мэтри, выстроили еще одиннадцать полисменов в партикулярном платье. Традиционный метод опознания преступника, который считается вроде бы самым справедливым. Так или иначе, но оба свидетеля безоговорочно опознали одного и того же человека. Мэтри был обвинен в убийстве Моны Сперлинг и отправлен в Уортли.

Больной повернулся на бок и в упор посмотрел на Пола:

– И все же мне не верилось, что это – он... Очень уж гладко все было разыграно, как по нотам, и я считал, что где-то вся эта штука должна дать трещину. Но не учел юриста, выступавшего в качестве прокурора. Вы можете подумать, что это мой начальник – честный работяга Дейл – повинен во всем, что случилось с Мэтри. Нет, нет, решающую роль тут сыграл Спротт – умнейший субъект, придумавший весь этот трюк. Теперь его зовут сэр Мэтью, он добрался почти до самой верхушки и залезет еще выше, но тогда это был никому не известный человек, и уж очень ему хотелось выйти в люди. Как только он раскрыл рот, я понял: он сделает все, чтобы Мэтри был повешен.

Итак, суд начался. Обвинение вызвало разных экспертов. Однако доктора Тьюка, который первым осматривал тело, среди них не оказалось. Помимо полицейского хирурга Доб-

сона, был приглашен еще некий профессор по фамилии Дженкинс, который подтвердил, что такой бритвой, какая имелась в распоряжении обвиняемого, вполне можно нанести смертельные раны. Далее, он не ручался, что на бритве или на одежде заключенного имеются кровавые пятна, но на них были обнаружены следы некоего инородного вещества, которое могло быть брызгами женского грудного молока. Затем настала очередь эксперта-каллиграфа, который под присягой заявил, что полубогоревшая записка, обнаруженная на квартире убитой, была написана Мэтри измененным почерком, левой рукой. Коллинз и Бёрт при даче свидетельских показаний превзошли сами себя. Особенно сильное впечатление на присяжных произвела Бёрт, с ее невинным личиком и большими испуганными глазами. Стоя с ангельским видом на возвышении для свидетелей, она под присягой говорила: «Это то самое пальто», «Это тот самый человек», а когда речь зашла о процедуре опознания, она с явной гордостью заявила: «Я первая указала на него!» Затем настала очередь прокурора. Добрых три часа говорил Спротт – без передышки, не заглядывая ни в какие записи. Слова текли потоком, и суд как зачарованный слушал его. Да уж, Спротт не пожалел красок, описывая картину преступления: как преступник, поглаживая бритву в кармане, безжалостно напал на свою беззащитную любовницу, мать своего еще не рожденного ребенка, а потом очертя голову ринулся за границу спасать свою шкуру. Говорю вам: это было мастерски проделано. Присяжные, разинув рот, ловили каждое его слово.

Защитник обвиняемого мог бы и не выступать после такого спектакля. Денег для защиты было очень мало; адвокат был старенький, невыносимо медлительный, с писклявым голосом и к тому же не слишком сведущий. В частности, он, видимо, понятия не имел о том, какие доказательства можно привести в пользу Мэтри.

Словом, скоро все было кончено. Виновен. Протестующий вопль заключенного полоснул меня, как ножом. Но, к всеобщему удовольствию, его быстро уволок из зала суда. Пятьсот фунтов награды за поимку преступника были назначены Коллинзу и Бёрт. И ей-богу, они заслужили эти деньги.

Тут силы, видимо, окончательно изменили больному, он откинулся на подушки и слабым голосом сказал, что не может продолжать.

– Приходите через денек-другой. Я тогда доскажу.

В крохотном закоулке воцарилось долгое напряженное молчание. Булия тихонько встал, налил воды в стакан и поднес его к губам Сванна. Тот проглотил воду, даже не приподнявшись. А Пол сидел ошеломленный, подперев голову руками. В его груди бушевала буря. Сколько вопросов готово было сорваться с его языка! Но он понимал, что сейчас не время их задавать – на сегодня свидание было окончено. Сванн закрыл глаза, ибо так ослаб, что не способен был даже на самое малое усилие. Марк на цыпочках направился к выходу. Тогда Пол, пошатываясь, встал, обеими руками крепко пожал руку больного и тоже вышел.

Глава 11

Неужели невинного человека могли продержать заживо погребенным в течение пятнадцати лет? Не зная, чему верить, совершенно сбитый с толку, бросаясь из одной крайности в другую, Пол едва осмеливался задавать себе этот страшный вопрос. Сванн ведь не привел пока никаких конкретных доказательств, а только изложил свои соображения. Но уже одна мысль, что над его отцом учинена чудовищная несправедливость, доводила Пола чуть не до безумия. Он не должен об этом думать. Во что бы то ни стало надо взять себя в руки. Сейчас ему больше чем когда-либо надо быть спокойным, разумным и решительным. Первым делом он написал домой, прося прислать белье, а затем приступил к поискам жилья, которое дало бы ему большую свободу действий, чем гостиница Христианской ассоциации молодых людей. Через некоторое время он отыскал мансарду на пятом этаже дома на Пул-стрит, где по дешевке

сдавались меблированные комнаты. Улица эта, довольно грязная, но вполне респектабельная, расположенная в излучине канала Шервуда и застроенная преимущественно второсортными пансионатами, шла к югу от шумной, запруженной транспортом Уэйр-стрит. Хозяйка, миссис Коппин, худошавая, маленькая женщина с зычным голосом, провела Пола наверх, дала ему мыло и грубое, но чистое полотенце. Сумма, уплаченная вперед за комнату, почти истощила скромные капиталы, с которыми Пол приехал из Белфаста, и, умывшись, он отправился на поиски заработка. Уортли – шумный, деятельный город, гигантский улей среди плоской сельской местности, но промышленность в нем, как и в соседних городах Ковентри и Нортгемптоне, была очень специализированная: фарфор, ножи, вилки и кожаные изделия – словом, производство, требующее технических навыков и знаний, которыми Пол не обладал. К тому же он не состоял в профсоюзе, не имел никаких рекомендательных писем, да и учительствовать толком еще не мог. По прошествии двух дней Пол уже с возрастающей тревогой стал просматривать газетные столбцы под рубрикой «Вакантные должности». Но на утро третьего дня ему здорово повезло. Выйдя из своей мансарды, он направился по шумной Уэйр-стрит к трактиру «Приют извозчика», где, как оказалось, можно было за несколько пенсов получить ланч, состоящий из булочки с сосиской и кофе, и вдруг в витрине большого магазина под названием «Бонанза базар» увидел объявление:

Требуется пианист.

Обращаться к мистеру Виктору Харрису, управляющему.

Поколебавшись с минуту, Пол вошел. Это был один из тех универсальных магазинов, где продается все, начиная от хозяйственных товаров и предметов косметики и кончая нижним бельем и детскими игрушками, и все это горами навалено на прилавках, – словом, местный вариант магазина стандартных цен. Управляющий, мужчина лет тридцати, с завитыми волосами, любезный и деловитый, окинул Пола быстрым взглядом и повел его в тот отдел, где стояло пианино и лежало множество нот. На ходу пестрый галстук выбился из его двубортного, в полоску, пиджака и затрепался на ветру от электрических вентиляторов. Взяв наугад какие-то ноты, он поставил их на пианино и приказал:

– Играйте!

Пол сел и пробежал пальцами по клавишам. Он мог играть с листа даже трудные вещи, а этот популярный вальс был проще простого. Он сыграл его до конца, повторив с кое-какими собственными вариациями, затем взял другие ноты и сыграл еще несколько пьесок. Продавщицы за ближайшими прилавками прислушивались, а господин Харрис одобрительно отбивал такт по прилавку своим перстнем.

– Вы нам подходите. – Управляющий решительно кивнул. – Считайте себя принятым. Три фунта в неделю и сэндвичи на ланч. Только не лодырничать, а не то выкину в два счета. И педаль не жалеть. Пусть люди слушают и покупают.

Он покровительственно улыбнулся Полу, блеснув золотыми зубами, хмуро глянул на продавщиц, недовольный тем, что они отвлеклись от дела, и ушел в другой отдел. Пол играл весь день. Место это оказалось отнюдь не блестящим. Начал он бодро, но время шло, и мускулы его стали ныть от долгого сидения, а когда плохо проветриваемый магазин наполнялся покупателями и вокруг толпились люди, дыша ему в затылок, толкая под локоть, чуть не садясь на клавиши, то и вовсе стало тяжело. К тому же Пол пребывал в смятении: его терзали мысли об отце, наметки разных планов и проектов, необходимость принять какое-то решение.

Около часа дня Харрис торжественно отправился на ланч, а несколькими минутами позже девушка из кафетерия принесла Полу кофе и тарелочку с сэндвичами. Обрадовавшись передышке, он встал, потянулся и с улыбкой спросил девушку, как ее зовут.

– Лена Андерсен, – коротко ответила она.

Ему хотелось бы перекинуться с ней словечком, но она тотчас ушла в другой конец магазина. В этом не было ничего нелюбезного, но Полу показалось, что держится она как-то неестественно, словно нарочно избегает общения с людьми, и, несмотря на одолевавшие его тревожные мысли, в нем проснулось любопытство. Поэтому, когда она возвращалась через магазин в кафетерий, он почти инстинктивно проводил ее взглядом, прежде чем снова приняться за игру.

Ей было не больше двадцати, и она походила на скандинавку – высокая, светловолосая, длинноногая. Черты лица у нее правильные, и она была бы очень привлекательной, несмотря даже на узкий белый шрам, пересекавший щеку, если бы какое-то горе не проложило морщинок меж ее бровей. В минуты, когда она оставалась наедине со своими мыслями, на ее лице появлялось грустное, сосредоточенное и в то же время отсутствующее выражение. Несколько раз в течение этого дня взгляд Пола невольно обращался к ней. Он заметил, что форменная одежда ладно сидит на ней и сшита со вкусом. Хотя у нее, видно, были неплохие отношения с другими продавщицами, она не фамильярничала с ними и держалась вежливо, но холодно со всеми, кроме нескольких постоянных посетителей. Что она за человек? Пол решил испытать девушку и принялся изучать ее любопытным и явно дружелюбным взглядом, но она не ответила на его взгляд – опустила глаза и отвернулась.

Время тянулось бесконечно долго. Пол, закрыв глаза, барабанил по клавишам мелодию, которую успел выучить наизусть. Наконец пробило шесть часов, и он вздохнул с облегчением: рабочий день окончен. Чуть не бегом направился он в больницу и там не без труда добился разрешения пройти к Сванну. Больному, видимо, стало хуже: настроение у него было мрачное, подавленное, говорить он был не склонен и, казалось, жалел, что так разоткровенничался в прошлый раз. Но, видя, что Пол терпеливо сидит у его кровати и нисколько его не торопит, Сванн смягчился. Он повернул голову и не без жалости взглянул на молодого человека.

– Значит, вы опять пришли? – наконец произнес он.

– Да, – тихо ответил Пол.

– Я хочу предупредить вас... Если вы не отступитесь, вся ваша жизнь пойдет прахом, как пошла прахом моя... Но отступить вы уже не сможете.

– А я и не собираюсь отступать.

– Тогда что же вы намерены делать?

– Мне подумалось, что если бы я отстукал на машинке заявление, а вы бы его подписали, то я мог бы обратиться в соответствующие инстанции.

Сванн не мог смеяться, но легкая ироническая усмешка все же тронула его бледные губы.

– В инстанции? В полицию то есть? Но им уже все известно, и они ничего не намерены менять. Или к человеку, который выступал тогда в роли обвинителя, – сэру Мэтью Спротту? На основании личного знакомства с этим джентльменом я не советовал бы вам вступать с ним в какие бы то ни было отношения. – Сванн умолк, борясь с долгим приступом кашля. – Нет. Один только министр внутренних дел имеет право поставить вопрос об этом в парламенте, но вы не подойдете к нему и на милую с теми доказательствами, какими сейчас располагаете. Предсмертный бред – ведь они так это назовут – бывшего полисмена, да еще вышедшего из доверия. Разве это может иметь какое-либо значение! Вас просто засмеют.

– Но ведь вы же считаете моего отца невиновным.

– Я знаю, что он невиновен, – грубовато перебил его Сванн. – В своей заключительной речи судья назвал убийство Сперлинг жестоким, гнусным, чудовищным преступлением, заслуживающим высшей меры наказания. А Мэтри ее не получил. Спрашивается, почему? Возможно, потому, что судьи не были так уж уверены в виновности осужденного человека и по доброте сердечной не вздернули его, а приговорили к медленной смерти – пожизненному заключению в Стоунхисе.

Пол сидел молча, глубоко подавленный услышанным, пока больной с мучительным трудом переводил дыхание.

– Нет, – вдруг произнес Сванн совсем другим, деловым тоном. – Есть только одна возможность заставить их пересмотреть дело. Вы должны найти настоящего убийцу.

Это было настолько неожиданно, что Пол почувствовал, как по коже у него пробежал мороз. До сих пор он думал лишь о том, чтобы доказать невиновность отца, мысль о настоящем убийце ему и в голову не приходила.

– Рокка? – после долгого молчания осмелился сказать Пол. – Да?

Сванн презрительно покачал головой:

– Он тут совершенно ни при чем – у него бы духу не хватило. Ему только хотелось спасти свою шкуру. Кстати, о шкуре. – Губы больного искривила гримаса. – Я вспомнил про кошелек, который был найден возле трупа. Хотите верьте, хотите нет, но этот не известно кому принадлежащий кошелек был сделан из самой тонкой на свете кожи – человеческой, только покрашенной. – (С минуту в палате царила полная тишина.) – Так что видите, – заключил Сванн все с той же едкой иронией, – вам надо только найти субъекта, достаточно извращенного, чтобы иметь подобную штуку, увязать его облик и поведение с фактами, которые сейчас приписываются другим, и перед вами – убийца. – Снова ироническая гримаса пробежала по его лицу. – Через пятнадцать лет... Это будет не очень трудно.

– Не говорите так! – вырвалось у Пола. – Ради бога, не говорите... Мне нужна ваша помощь... Любая, какую вы только сможете мне оказать.

На лице Сванна появилось новое выражение, и он чуть ли не с отчаянием взглянул на Пола:

– Ну что ж, раз вы решили не отступать... Я расскажу вам подробнее о двух главных свидетелях, которые опознали не того человека, – об Эдварде Коллинзе и Луизе Бёрт. Когда Бёрт с Коллинзом пришли в полицейское управление за наградой, я был дежурным. Я уже говорил вам, что у меня были серьезные сомнения насчет этой пары – и не столько в отношении Коллинза, который казался мне слабохарактерным, но в общем добропорядочным парнем, сколько в отношении Луизы Бёрт. Мне казалось, что для семнадцатилетней девушки она... Ну, словом, что это особа, за которой надо понаблюдать. Я провел их в другое помещение и велел подождать, а сам сел работать в соседней комнате и благодаря одному акустическому устройству, имевшемуся там, слышал все, о чем они говорили. И все записал. Сначала они молчали. Потом Коллинз спросил этаким испуганным голосом: «А деньги-то мы получим?» – «Не волнуйся, Эд, как пить дать получим, – холодно ответила ему Бёрт и добавила: – Мы бы и больше могли получить». – «Как так?» – спрашивает он. Она рассмеялась: «Ты бы немало удивился, скажи я тебе, что я знаю». Коллинза это встревожило. Он опять некоторое время молчал, потом, точно попугай, который без конца твердит одно и то же, спросил: «А Мэтри в самом деле тот человек, Луиза?» – «Да замолчи ты, слышишь! – прикрикнула она на него. – Сейчас уже поздно давать задний ход. Мы же ничего дурного не сделали. Против Мэтри столько улик, что с ним все равно бы расправились. И потом, его ведь не повесили. Неужто ты не понимаешь, дурень, что нельзя идти против полиции? Да к тому же мы на этом столько можем выиграть, сколько тебе и во сне не снилось. У меня кое-что оставлено про запас, – мечтательным голосом продолжала она. – Я так полагаю, Эд, что скоро буду жить как настоящая леди, может, даже как королева, и мне будут слуги прислуживать, и посуду будут мыть, и помои выносить, представься мне только случай – я на весь мир поклеп возведу и уж больше чужие рубашки гладить не стану».

Сванн помолчал, переводя дух. Затем снова заговорил, глядя в лицо Полу:

– На этом их беседа и закончилась. Но я слышал достаточно: мои худшие подозрения подтвердились. Бёрт сама все выболтала. Она видела убийцу и описала его. Но поскольку описание не совпадало с внешностью Мэтри, она быстро перестроилась. Ведь в управлении ей предстояло пройти дознание и выдержать перекрестный допрос, так почему же не принять этот

план, раз все и так указывает на то, что Мэтри виновен. Потом ей не хотелось портить отношения с властями и вообще приятно выступить в роли этакой примадонны. Да еще получить награду. Она и сбила с толку Коллинза. Может, она и в самом деле убедила себя, что видела Мэтри... С такими это случается. А позже, когда все закончилось: исчезли заголовки в газетах, реклама, похвалы – весь этот кошачий концерт – и у нее было время подумать, она удивилась, что какие-то факты не всплыли на суде, и начала сомневаться, видела она Мэтри или кого-то, кого встречала в Элдоне на пути в прачечную и из прачечной. И вдруг догадалась... кто мог быть этот человек... Она поняла, что перед ней – неповторимый случай... золотая возможность.

Мне следовало бы пойти к начальнику, но я не пошел... Слишком я надоедал ему на первых порах, так что он, может, не стал бы и слушать; и потом всего за неделю до этого он выговаривал мне за медлительность, и нельзя сказать, чтобы у нас были наилучшие отношения. Итак, некоторое время я таил про себя все, что узнал, а потом отправился за советом к адвокату по имени Уолтер Джилетт. Я любил его и доверял ему, и, кажется, он тоже любил меня. И что бы вы думали, он мне сказал? Не вмешивайся в это дело! Он знал, что в полиции я не на очень-то хорошем счету. И может, потому, что знал о моем пристрастии к рюмке, не слишком поверил в достоверность того, что я ему сообщил. Он сказал: «Джимми, бога ради, не тревожь ты осиногое гнездо». Ну и что же я сделал? В голове у меня был такой сумбур и такое смятение, что я напился до бесчувствия, пришел на дежурство пьяный в стельку и... словом... остальное вам известно. А когда я вышел из-под ареста, мне уже на все было наплевать... – Сванн говорил все глуше и глуше, а после длительного приступа кашля и вовсе умолк.

Жестом он дал понять, что больше ему сказать нечего.

Пол сидел весь напрягшись, не шевелясь, наконец он спросил:

– А они живут по-прежнему здесь – Бёрт и Коллинз?

– Коллинза вам не найти: он женился несколько лет назад и эмигрировал в Новую Зеландию. А вот Бёрт все еще здесь... Да, Бёрт... маленькая Луиза Бёрт... Бог мой, ну и особа! У нее ключ к разгадке. – Сванн помолчал. – Но всего лишь один шанс из миллиона, что вам удастся что-то выпытать у нее.

– Где мне ее искать? – вырвалось у Пола.

– Она работает в одной очень уважаемой семье... Вот вам еще одно доказательство ее способности околпачивать порядочных людей. – Сванн достал из-под подушки листок бумаги, на котором было что-то написано, и молча протянул его Полу. – Вот! – сказал он глухо. – Хотя это едва ли принесет вам большую пользу. А теперь оставьте меня в покое. Я достаточно сделал для вас и большего сделать не могу. Мне плохо, и я хочу спать.

Он повернулся на бок и натянул одеяло до подбородка, явно давая понять, что беседа окончена.

Пол поднялся.

– Благодарю вас, – взволнованно и просто проговорил он. – Я скоро опять к вам приду.

И, бросив последний взгляд на иссохшее, неподвижное тело, повернулся и вышел из палаты. Спускаясь по лестнице, он чувствовал, как сердце у него забилося новой надеждой. От Сванна он узнал больше, чем ожидал. И тем не менее Пол не мог отделаться от ощущения, что больной утаил что-то, чего не хотел или боялся открыть. Обо всем этом Пол решил дознаться в следующий свой приход.

Глава 12

На другой день после работы Пол встретился с Марком у «Бонанзы» – они договорились об этой встрече заранее по телефону. Булия, казалось, был рад видеть Пола и, когда они обменялись рукопожатием, нетерпеливо воскликнул:

– Значит, сегодня приступаем к делу?!

– Да, – сказал Пол. – Как насчет того, чтобы сначала поесть?

– Нет, благодарю. Я уже перекусил. Итак, что слышно?

– Все в порядке.

– После нашего телефонного разговора я с трудом дождался вечера, – взволнованно заговорил Марк, когда они двинулись по запруженному народом тротуару. – Расскажите мне про Бёрт.

Пол молчал. Веселый нрав Булии, то, как он относился к делу, видимо считая это забавным и увлекательным приключением, побудили Пола призадуматься: а стоило ли брать его с собой? Однако весьма ощутимая помощь, которую тот великодушно оказал ему, в какой-то мере обязывала Пола. А потому после небольшой паузы он сказал:

– Бёрт живет в прислугах. Насколько я понимаю, жизнь у нее сложилась не слишком удачно. Сегодня вечером она свободна. Я примерно представляю себе, как она выглядит и где ее искать.

– А вы неплохо потрудились! – воскликнул Марк и добавил: – В каком состоянии вы оставили Сванна?

Пол сокрушенно покачал головой и искоса взглянул на Булию. Тот сразу изменил тон.

– Ему хуже? – шепотом осведомился он.

– Я ездил в больницу в перерыв на ланч. Сванн настолько плох, что мне даже не разрешили пройти к нему.

Оба умолкли. Путь их лежал через парк; они миновали раковину для оркестра, на зиму забитую досками и призрачно белевшую в сумерках, обогнули декоративный пруд и достигли высоких холмов, громоздившихся на севере, над Городской художественной галереей и Национальным историческим музеем. Перед ними вздымался Порлок-Хилл – одна из лучших частей города, где на значительном расстоянии друг от друга среди спускавшихся уступами садов стояли красивые особняки с подъездными аллеями из высоких каштанов. К этому прекрасному району примыкал, однако, нелепый пережиток прошлого – настоящий лабиринт узких улочек и тупичков, мощенных булыжником, пустыри, крохотные лавчонки и паб «Королевский дуб».

– Вот то, что нам надо, – сказал Пол, когда они подошли достаточно близко и уже можно было прочитать название на вывеске. – Мне нечего предупреждать вас, что надо быть осторожным. Если не знаете, что сказать, лучше молчите.

Они перешли через дорогу, на противоположной стороне которой светились окна с частыми переплетами, и, толкнув качающиеся створки двери, вошли в паб. Зал был старый, запущенный, хотя и обставленный без претензий: мягкая мебель, обитая выцветшим плюшем, на столиках – лампы под расползающимися абажурами, на стенах – репродукции картин, изображающих скаковых лошадей, позади полукруглого бара – треснутое зеркало в золоченой раме. Паб только еще начал заполняться вечерними посетителями – в основном местными торговцами и несколькими запоздавшими ремесленниками. Пол провел своего спутника к одному из некрашенных дубовых столов и, заказав две кружки эля, осторожно оглядел помещение.

– Еще не пришла. – Он повернулся к Марку. – Может, нам сегодня и не будет удачи.

Не успел он это сказать, как дверные створки качнулись. В паб вошла женщина и с видом завсегдатая быстро направилась к угловой кабинке. По какому-то странному стеснению в груди Пол понял, что это Луиза Бёрт. Судя по довольно массивным бедрам и полной груди, подчеркнутых костюмом из дешевой шотландки, ей было лет за тридцать. В руках, обтянутых желтыми перчатками, Луиза держала сумочку. И выглядела она до того вульгарно, настолько явно было, что это горничная, принарядившаяся для свободного вечера, что Пол, хотя сердце у него и колотилось, лишился дара речи.

Она уселась, заказала порцию джина и, оглядев себя в вынутое из сумки зеркальце, обвела глазами зал. Пол, поймав ее взгляд, слегка улыбнулся. Она тотчас отвернулась с видом

оскорбленной добродетели, но минуты через две, правда с обиженной миной, снова глянула в их сторону. Тогда Пол встал и направился к ее кабинке. Такой образ действий был абсолютно чужд его натуре, но, словно вдруг созрев, он проделал все это спокойно и уверенно.

– Добрый вечер, – самым непринужденным тоном произнес он.

Молчание.

– Это вы ко мне обращаетесь?

– Да. Не разрешите ли присоединиться к вам, если вы – одна?

– Я, собственно, не одна. Я жду знакомого.

– Ах вот как!

– Он может, конечно, и задержаться: много работает. Уж очень важная шишка.

– В таком случае он наверняка задержится и будет внакладе, а мы – в барыше. Угостить вас чем-нибудь?

– Ах что вы! Я непьющая. Разве что вы очень будете настаивать.

Пол сделал знак Марку, и тот подошел к кабине, неся свою кружку и кружку Пола.

– Разрешите представить вам моего приятеля?

– Очень приятно познакомиться. Я не захватила с собой визитных карточек, но зовут меня Луиза Бёрт.

Когда молодые люди сели, она слегка отодвинулась, кокетливо, как и подобает настоящей леди, оправляя юбку, затем, оттопырив мизинец, осушила свой стакан.

– Теперь заказывать буду я, мисс Бёрт, – сказал Марк. – Что вы хотите пить?

– Ах что вы! У меня и в мыслях этого не было. Разве что джину.

– Вот разорительница, – любезно улыбнулся Марк.

Она не ответила на его улыбку. Ее светло-голубые, как у куклы, глаза перебежали с одного собеседника на другого – недоуменно и оценивающе. Лицо у нее было бледное, с нездоровой, пористой кожей; она усиленно его пудрила – особенно нос, короткий и вздернутый. На щеках, по-детски пухлых, виднелись ямочки, отчего казалось, что с ее тонких, вечно влажных губ не сходит ироническая, настороженная усмешка, так не вязавшаяся с общим выражением лица, начисто лишенным юмора. Лба у нее, можно сказать, не было.

– За ваше благополучие! – предложил Пол, когда ей принесли джин, и поднял кружку с пивом.

– По-моему, – заметил Марк, – ничего нет приятнее, как провести вечер в хорошей компании. Среди друзей. На душе так весело становится. Даже чувствуешь себя лучше. И как-никак – разнообразие.

– Мне сегодня надо быть дома к девяти. – Бёрт с достоинством выпрямилась и оправила платье; знай, мол, наших. – Да и не могу я идти невесть куда. А сегодня тем более.

– Ну хорошо, – поспешно согласился Пол. – Отложим это на другой раз. Тогда мы будем лучше знакомы.

Она посмотрела на одного, потом на другого, осмысливая слова Пола:

– Да, скажу я вам, оба вы джентльмены что надо. Есть ведь грубияны, которые сразу начинают лезть, без всяких околичностей. – Она снова посмотрела на Пола, на этот раз не без интереса. – А вы раньше никогда со мной не встречались?

– Нет, – сказал Пол. – К сожалению, нет.

– Это удовольствие у него еще впереди, – любезно улыбнулся Марк.

Держась все время настороже, Пол умело вел разговор: он играл на тщеславии Бёрт, терпеливо выслушивал ее разглагольствования, ахал по поводу того, что она является домоправительницей в большой резиденции на Порлок-Хилл. После нескольких порций джина она стала держаться менее настороженно, зато еще более жеманно, а потом вдруг принялась жалеть себя, и ее стеклянные глаза наполнились слезами.

– Так приятно встретить настоящих джентльменов. Не то что некоторые – могла бы их назвать, да не стану. Я ведь тоже настоящая леди, хотя, наверное, и не должна бы это говорить. Воспитывали меня, понимаете ли, в большой строгости – я ведь училась у монашек во французском монастыре. И до чего же хорошо там было – тишина, покой, а уж какие душеньки эти монашки и до чего же они обожали меня! Как только не называли – и Луизонька, и Луизочка. Можете не сомневаться – только так, особенно мать настоятельница. Ей все было мало: она и завтрак мне в постель подавала, мои сорочки ручными кружевами обшила. А все, конечно, потому, что сама-то я наполовину француженка, да и потом, они ведь знали, кем я была бы, если бы не отняли мои права, а может, и догадывались, какая тяжкая предстоит мне жизнь. – Она замолчала и пристально поглядела на своих собеседников влажными от слез глазами. – Удивляетесь? А?

Пол сокрушенно покачал головой, а сам в это время подумал: «Великий Боже, ну и лгунья!»

– Если бы вы только знали! – Бёрт вцепилась Полу в плечо. – Чего я только не натерпелась! Отец мой служил в армии, не в Армии спасения, а в настоящей – он был полковник. И бил мою мать, скотина, смертным боем, бил особенно по субботам, когда приходил домой нализавшись. Я хотела удрать из дому. Всю жизнь мечтала о сцене: чтобы люди смотрели на меня и восхищались. Ах, если бы подвернулся случай!..

– А вам он так и не подвернулся? – сочувственно спросил Марк.

Она покачала головой, но ее глаза под припухшими веками неожиданно блеснули.

– Было одно дело. И я поступила по справедливости, заметьте. Я сказала только правду, чистую правду и ничего, кроме правды, да поможет мне Бог. А что я за это получила? Какие-то жалкие гроши, которые разошлись у меня за полгода.

– Так оно всегда бывает, – с наигранной горечью согласился Пол. – Делаешь человеку добро, а благодарности – никакой.

– Да не нужна мне ничья благодарность! – вспыхнула она. – Я хотела только, чтобы меня за человека признали... чтобы у меня было свое место в жизни. Я ведь не собиралась до конца своих дней быть в при... то есть я хочу сказать: в домоправительницах.

У Пола хватило ума молча выслушать это, но Марк, не выдержав, нагнулся к Бёрт.

– Почему вы не расскажете нам, что с вами случилось? – в упор спросил он. – А вдруг мы могли бы вам помочь.

Неожиданно воцарилось молчание. Пол закусил губу и опустил глаза. Бёрт посмотрела на Марка и словно бы сразу протрезвела. Румянец досады, проступивший на ее пухлых щеках, исчез. Она взглянула на стенные часы, допила свой джин и встала:

– Видите, сколько времени? Мне пора.

Скрывая огорчение, Пол подал Бёрт сумочку и перчатки, расплатился и вышел вслед за ней из паба.

– Какой чудесный вечер! – Он посмотрел на звезды. – Можно вас проводить?

Она поколебалась, затем нехотя дала согласие:

– Ну что ж... Но только до калитки – не дальше.

Они свернули с мощеной улицы и пошли по пустынной пригородной дороге. Луиза осторожно вышагивала на высоких каблуках между Полом и Марком. Пол из кожи вон лез, стараясь ей понравиться. Но вот они добрались до широкой аллеи, обсаженной двойным рядом высоких лип, за которыми среди садов стояли виллы с красными черепичными крышами. У последнего дома Бёрт остановилась:

– Ну вот мы и пришли.

– Какой красивый особняк, – заметил Пол.

– Да, – согласилась польщенная Бёрт. – Я живу у Освальдов... Очень благородные люди.

– Ну естественно. – И Пол тут же вкрадчиво спросил: – Мы могли бы встретиться в следующую среду?

Бёрт помедлила, но лишь какой-то миг.

– Ладно, – согласилась она. – В это же время, в «Королевском дубе».

– Прекрасно.

Пол снял шляпу и с преувеличенной любезностью пожал своей даме руку. В эту минуту дверь виллы отворилась, из дома вышел пожилой джентльмен, без шляпы, с сигарой во рту. В руке он нес несколько писем. Он неторопливо подошел к калитке и открыл ее, видимо направляясь к почтовому ящику, висевшему в конце дороги. В темноте трудно было разглядеть его, но Пол все же заметил, что у него совсем седые волосы и задумчивое, доброе лицо. Проходя мимо маленькой группы, он увидел Бёрт и мягко произнес:

– Добрый вечер, Луиза.

– Добрый вечер, сэра, – с угодливой почтительностью отозвалась та.

Очень смешно было слышать, как она сразу переменяла тон.

Лишь только седой джентльмен исчез в темноте, оставив позади себя приятный аромат сигарного дыма, Бёрт, явно растерявшаяся, поспешила распрощаться со своими провожатыми. Войдя в сад, она свернула влево – на дорожку для прислуги – и скрылась за лавровыми кустами. Пол и Булия повернулись и пошли обратно. Издали до них долетел звук захлопнувшейся двери.

Добрых пять минут они молча шли по аллее, затем Булия покаянным тоном сказал:

– Простите меня, Мэтри. Она только было разговорилась... а я снова заставил ее спрятаться в свою скорлупу.

Пол крепко стиснул губы, чтобы не сказать резкость.

Глава 13

Было уже около одиннадцати, когда Пол поднялся к себе в мансарду. Спать он не мог. Шагая по крошечному пространству между шатким умывальником и низенькой раскладной кроватью, Пол почти не слышал звуков, неизменно долетавших к нему по вечерам сквозь тонкие стенки: радио, игравшее внизу у индийского студента-медика; унылое посвистывание Джеймса Крокета, бухгалтерского клерка, жившего рядом и под эту мелодию обычно чистившего ботинки; скрип ступенек под ногами старого мистера Гарвина, бывшего аукционщика, спускавшегося вниз, чтобы наполнить кувшин водой. Сейчас Пол снова переживал волнующие события минувшего вечера. Наконец он разделся и лег в постель. Но спал плохо, так как мозг его по-прежнему лихорадочно работал, а нервы были напряжены. Он обрадовался, когда небо посерело над трубами и первые проблески дневного света проникли в комнату сквозь грязное окно. Весь этот день, работая в магазине, Пол был взвинчен и озабочен. Когда Лена Андерсен принесла ему из кафетерия ланч, он съел сэндвичи без обычного аппетита. По-видимому, она это заметила.

– Вы не любите ветчину? – серьезно и тихо спросила она.

Оторвавшись от своих мыслей, Пол поднял на нее глаза и заставил себя улыбнуться:

– Нет, люблю. Просто мне сегодня не хочется есть. – И добавил: – Вы чрезвычайно добры ко мне. Я помню, Харрис говорил, что мне будут давать здесь перекусить. Но вы приносите мне целый ланч.

– Какой же это ланч! Сэндвичи – это не еда. Но, я надеюсь, вы обедаете вечером?

Он утвердительно кивнул. Несмотря на мрачное настроение, в каком пребывал Пол, ему приятно было то, что она стоит и разговаривает с ним. Не просто болтает, а словно бы с трудом, против воли, выдавливая из себя слова. Быть может, его молчаливые взгляды – а он так часто глядел на нее, что между ними уже как бы протянулась ниточка интимности, – побудили ее

нарушить молчание. Казалось, каждый чувствовал, как одинок другой, и, очевидно, потому она и заговорила об этом.

– Вы, видно, живете один?

– Да, – признался он. – А вы?

– О нет. Я в этом отношении очень счастливая. – Тень гордости промелькнула по ее лицу. – У меня премилая квартирка – две комнаты в доме одних знакомых на Уэйр-стрит.

– Ну, это уже не квартирка, а целый дворец.

Лена кивнула, глядя куда-то в сторону. Жажда жизни и легкая грусть оттого, что жизнь не задалась, отразились в ее темно-карих глазах.

– Ничего, с расходами я справляюсь. Много работаю. Вечерами часто прислуживаю на банкетах. За это хорошо платят.

– А вы когда-нибудь ходите на танцы или в кино, как другие? – не без любопытства спросил он.

– Нет. – Лена передернула плечами. – Меня это не интересует.

Она постояла еще немного, рассеянно устремив взгляд куда-то вдаль, затем взяла пустую чашку Пола и с легкой улыбкой пошла назад в кафетерий.

Этот разговор не прошел незамеченным для некоторых востроглазых продавщиц, поскольку работы сейчас было не так уж много, и, когда Лена вернулась к своей стойке, одна из девушек, по имени Нэнси Уилсон, подтолкнула локтем соседку. Это была бойкая, обожавшая наряды девчонка, из тех, что околачиваются на Уэйр-стрит. На ней и сейчас был красный лакированный пояс, ажурные чулки и ботинки на пуговках с суконным верхом.

– Видала? – И она кивнула в сторону Лены. – Мисс Андерсен сегодня добрый час брала урок музыки.

– До-ре-ми! – пропела ее соседка.

– Эй, Лена! – с улыбкой окликнула ее другая девушка. – Ты что, договаривалась, чтобы тебе пианино настроили?

Все захихикали, но Нэнси Уилсон решила оставить за собой пальму первенства.

– Будь осторожна, Лена! – нежным голосом прожурчала она. – Обжегшись на молоке, подуй на воду.

Воцарилось неловкое молчание. Девушки сразу занялись своим делом, некоторые бросили на Нэнси сердитый взгляд. Лена, сделав вид, будто ничего не слышала, взяла приходно-расходную книгу и стала вносить в нее цифры. Обычно она добродушно отшучивалась. Но на этот раз ничего не сказала.

Пола на минуту заинтересовало, о чем они там говорят, но вскоре он об этом забыл. Он жил в состоянии напряженного ожидания, и ничто не могло надолго заинтересовать его: все мысли были заняты предстоящей встречей с Бёрт, и он с нетерпением считал оставшиеся дни.

Наконец наступила среда, и нервы Пола напряглись еще больше: его ждал нелегкий вечер. Он с трудом дотянул до конца дня. Они условились с Марком встретиться у «Бонанзы» в семь часов, и, как только магазин закрылся, Пол одним из первых покинул его. Поскольку Булии еще не было, он занял место под электрической рекламой на противоположном тротуаре и стал ждать, нетерпеливо поглядывая то в одну, то в другую сторону. Но вот, выныривая из-под спущенных наполовину железных ставен, начали появляться и другие продавщицы – они шли поодиночке или парами, болтая, взявшись под руку. Под конец появилась и Лена – в макинтоше и маленькой, далеко не новой, коричневой фетровой шляпке, под которую она старательно запрятала свои светлые волосы. Несмотря на скромную одежду, в ее грациозной, статной фигуре с высокой грудью, в том, как она шла, засунув руки в карманы макинтоша, было что-то привлекавшее внимание и радовавшее глаз. Провожая ее взглядом, Пол вдруг увидел, как Лена замахала рукой низенькой дородной пожилой женщине с несколькими пакетами в руках, показавшейся в толпе. Женщина нежно поцеловала Лену, и они вместе пошли в направ-

лении Уэйр-стрит. У Пола потеплело на душе от этого зрелища, но тут он взглянул на часы и, к своему удивлению, обнаружил, что уже двадцать минут восьмого. Какого черта так задерживается Марк?! Пол еще раз с возрастающим нетерпением посмотрел вверх и вниз по людной улице, надеясь увидеть приближающуюся фигуру Булии. Уже было половина восьмого, а тот все не появлялся. По мере того как шли минуты, нетерпение Пола стало сменяться тревогой. Наконец он не выдержал и, озабоченно хмурясь, зашагал к библиотеке. Через десять минут он уже был там и увидел, что Марк все еще работает. Подбежав к его столу, Пол воскликнул:

– В чем дело? Вы что, не идете со мной?!

Булия как-то съежился, помедлил, затем, встревоженно оглянувшись, тихо проговорил:

– Я дежурю. И не могу уйти.

Пол, ничего не понимая, уставился на молодого человека: его тон, манеры, даже облик стали другими. От бойкости и обычной беззаботности не осталось и следа – он казался пришибленным, даже запуганным; глаза со страхом и беспокойством обегали читальный зал.

– Вы могли бы все-таки сообщить мне об этом, – сказал Пол с вполне понятной досадой.

– Не так громко, – буркнул Булия, придвинулся ближе к Полу и приглушенным голосом быстро заговорил: – Вы извините, что я бросаю вас, Мэтри, но дело в том, что... я вынужден выйти из игры. Я ввязался в эту историю, не подумав, интереса ради, а оказывается, это вовсе не шутка.

– Что же произошло?

– Я не могу вам сказать. Но... – Марк еще больше понизил голос. – Послушайте моего совета и плюньте тоже. Больше ничего не скажу. Но говорю совершенно серьезно: я в жизни еще не был так серьезен.

Наступило напряженное молчание.

– Но мы хоть еще увидимся? – спросил Пол.

Марк посмотрел в сторону и покачал головой:

– Меня переводят отсюда... в Ретвуд, в публичную библиотеку. Я переезжаю в конце недели.

Снова наступило молчание – натянутое и долгое. Пол, видимо, понял и тихо свистнул. По правде говоря, он не возлагал особых надежд на помощь Марка. И все-таки даже этой помощи теперь лишился. Снова остался один... и один должен будет встретить то, что ждет его в будущем. Больше того: сейчас по тому, как переменился молодой библиотекарь, как он вдруг сложил оружие, Пол впервые почувствовал, с какими силами ему придется иметь дело.

Множество вопросов вертелось у него на языке. Но он чувствовал, что Булия ждет не дождется, когда он уйдет, а потому протянул руку и сказал просто:

– Извините, что вовлек вас в такую историю. Спасибо за все, что вы для меня сделали. Желаю вам счастья. И надеюсь, что мы еще встретимся.

Он круто повернулся и, выйдя из библиотеки, направился к ближайшей телефонной будке. Быть может, еще не поздно. Он нетерпеливо перелистал потрепанную, с загнутыми страницами книгу, висевшую на медной цепочке, нашел наконец нужный номер и опустил две монеты в автомат. После, казалось бы, бесконечного ожидания его соединили.

– Это «Королевский дуб»?

– Да, «Королевский дуб». Джек у телефона.

Полу показалось, что он узнал голос официанта, прислуживавшего ему неделю назад.

– Это говорит один знакомый мисс Бёрт. Я должен был встретиться с ней у вас в семь. Не будете ли вы так любезны передать ей кое-что? Скажите, пожалуйста, что я задержался, но сейчас еду.

– К сожалению, – донесся до Пола голос официанта, – мисс Бёрт здесь нет.

– Она что, не приходила сегодня?

– Нет, приходила и присидела этак с полчаса. Но ушла около восьми.

Пол опустил трубку на рычаг, подумал немного, затем вышел из будки. Через три минуты он был уже на площади и сел в трамвай, идущий на Порлок-Хилл. Часы Пола показывали половину девятого, когда он добрался до последнего дома на аллее. Фасад тонул в темноте, но в одном из боковых окон наверху виднелся свет. Пол открыл калитку и вошел в сад, затем, собравшись с духом, обогнул дом по дорожке для слуг и постучал у задней двери. Внутри тотчас залаяла собака, и через некоторое время дверь отворилась. На пороге стояла худая женщина лет пятидесяти в черном платье экономки и спокойно смотрела на Пола.

– Простите, пожалуйста, могу я видеть мисс Луизу Бёрт?

Женщина оглядела Пола с головы до пят:

– Она у себя в комнате – у нее голова болит.

– А не могла бы она спуститься на минутку? – не отступался Пол. – Я ее знакомый.

– К сожалению, нет. – Экономка отрицательно покачала головой. – Мы не разрешаем приятелям нашей прислуги приходить сюда. Таково правило этого дома.

И, пробормотав извинение, она закрыла дверь. Пол был обескуражен, но решил не сдаваться. Он во что бы то ни стало должен увидеть Бёрт.

Вечер стоял сухой и ясный, в темноте мягко мерцали звезды. Небо очистилось, и легкая корочка морозца, покрывшая опавшую листву, слегка похрустывала под ногами Пола, когда он шел назад к фасаду дома. Там теперь светило большое окно; занавеси – очевидно, из-за красоты вечера – не были задернуты, и Пол увидел хозяина – мужчину, который шел тогда к почтовому ящику, и пожилую даму с приятным, добрым лицом – видимо, его жену. В нарядно обставленной гостиной сидела еще одна пара – должно быть, гости. Все четверо были в вечерних туалетах.

Укрывшись за лавровыми кустами, Пол наблюдал изящный и красивый спектакль, действующие лица которого были так далеки от мучительных страстей, бушевавших в его груди. Вот в комнату внесли столик для бриджа. Судя по тому, как эти люди неторопливо, со смехом и разговорами принялись за игру, ясно было, что закончат они не скоро, и Пол приготовился к длительному ожиданию, в надежде, что потом удастся все же увидеть Луизу.

Внезапно в темноте он услышал за спиной тяжелые шаги. И, быстро обернувшись, увидел полисмена.

Глава 14

– Вы что здесь делаете?

При этих словах Пола словно обдало ледяной водой, на секунду у него перехватило дыхание. Но он быстро взял себя в руки.

– Хотел повидать кое-кого из обитателей этого дома.

– Как же это вы собирались их повидать? Скрываясь среди кустов в темноте?

– Я вовсе не скрывался.

– Нет, скрывались. Я слежу за вами с тех пор, как вы сюда пришли. И скрывались вы намеренно.

– Ничего подобного, – возразил Пол. – Я могу вам все объяснить, если только вы меня выслушаете.

– Объясните сержанту в участке, – перебил его полисмен. – Пошли – и без сопротивления.

Сжав зубы, Пол посмотрел на стоявшего перед ним человека в форме. Худшей бедой трудно было ожидать. Но ему оставалось только подчиниться. И он молча пошел рядом с полисменом.

Они долго шли к центру города по освещенным, заполненным народом улицам. А это уже само по себе кое о чем говорило. Пол понял, что его ведут не в ближайший полицейский

участок. Наконец они вошли в подворотню, освещенную высоко подвешенной синей лампочкой, а затем – в приемную полицейского управления города Уортли.

Комната была маленькая, ярко освещенная и совсем голая, с окном, забранном решеткой, двумя дверями – в одной из них было квадратное оконце, тоже зарешеченное, – и двумя скамьями вдоль стен. У стойки, расстегнув воротник мундира, стоял могучий краснолицый сержант по фамилии Джапп – это было указано на табличке – и старательно записывал что-то, точно школьник, готовящий урок. Он был дороден, как владелец сельской гостиницы. Крупная голова его находилась в кружке света, падавшего от затененной зеленым абажуром лампы, и редкие, тщательно напوماженные и аккуратно разделенные пробором волосы не могли скрыть поблескивающей лысины.

Он заставил Пола простоять перед ним добрых пять минут, пока старательно выводил все крючки и закорючки, затем поднял на него глаза, перевернул страницу и спросил:

– Ну, что там еще?

Следуя обычному порядку, Джапп почти механически записал то, что сказал ему полисмен, время от времени он лишь покручивал свой навощенный ус и искоса, как-то странно поглядывал на Пола. Наконец он указал тупым пером на скамью:

– Думаю, что начальник захочет поговорить с вами. Посидите здесь, я вас позову.

Пол не стал возражать. Теперь он был уже убежден, что его забрали и привели сюда не случайно. Он просидел на скамье, должно быть, около часа. За это время привели двоих моряков – оба были пьяны и, казалось, успели вывалиться во всех сточных канавах города, – а также ярко-рыжее крашеное существо с застывшим лицом и сломанным пером на шляпе – уличную девицу, обвинявшуюся в том, что она приставала к прохожим. Всех троих увели через левую дверь с зарешеченным оконцем. Когда она открылась, в комнату проник приглушенный, но не уничтоженный дезинфекцией кислый запах невымытых человеческих тел.

Наконец сержант Джапп подал знак Полу. Тот поднялся и пошел за сержантом по коридору направо. Через обитую зеленым войлоком дверь они вошли в уютный кабинет, где стояли кожаные кресла, большой письменный стол красного дерева и высокая горка с серебряными кубками и прочими трофеями. На стенах в рамках висели многочисленные фотографии полицейских футбольных и спортивных команд, а также любопытная витрина со старинными полицейскими дубинками. На полу лежал толстый красный ковер. Но Полу не стало легче при виде этой веселой комнаты – все его внимание было приковано к человеку, сидевшему за столом. Он знал его по фотографиям и сразу понял, что находится перед начальником полиции Уортли – Адамом Дейлом.

– Присаживайтесь, мой мальчик. Вот сюда. Вам тут будет удобно.

Тихий голос с неожиданно теплыми, дружелюбными интонациями застал Пола врасплох, и он покорно опустился в кресло у стола. Взгляд его не отрывался от Дейла. Начальнику полиции было сейчас лет пятьдесят пять, и он находился, пожалуй, в самом расцвете сил. Это был богатырь с массивной шеей, отличавшийся такими бицепсами, что руки у него казались толще, чем ляжки у обычных людей. При этом ни грамма жира – одни кости и мускулы. Лицо его, словно высеченное из гранита, с прямым носом и резко очерченными скулами, пугало своей силой. Лоб говорил о наличии здравого смысла и, пожалуй, даже интеллекта, но подбородок, указывавший на железную волю и как бы вытесанный из камня, бросал вызов всему свету. Глаза были серые и холодные, точно лед.

– Я уже несколько дней хочу вас видеть, друг мой, – заговорил Дейл все тем же спокойным, уважительным тоном, – и данный случай показался мне вполне подходящим.

Пол призвал на помощь все свое мужество.

– Но я же ничего не сделал.

– Уверен, что нет. Но мы поговорим об этом позже. Сначала я хочу, чтобы вы знали, что мне известно, кто вы и чем занимаетесь. Вам Уортли, возможно, кажется большим городом.

А для нас это деревушка. Мы знаем обо всем, что здесь происходит. Так или иначе все ведь становится известно. Это до какой-то степени входит в наши обязанности. Поэтому не успели вы приехать, как ко мне уже поступили сведения о вас. – Он отыскал телеграфный бланк в лаковой коробке, стоявшей слева от него на столе. – Ваши добрые друзья из Белфаста прислали нам телеграмму с просьбой выследить вас и уберечь от беды. Я знаю, где вы остановились, где работаете и что вообще делаете.

Начальник полиции взял эбонитовую линейку и задумчиво повертел в своих ручищах, которые в молодости, когда он выступал на ринге от Камберленда, уложили на мат не одного противника.

– Теперь вот что, мой дорогой друг... Я примерно понимаю, какие чувства вы должны испытывать ко мне. Вы полны ненависти. Я – тот зверь, который на всю жизнь закатал в тюрьму вашего отца и чуть не вздернул его на виселице. Так вы на это смотрите. Теперь я расскажу вам, как смотрю на это я. А смотрю я вот как. Я всего лишь выполнял свой долг. Факты были таковы, что иного выбора у меня не было. Через мои руки прошли сотни таких, как ваш отец. По правде говоря, я и думать о нем забыл, пока вы не появились. – Дейл снова помолчал и обратился на Пола стальные жерла своих глаз. – Я нахожусь на этом посту, чтобы охранять безопасность общества. А оно делится на две категории: на тех, кто творит добро, и на тех, кто творит зло. Моя обязанность – преследовать злоумышленников и оберегать порядочных людей. Вам это понятно? Если да, то я хочу спросить вас напрямик. – Он помолчал и ткнул линейкой в Пола. – К какой категории вы себя причисляете? Ну-ка? Если вы намерены восстать против сил закона и порядка, то навлечете на себя большие неприятности. Вы уже видите, к чему это привело. Вас обнаружили на территории большого особняка после наступления темноты, где вы бродили без согласия и без ведома владельца. Следующим вашим шагом будет проникновение в дом. Учтите, я ни в чем вас не обвиняю. Но мы здесь придерживаемся разумной политики и считаем, что лучше предупредить человека, чем потом исправлять. Поэтому я и пытаюсь для вашего же блага показать, чем все это может закончиться.

Наступила пауза. Пол сидел молча, не двигаясь. Сначала он намеревался раскрыть Дейлу душу, объяснить, как он смотрит на дело, спорить, возражать, убеждать. Но какая-то тайная сила, вернее, инстинкт уберек его от этого.

– Не мне давать вам советы. – Дейл говорил, безусловно, искренне, в его тоне звучало желание образумить, убедить собеседника. – Но послушайте меня и возвращайтесь к вашей матушке в Белфаст. Вас ждет там неплохое место и, насколько я понимаю, неплохая девушка. Не ходите по краю пропасти. Слышите? У меня ведь есть дети – я тоже человек. И мне бы не хотелось, чтоб вам искалечили жизнь. Вот и все. Теперь можете уезжать восвояси. И если вы человек умный, то никогда больше не возвращитесь сюда.

Он жестом попрощался с Полом – скорее сердечно, чем вежливо. Не произнеся ни слова, Пол встал, вышел из кабинета, беспрепятственно миновал коридор и приемную и очутился на свежем ночном воздухе. Он был свободен. Весь мокрый от испарины, он быстро зашагал прочь. Его глубоко потрясла прямота и откровенность начальника полиции. В том, что это человек честный и искренний, можно было не сомневаться. Однако Пол чувствовал, как где-то глубоко в нем неволью рождалось возмущение. Ведь он не сделал ничего дурного. В этой стране, где столько говорят о свободе, никто не имеет права навязывать ему свою волю, а он не может и не хочет подчиняться Дейлу. Наоборот, его требование и обстоятельства, которые ему предстояли, вызвали в Поле жгучий протест, желание перейти к более активным действиям, о которых он думал вот уже несколько дней. Необходимо было немедленно с кем-нибудь посоветоваться, и, несмотря на поздний час, он в отчаянии решил:

«Надо повидать Сванна... Сейчас. Правда, он советовал не спешить... но ведь тогда... тогда он не знал того, что произошло теперь. Раз мне чинят препятствия здесь – в Уортли... придется... Что ж, придется брать быка за рога. В конце концов, ведь именно Сванн и сказал

мне, что я могу чего-то добиться только в самых высших инстанциях». Пол быстро добрался до больницы по пустынным, гулким улицам.

Но там, когда он изложил свою просьбу, старик-привратник, проведя сломанным ногтем по списку больных, посмотрел на него сквозь очки и слегка покачал головой:

– Сванн... Джеймс Сванн. Мне очень жаль, молодой человек, но он вычеркнут из списка. Он с миром преставился сегодня... в четыре часа.

Глава 15

Член парламента от Уортли либерал Джордж Берли любил приезжать в свой избирательный округ, тем более в ноябре, когда так хороша охота на куропаток. Джордж Берли был уроженцем здешних мест, и карьера, которую он сделал в Лондоне, женившись на леди Урсуле Анкастер и таким образом породнившись с одним из наиболее влиятельных в Либеральной партии семейств, не уменьшила его приверженности к старым друзьям и любимому спорту. Он был весьма популярной фигурой в Уортли и в пятьдесят лет, румяный, гладко выбритый, добродушный, отличный рассказчик, тонкий ценитель сигар, всегда прекрасно одетый – ему доставляло истинное удовольствие на досуге заниматься своим туалетом, – в любую минуту готовый помочь приятелю и поставить свою подпись на листке пожертвований, стал своего рода олицетворением местного жителя, которого не способен испортить даже успех.

По правде говоря, его парламентская карьера не была особенно примечательной. Он аккуратно посещал заседания, честно голосовал в комиссиях и ежегодно принимал участие в состязаниях по гольфу – палата общин против палаты лордов. У каждого общественного деятеля есть недоброжелатели, а потому кое-кто утверждал, что Берли недостает ума и опыта для того положения, которое он занимает, что не всякий добрый малый может быть хорошим политиком, что он дрожит перед своей знатной супругой и, уж конечно, перед всем аристократическим семейством Анкастер, что его приветливое благодушие – всего лишь обратная сторона снобизма и, наконец, что, если бы не жена и ее связи в высших сферах, Джордж никогда бы так долго не удержался на своем высоком посту. В это утро Берли пребывал в отличнейшем расположении духа. Поездка в утреннем экспрессе оказалась весьма приятной, и теперь, сидя за завтраком в апартаментах, которые всегда оставляли для него в отеле «Квинс», и воздав должное внушительной порции яичницы с беконом, жареным почкам, а также бараньей отбивной, он уписывал поджаренный хлеб с джемом и допивал уже третью чашку кофе. Приятно было заглянуть и в «Курьер», лежавший у него на коленях: его партия лидировала на дополнительных выборах в Котсуолде, никаких забастовок не ожидалось, акции на бирже поднимались в цене. Вчера вечером подморозило, как раз настолько, чтобы подсушить почву, а сейчас проглянуло солнце.

Через десять минут ему подадут машину, а через час он уже будет вдыхать запахи своего детства, будет бродить по здешним лугам с тремя приятными спутниками. Они тоже хорошие стрелки, хотя и не такие искусные, как он. Ко всему у него еще новый спаниель, только что натасканный, который, надо думать, поработает на славу.

Вошел официант – пожилой человек с бакенбардами, весьма благообразный и почтительный. Джордж любил атмосферу этого отеля, где бережно хранили добрые старые традиции и остерегались новомодных глупостей, которых он терпеть не мог.

– Вас спрашивает какой-то молодой человек, сэра.

Берли поднял глаза от газеты и насутился:

– Я не могу его принять. Через десять минут я уезжаю.

– Он говорит, что вы назначили ему прийти, сэра. И передал вот это письмо.

Берли взял письмо, учтиво поданное официантом. Это было его собственное письмо на бланке палаты общин. Вот досада! Эту встречу Берли назначил давно, в ответ на довольно

туманную просьбу о личном свидании, и тотчас же о ней забыл. Но так или иначе, он всегда гордился тем, что держит слово.

– Ладно, – сказал он. – Проводите его сюда.

Минуту спустя Пол уже стоял в комнате. Берли, который как раз закуривал пятишиллинговую сигару, с любезным видом пожал ему руку и пригласил к столу.

– Итак! – приветливо воскликнул он сквозь клубы дыма. – Я ждал вас с того дня, как получил ваше письмо. Не угодно ли чашечку кофе?

– Нет, благодарю вас, сэр.

Пол был бледен, но решительное выражение его лица и статная фигура произвели явно благоприятное впечатление на Берли, любившего оказывать помощь почтительным, хорошо воспитанным людям.

– Что ж, в таком случае перейдем к делу, молодой человек! – Берли говорил дружелюбно-покровительственным и чуть-чуть насмешливым тоном, на что был великий мастер. – У меня мало времени. Сейчас предстоит важное совещание за городом. И сегодня же вечером я должен выехать в Лондон.

– Я так и думал, что вы стеснены во времени, сэр. – Пол торопливо вынул из внутреннего кармана какие-то бумаги. – И потому заранее напечатал перечень фактов.

– Хорошо, очень хорошо! – вежливо одобрил Берли и в то же время протестующе поднял руку: он терпеть не мог читать прошения и, верно, потому держал двух секретарей в парламенте. – Изложите мне кратко суть дела.

Пол провел языком по губам, глубоко вдохнул:

– Мой отец пятнадцать лет сидит в тюрьме за преступление, которого не совершал.

Берли открыл рот и вытаращил глаза. Он смотрел на Пола так, словно перед ним вдруг возникло нечто весьма неподобающее. Но тот не дал ему заговорить и стал торопливо выкладывать все, что было у него на душе.

Поначалу казалось, что Берли вот-вот прервет его. Но он не сделал этого. Его лицо вытягивалось все больше и больше, он продолжал подозрительно, даже с отвращением поглядывать на Пола, но все же не прерывал его. И под конец даже перестал попыхивать сигарой.

Монолог Пола длился ровно семь минут, и, когда он закончил, у Берли был такой вид, точно его поймали в ловушку. Он откашлялся:

– Я не верю. Это похоже на басню. Но если даже я ошибаюсь... Это ведь очень старая история.

– Но не для человека в Стоунхисе. Для него она продолжается.

Берли сделал нетерпеливое движение:

– Я этого не допускаю. И не считаю возможным ворошить грязное болото. Во всяком случае, мне до этого дела нет.

– Вы член парламента и депутат от Уортли, сэр.

– Да, черт подери! Но не депутат от Стоунхиса. Я представляю порядочных людей, а не банду каторжников.

Он вскочил и зашагал по комнате, вне себя оттого, что ему испортили приятный день. И зачем только он позволил явиться этому юному сумасброду! Нет, совать голову в осиное гнездо он не станет. Ни один человек в здравом уме и доброй памяти не захочет копаться в такой грязи. И тем не менее, покосившись на Пола, неподвижно сидевшего у стола, он почувствовал угрызения совести.

– Хорошо! – вдруг изрек он, сердито взглянув на часы. – Оставьте мне эту чертову бумагу. Я просмотрю ее еще сегодня. Зайдите снова часов в семь вечера.

Пол, сдержанно поблагодарив, передал ему документ и спокойно вышел из комнаты. Очувтившись на улице, он жадно вдохнул свежий утренний воздух. Если бы ему удалось принудить к действию этого человека в парламенте, в самом сердце правительства, весь клубок, несо-

мненно, был бы распутан. Торопясь в «Бонанзу», он надеялся, что произвел некоторое впечатление на Берли.

День тянулся томительно долго. Понимая, сколь важные процессы происходят сейчас в мозгу Берли, Пол то и дело нетерпеливо посматривал на часы. Управляющий Харрис уже много раз подходил и наблюдал за ним, словно хотел подловить Пола и обвинить в безделье. Но вот наконец настал желанный час. Перед самым закрытием магазина Пол прошел в туалет и, чтобы освежиться, окунул голову в холодную воду. В четверть восьмого он был в отеле «Квинс», где, после недолгого ожидания, его провели наверх.

На этот раз Берли уже не светился приветливостью. Депутат от Уортли стоял спиной к камину, его чемодан был упакован и закрыт, тяжелое дорожное пальто небрежно брошено на стол. Он едва кивнул в знак приветствия и долго внимательно и недружелюбно смотрел на молодого человека, наконец заговорил:

– Я просмотрел ваши бумаги... очень внимательно. Читал в машине по дороге в деревню. Потом перечитал, когда вернулся. Надо признать, вы их неглупо составили. Но в любом деле имеются две стороны. Вы же изложили только одну.

– Правда здесь на одной стороне, – живо возразил Пол.

Берли нахмурился и покачал головой:

– У нас подобные истории исключены. Возможно, в какой-нибудь отсталой стране... но не в Англии. Разве у нас не лучшая в мире юстиция? В этом отношении, как и во всех других, мы стоим на первом месте. Да и что может быть беспристрастнее суда присяжных? Бог ты мой! У нас он существует уже семь веков!

– Это аргумент скорее против, чем за, – тихим голосом возразил Пол. – Я много думал об этом, сэр, что вполне понятно в моих обстоятельствах. Но разве в число присяжных не могут попасть глупые, невежественные, предубежденные люди, не разбирающиеся в технике судопроизводства, не имеющие представления о психологии, бездумно принимающие на веру свидетельские показания, легко поддающиеся выпященной риторике умного прокурора?

– Господи ты боже мой! – воскликнул Берли. – Уж не собираетесь ли вы облить помоями самого министра юстиции?

Странное возмущение, теперь день и ночь бродившее в Поле, заставило его ответить:

– Человек, чья карьера зависит от умения лишить жизни того, кто сидит перед ним на скамье подсудимых, по-моему, заслуживает не больше уважения, чем обыкновенный палач.

– Вы забываете, что нам нужны обыкновенные палачи.

– Зачем?

– Черт вас возьми! – вспыхнул Берли. – Понятно, чтобы вешать убийц.

– А должны мы их вешать?

– Конечно должны. Мы обязаны охранять интересы общества. Если бы не страх перед веревкой, первый попавшийся злоумышленник перерезал бы вам глотку впотьмах из-за пятифунтового билета.

– Статистика доказывает, что в странах, где отменена смертная казнь, преступность не возросла.

– Не верю! Повешение – лучшая мера безопасности. И это гуманная смерть, не то что гильотина или электрический стул. Было бы чистейшим безумием отказаться от этого традиционного наказания.

Горячая волна возмущения захлестнула Пола и заставила забыть об осторожности.

– То же самое говорил лорд Элленборо, наш министр юстиции, несколько лет назад, когда Самуэль Ромили внес предложение об отмене смертной казни через повешение за кражу свыше пяти шиллингов.

Кровь бросилась в лицо Берли.

– Вы просто дурак, молодой человек! – прошипел он. – Я-то тут при чем. Я либерал. Я стою за гуманность. Так же, как вся наша система. Нам не доставляет удовольствия вешать людей. Кажется, вы могли бы в этом убедиться на собственном опыте. Любой приговор может быть отменен.

– Ваша лучшая в мире правовая система сначала объявляет человека убийцей и приговаривает к повешению, затем идет на попятный и отправляет в тюрьму до конца его дней. Это что, акт милосердия, гуманности? Это, по-вашему, справедливость? – Пол вскочил на ноги, бледный, сверкая глазами. – Именно так и случилось с моим отцом. Он попал в Стоунхис из-за этой вашей системы ведения уголовного процесса, когда дело решают улики и показания заведомо недобросовестных свидетелей, системы, позволяющей сторонам произвольно манипулировать фактами, вызывать экспертов, находящихся на жалованье у государства и потому поддакивающих обвинению, и назначать прокурора, единственной целью которого является не установление справедливости, а уничтожение того, кто сидит на скамье подсудимых. – Не обращая внимания на Берли, одержимый своей идеей, Пол сдавленным голосом продолжил: – Преступление – продукт социального строя. Те, кто учредил этот строй, зачастую куда более виновны, чем так называемые преступники. Нельзя, чтобы к правонарушителям общество применяло те же принципы, которые сто лет назад заставляли вешать голодного мальчишку за то, что он украл каравай хлеба. Но если уж мы упорно стоим на том, что око за око, зуб за зуб, то закон должен быть по крайней мере гибок. А вместо этого что происходит? Мера наказания с незапамятных времен – виселица, на которой вслед за учтивой комедией молитвы разыгрывается последний акт отмщения. – Пол задыхался, но остановиться не мог. – Пора уже ввести новую, более справедливую систему, но вам не на руку, чтобы менялся ход вещей, пусть все остается, как в добрые старые времена. Возможно, вы хотели бы еще пойти назад, вернуться к феодальному строю, когда только зачинался суд присяжных. Что ж, вы вправе держаться этих взглядов. Но не забывайте, что вы представитель народа, что вы меня представляете в парламенте. Пусть вы не верите тому, что я здесь изложил, но ваша обязанность – позаботиться о пересмотре дела. Если вы откажетесь, я пойду и буду кричать об этом на всех перекрестках.

Вдруг он понял, что говорит, и прикусил язык. Ноги у него подкашивались, он опустился на стул и закрыл лицо руками. В наступившем молчании Пол не смел поднять глаза на Берли. Он чувствовал, что лишил себя всякой надежды на успех.

Но Пол ошибся. Если подобострастные мольбы оставляли Берли равнодушным, то энергией и отвагой его всегда можно было подкупить. Мужество восхищало его, и ему нередко случалось проникаться симпатией к тем, кто, по его словам, умел постоять за себя. Вдобавок он чувствовал, что за этим странным, неприятным делом и вправду что-то кроется. И наконец, взывая к чувству долга Берли, Пол задел его за живое. Берли и сам сознавал, что себялюбие и образ жизни, навязанный ему аристократической женой, за последние годы не раз побуждали его увильнуть от наиболее неприятных обязанностей, связанных с занимаемым положением.

Он несколько раз прошелся по ковру туда и обратно, чтобы поостыть, и затем сказал:

– Молодежь, видно, воображает себя носителем всех добродетелей. Ну, это ваше дело! В других вы не в состоянии увидеть ничего хорошего. Я, например, не собираюсь строить из себя святого. Но, вопреки эпитетам, которыми вы меня наградили, я стою за некоторые принципы. И прежде всего за честность. Мне совсем не по душе ваше дело. Но, клянусь Богом, я не стану от него уклоняться! Я возьму его на себя, предам гласности, поставлю перед палатой общин. Более того: даю торжественное обещание сообщить об этом самому министру юстиции.

Пол взглянул на него. Так неожиданна была эта речь, так поразительна победа, что комната ходуном заходила у него перед глазами.

Он попытался пробормотать слова благодарности, но губы его не желали шевелиться, а предметы вокруг словно закружил вихрь.

– Бог ты мой! – Берли торопливо вытащил из кармана дорожную флягу, склонился над Полом и, разжав ему зубы, влил в рот несколько капель спирта. – Так, так! Уже лучше. Лежите тихо, не двигайтесь.

Он стоял с покровительственным видом, глядя, как краска возвращается на лицо Пола, и сам несколько раз приложился к фляге. Бурная реакция Пола, рассеяв последние остатки гнева, восстановила в Берли приятное чувство собственного достоинства. А впоследствии, когда ему удастся выяснить всю эту дурацкую, немислимую историю, какой у него будет великолепный рассказ для клуба! Он уже слышал свой голос, говоривший: «Упал без сознания к моим ногам, желторотый птенец».

Время шло.

– Вам лучше теперь? Мой поезд уходит в восемь.

Пол поднялся, машинально пожал протянутую ему руку и через несколько минут уже шел по улице. Звон стоял у него в ушах и еще более ликующий – в сердце.

Глава 16

На следующий день Пол подошел к газетному киоску на углу и попросил, чтобы ему ежедневно доставляли газету «Курьер Уортли». Она давала подробные отчеты о заседаниях в палате общин. И хотя он знал, что немедленного результата ожидать нельзя – в сутолоке парламентских дел Берли ведь надо еще улучшить благоприятную минуту, – все-таки с жадностью прочитывал газету каждый вечер по возвращении с работы. Окрыленный надеждой, он смирился с нынешним своим положением и постарался весело, наилучшим образом его использовать. Дома он решил не ограничиваться шапочным знакомством с единственным из жильцов, который был его ровесником, счетоводом Джеймсом Крокетом. Этот Крокет, юноша весьма степенный и довольно скучный, пунктуальный в своих привычках, как часовой механизм, всегда в высоких стоячих воротничках и готовых галстуках-бабочках, к авансам Пола отнесся с крайней сдержанностью. Но как-то раз, в субботу, он вдруг вынул из записной книжки два билета:

– Не желаете ли пойти? Мне их дал хозяин. Он член этого общества.

Пол повертел в руках билеты:

– А почему вы сами не хотите ими воспользоваться?

– Моя дама не совсем здорова, – ответил Крокет, – и мы не можем пойти. Там будет очень мило. По воскресеньям туда пускают только членов общества и их друзей.

Не желая обидеть Крокета, Пол взял билеты, поблагодарил и помчался на работу. В новом настроении необходимость играть весь день не тяготила его. Время от времени он поглядывал на Лену Андерсен в надежде хотя бы немного ее расшевелить. Сделать это было очень нелегко. После тех дней, когда она несколько свободнее разговаривала с ним, к ней вернулась прежняя замкнутость, в глазах застыл какой-то горестный вопрос. Пола огорчало, что она так явно уклонялась от дружбы, которую он предлагал ей, и вот во время перерыва на ланч – это было в субботу – внезапный порыв заставил его воскликнуть:

– Лена! – Затем нарочито небрежным тоном Пол добавил: – Почему бы нам с вами не развлечься немножко?.. Ну, скажем, завтра? – (Она не ответила.) – Один парень, мой сосед, уступил мне два пригласительных билета в Ботанический сад. Особых радостей это, конечно, не сулит, но надо все-таки внести разнообразие в нашу жизнь.

Она заметно изменилась в лице и некоторое время стояла неподвижно.

– Что с вами? – Озадаченный и уязвленный, он сделал попытку пошутить. – Боитесь, как бы вас не укусила орхидея?

Она слабо улыбнулась, но ее лицо продолжало оставаться замкнутым, а в глазах застыло выражение страха.

– Это очень любезно с вашей стороны, – не глядя на него, произнесла она. – Я редко где-нибудь бываю.

Он не понимал ее смущения, так не вязавшегося с его шутливым приглашением. Между тем магазин опять стал наполняться покупателями.

– Обдумайте мое предложение, – сказал Пол, придвигая к пианино вертящийся стул. – И дайте мне знать, если захотите принять его.

Взволнованная до глубины души, Лена неторопливо пошла к своей стойке. В течение последних шести месяцев, с самого своего приезда в Уортгли, она ни разу не видела ни малейшего внимания к себе со стороны мужчин и ни разу ни одного из них к этому не подстрекала. Правда, кое-какие неприятности в этом смысле ей пришлось испытать. Харрис, например, первое время изрядно докучал ей, но ее непреклонная холодность постепенно остудила его пыл. И на улице к ней нередко приставали мужчины, преследовали ее, когда она шла вечером домой. В эти минуты ее вновь охватывали тоска и страх, и Лена старалась идти быстрее, с застывшим, неподвижным лицом. Но сегодня все было по-другому и потому, наверное, куда опаснее. Разве она не возвела в житейское правило полное обуздание своих чувств? И все же, когда наконец настал вечер, она сказала себе, что большой беды не будет, если она примет приглашение Пола. Для него оно, по-видимому, ровно ничего не значит, ведь его отношение к ней было всегда только искренне дружелюбным, он даже не коснулся ее руки. Право же, не надо доводить до абсурда решение, принятое однажды в состоянии подавленности и душевной муки. Когда покупателей стало меньше и выдалась свободная минута, она подошла и сказала Полу, что будет рада воспользоваться его приглашением, если он сможет зайти за ней часа в два. Итак, на следующий день, оказавшийся погожим и солнечным, после завтрака Пол неторопливо шел по Уэйр-стрит. Эта часть города, несмотря на близость универсального магазина, была тихой и респектабельной. Ярко раскрашенные ящики для цветов на окнах высоких, закопченных и грязных домов придавали старомодной улице жизнерадостный вид. Когда Пол поравнялся с домом номер шестьдесят один, дверь открылась и на узкой мощеной дорожке, окаймленной зеленой железной оградой, показалась Лена в темном выходном пальто и шляпе. В дверях дома стояла пожилая женщина, которую он однажды вечером видел возле магазина. Поколебавшись с минуту, она тоже вышла на улицу познакомиться с Полом.

– Я миссис Хэнли. – Она улыбнулась и протянула ему руку, скрученную ревматизмом. – Лена говорила мне о вас.

Седоволосая, лет под пятьдесят, ниже среднего роста, она была до того согнута болезнью, что ей пришлось откинуть голову, чтобы разглядеть Пола. В противоположность одеревенелому телу лицо у нее было свежее и веселое, освещенное блестящими, как у птицы, глазами.

– Я слышала, вы большой музыкант, – заметила она, все еще испытующе вглядываясь в него.

Пол откровенно расхохотался:

– Бренчу понемножку на пианино. И музыкант я не больший, чем шарманщик, который крутит ручку своего ящика.

– Во всяком случае, очень рада, что вы зашли за Леной. Она ведь почти никуда не ходит. Но не буду вас задерживать, я хотела только поздороваться с вами. – Видимо, удовлетворенная, миссис Хэнли отвела глаза от Пола и одарила Лену ласковой, ободряющей улыбкой. – Желаю хорошо провести время.

Она заковыляла назад к дому и, держась за перила, взобралась на ступеньки. Дверь за ней захлопнулась, и Пол с Леной двинулись в путь. Красный трамвайный вагон повез их по Уэйр-стрит, погруженной в воскресную тишину, через Леонард-сквер в пригород, на величественную Гарленд-роуд, где красные кирпичные виллы стояли в зарослях лавра и колючих араукарий. Немного подалее находился Ботанический сад. Сойдя на конечной остановке, они вошли в литые узорные ворота.

– Бывает хуже. – Пол улыбнулся Лене, быстрым взглядом окинув прелестные зеленые лужайки, аллею стройных каштанов, ведущую к отдаленному озеру, и многочисленные изящные оранжереи, разбросанные на обширной территории. – В это время года ничего особенного мы, конечно, в саду не увидим, но давайте все-таки погуляем, прежде чем идти в оранжереи. Кстати, Лена, я хотел вам сказать, что сегодня вы необыкновенно мило выглядите.

Она промолчала в ответ на его как бы мимоходом брошенный комплимент. Но это была сущая правда, в которой он убедился, едва увидев ее, и убеждался сейчас, когда прохожие оглядывались на Лену. До сих пор он видел девушку только в форменном платье или в поношенном стареньком пальто и не догадывался о ее врожденной грации и незаурядности. Сегодня она была совсем другая – необычная, с теплым румянцем на щеках, с копной золотистых, как мед, волос. Сколько в ней изящества, как легко она ходит. Глаза у нее – он еще никогда не смотрел в них при дневном свете – темно-карие, с крапинками. Но самое удивительное – это ее непринужденность, простота и что-то достойное и в то же время трогательное в выражении лица. Внезапное любопытство, желание побольше узнать о ней овладело Полом.

– Расскажите о себе, Лена... о своей семье... доме.

Короткое молчание – и, не сводя глаз с серебристой глади озера между высокими, уже сбросившими листья деревьями, она в немногих словах рассказала ему, что родилась на Восточном побережье, в рыбацком городке Слискейле. Должно быть, ее предки – шведы – много лет назад обосновались там... Отец, овдовевший, когда ей было семь лет, владел, в компании с другими рыбаками, судном, тралившим сельдь, и, следовательно, делил с ними все неудачи этого неблагодарного промысла. Год от года путина становилась хуже, и случалось, что судно приходило назад всего с несколькими десятками килограммов рыбы. Если бы не ферма, небольшая полоска земли на мысу, возвышающемся над Северным морем, им бы туго пришлось. В конце концов и она стала давать так мало доходов, что семья волею-неволей распалась. Когда отец умер, оба брата Лены отправились искать счастья на пшеничных полях Манитобы. Они настолько преуспели, что теперь владеют изрядным и весьма многообещающим участком земли в Канаде. Она же, еще до их отъезда, нашла вполне приличное место и тем самым избавила их от тревог и заботы о ней. В восемнадцать лет уехала в Астбери – морской курорт на двадцать миль восточнее Уортли – и там стала работать на ресепшн в отеле «Герб графства».

Когда Лена закончила свой рассказ, оба довольно долго молчали.

– Итак, вы одна из всей семьи остались здесь? – спросил Пол, и Лена кивнула. – Вам не понравилось в Астбери?

– Почему же, понравилось.

– Но вы уехали?

– Да.

Опять наступила томительная пауза. Он чувствовал, что его собеседница могла бы сказать больше, куда больше, но не сказала.

– И тогда вы поселились у миссис Хэнли?

– Да. – Лена посмотрела на него широко раскрытыми глазами, и он понял, какую глубокую признательность питает она к этой женщине. – Вы не можете себе представить, как она была добра ко мне.

– Миссис Хэнли сдает комнаты?

– Собственно говоря, нет. Но мне она уступила две комнаты наверху. Ее муж часто уходит в плавание – он старший механик на танкере.

Пол удивился, что работе в большом отеле она предпочла бесперспективную службу в дешевом кафетерии. Но это, в конце концов, ее дело. Глаза Лены смотрели по-прежнему открыто и прямо, но Пол почувствовал, что она как-то сникла, переменял разговор и повел ее к оранжерее, где на многоярусных стеллажах, отделенных друг от друга толстыми трубами

парового отопления, в теплом, влажном воздухе цвело неисчислимое множество экзотических цветов.

Когда они осмотрели всю эту прекрасную коллекцию, Пол, у которого она вызвала разве что поверхностное любопытство, был поражен впечатлением, какое цветы произвели на его спутницу. Облачко печали, окутывавшее ее, наконец развеялось. Растроганная до глубины души, Лена неожиданно оживилась и высказывала на редкость тонкие суждения. Она заметила многое, начисто ускользнувшее от его внимания, и если и не знала чего-либо, то возмещала это догадливостью и здравым смыслом.

Восторг ее был неподделен и чужд экзальтации. Когда они стояли в дендрарии перед молодым апельсиновым деревцем, несущим плоды и цветы одновременно, она молча смотрела на него так задумчиво, с таким детским беззащитным восхищением, словно его благоухающая прелесть насквозь пронзила ей душу. Казалось, Лена не в силах расстаться с чудесным деревцем. Пол поднял глаза и заметил слезы, выступившие на ее глазах. Волнение охватило его, и он тоже умолк.

Чай они пили в японской пагоде, приспособленной под ресторан. Там гулял сквозной ветер и было сыро, как в бамбуковой роще. Чай им подали слабый и чуть теплый, а печенье годилось разве что для воробьев, которые, дожидаясь угощения, прыгали у их ног. Но доброе товарищеское чувство развязало им язык, заставило позабыть о скудной трапезе. Лена и вправду была славным товарищем, внимательной слушательницей, готовой заинтересоваться всем, что интересовало его, а из ее разумных замечаний явствовало, что она всегда понимает, о чем он говорит.

– Вы не спрашиваете, почему я служу в «Бонанзе», – неожиданно для себя сказал он после короткой паузы. – Или думаете, что там и есть мое настоящее место?

– Нет, – ответила она, глядя куда-то вниз, и добавила: – На то, вероятно, есть свои причины.

– Да, есть.

Она взглянула на него:

– Что-нибудь неприятное? – (Он кивнул.) – Но я надеюсь, со временем все уладится, – тихо сказала Лена.

Эти простые слова растрогали его. Он смотрел на ее профиль, отчетливо вырисовывавшийся в тусклом сумеречном освещении, на ресницы, бросавшие на щеку нежную тень.

Вскоре они вышли из Ботанического сада и пустились в обратный путь к Уэйр-стрит.

Теперь Лена была еще задумчивее, казалось, в душе она старалась решить какой-то вопрос. Раз или два она взглянула на Пола, словно собираясь заговорить. Но ни слова не слетело с ее губ.

И он тоже молчал, удрученный сознанием, что возвращается к обыденной жизни. У дома миссис Хэнли он остановился и протянул Лене руку.

– Это был чудесный день, – тихо сказала Лена. – Я получила большое удовольствие. Спасибо, что зашли за мной.

Они еще немного постояли. Она несколько раз нерешительно посмотрела на окна. А он старался угадать, пригласит она его зайти или нет. Но она не пригласила. Молчание становилось уже тягостным, а Лена все медлила, испытующе поглядывая на него; дыхание ее стало прерывистым, словно она еле сдерживала внутреннюю потребность о чем-то ему рассказать.

– Пол... – Она впервые назвала его по имени.

– Да?

Она опять на него посмотрела, потом отвернулась. Нервы ее были напряжены до предела, она страдала.

– О нет, ничего.

Что бы ей ни хотелось ему сказать, выговорить это она не смогла. И ограничилась тем, что быстро пробормотала:

– Спокойной ночи.

С этими словами она повернулась и пошла к дому по дорожке, окаймленной зеленой оградой.

Дверь за ней закрылась. Пол постоял еще с минуту, озадаченный досадным концом этого дня, слегка огорченный, смутно взволнованный. Потом зашагал обратно по тихим воскресным улицам.

Вечером, когда он вернулся к себе, на столе у него лежал воскресный «Курьер». Пол зажег газ, умылся и, как всегда, нетерпеливо раскрыл газету.

В первый момент ему показалось, что он опять вытащил пустой номер. Но в конце первого столбца в глаза ему бросилось имя, которое он искал. Оно зывало к нему с печатной полосы. Сердце его забило в неистовой радости, но тут же упало, тяжелое, как свинец, и глаза затуманились.

Заметка была очень краткой:

В палате общин мистер Джордж Берли (Уортли) поднял вопрос о деле некоего Риза Мэтри, в настоящее время отбывающего пожизненное заключение в Стоунхисе. Не очевидно ли, сказал депутат, что новые данные, которые он огласил, требуют пересмотра дела? И далее: не говорит ли сам факт, что Мэтри уже пятнадцать лет находится в заключении, о том, что достаточно он отсидел?

В ответной реплике министр внутренних дел сэр Уолтер Хэмилтон дал отрицательный ответ на оба вопроса. Во-первых, внимательно изучив заявление, представленное уважаемым депутатом на рассмотрение палаты, он не видит оснований для пересмотра нормально протекавшего судебного процесса, а во-вторых, упомянутый Мэтри всем своим поведением в тюрьме и многократными дерзкими отказами в повиновении тюремному начальству потерял право на сокращение срока заключения. Дело это следует считать законченным и более не подлежащим обсуждению.

Пол положил газету на стол. Он не поднял глаза, когда миссис Коппин вошла в комнату, бросила на него быстрый взгляд и положила на поднос заказное письмо. Его только что принес почтальон.

Пол вскрыл конверт, прочитал письмо от начала до конца. Написанное рукой Берли, оно дополняло и подтверждало заметку в «Курьере». Берли сдержал слово и сделал все от него зависящее, но лишь затем, чтобы получить безусловный отказ. Дальнейшие действия, писал он, были бы совершенно бесполезны. Он старался по мере сил смягчить удар и убеждал своего юного друга раз и навсегда выбросить из головы злополучное дело. Это было хорошее письмо, благожелательное и, несомненно, доброе.

Глава 17

На следующее утро Пол, после бессонной ночи, машинально выпил чашку кофе и по грязным, слякотным улицам отправился в «Бонанзу». Там он сразу сел за пианино и стал усердно барабанить пошлые пьески. Молочно-белые лампы, всегда горевшие здесь в пасмурную погоду, слепили его утомленные глаза, и все-таки он заметил букетик ноготков на рояле – пять ярко-желтых цветков в маленькой глиняной вазочке.

У Пола было так горько на душе, что он не ощутил признательности за скромное напоминание о совместной прогулке, не подумал о том, как долго Лена боролась с собой, прежде чем на это решиться. Но когда она принесла ему ланч, все же пробормотал несколько слов благодарности.

Его тон огорчил ее, и прошло некоторое время, прежде чем она принудила себя взглянуть ему в глаза.

– Случилось что-нибудь неприятное?

– Да, – отвечал он сдавленным голосом. – Все рухнуло.

Она не успела ни о чем его расспросить, так как ее позвали в кафетерий. Когда она скрылась из глаз, Пол заметил, что Харрис, вертя в руках зубочистку, искоса на него поглядывает. Затем он приблизился. На лице его было странное выражение – смесь торжества и враждебности, но заговорил он с Полом как ни в чем не бывало:

– Итак, вы с этой милой леди совершили вчера небольшую эскападу?

– Эскападу? – Брови у Пола нахмурились.

– Конечно. Девушки сказали, что вы вместе провели воскресный день. По правде говоря, я был удивлен. – Самодовольная улыбка, вернее, ухмылка мелькнула на его лице. – Мне казалось, что я предупредил вас относительно Андерсен. Разве вы не знаете того, что мы все знаем? – (Пол молчал.) – Не знаете, что у нее был ребенок? Внебрачный, разумеется. Да, маленький ублюдок, глухонемой к тому же, он умер от какого-то припадка, если можно в это поверить. Очень романтическая история. В следующий раз, когда пойдете с ней шататься, порасспросите-ка ее хорошенько. Она, верно, расскажет вам все подробности, покуда вы будете пожимать ей ручки.

Последовала пауза, ухмылка расплылась по физиономии Харриса, он многозначительно кивнул и ушел, напоследок ковырнув в зубах зубочисткой.

Пол сидел не шевелясь, вперив глаза в удаляющуюся спину управляющего. О боже, что за грязная, гнусная скотина! Так вот откуда у Лены эти приступы грусти. Бедная девочка! Не думал он, что с ней могло стрястись такое. Жалость шевельнулась в его сердце, но странно – холодная жалость, и так как-то вышло, что этот холод задул затеплившийся было в нем маленький огонек. Пуританин в Поле, свято чтивший воскресенье, – результат воспитания, которое он получил, – возмущился, вознегодовал при этом открытии. Одно только чувство говорило в нем сейчас: она провела его, обманула своим спокойствием, своей непорочной безмятежностью. Обойти все это молчанием – право же, верх лукавства! Он больше не сможет смотреть ей в глаза. Господи, неужели не будет конца горестям этого дня?!

Вечером, когда он играл последнее танго, обида и горечь волна за волной окатывали его. Бедняга Сванн был прав: надеяться на помощь сильных мира сего бесполезно, он должен всего добиться сам и, честное слово, добьется! Пол стиснул зубы. Нет, он не побежден, он только начал борьбу. И как бы ни велик был риск опять встретиться с Бёрт, сейчас она его единственная надежда. Хотя они и выбили из седла Марка Булию, у них нет оснований расправиться с Бёрт. Вполне возможно, что ее вообще не предостерегали относительно его.

После работы Пол пошел прямо домой, вырвал листок из блокнота, достал конверт и написал:

Дорогая Луиза, я был в отчаянии, что наше свидание не состоялось, но моей вины тут нет. Верю, что Вы меня простите, потому что с тех пор, как я увидел Вас, я думаю о Вас непрерывно. Итак, не можем ли мы встретиться в следующую среду в «Королевском дубе»? Моего друга со мной не будет. Приходите, Луиза, прошу Вас, ровно в семь. Заранее радуюсь встрече с Вами и спешу заверить, что на сей раз не обману Вас, как непреднамеренно обманул тогда. Остаюсь Вашим Полом.

Через два дня пришел ответ:

Дорогой сэр, я-то буду рада с Вами увидаться, только не ходите через сад или еще того хуже – через заднюю дверь. Будьте там, где сговорились, я тоже постараюсь быть. Приду вовремя, как из ружья. С почтением. Л. Б.

Крик радости чуть не вырвался у Пола: Бёрт ни о чем не подозревает, благоприятная возможность не упущена. Он едва дождался среды. Последние сорок восемь часов ему не давала покоя мысль, что запрос Берли сделал его, Пола, еще более подозрительным в глазах местных властей. Сейчас же он с чувством облегчения убедился, что небольшая заметка в «Курьере» касательно его отца прошла в Уортли незамеченной. Но к сожалению, он ошибался.

Глава 18

В то самое утро и в тот самый миг, когда Пол получил письмо Бёрт, человек лет сорока пяти, слегка располневший, но с резкими и немного актерскими чертами лица, покончив с завтраком, стоял у окна маленькой столовой и смотрел на широкую лужайку, пестревшую яркими клумбами и всю обсаженную кустами рододендронов. Из соседней комнаты доносилась болтовня двух его дочерей, которые собирались на выставку пони, устраиваемую школой Святой Винифрид. Время от времени в эту болтовню вставлял какое-то веселое замечание любимый грудной голос, принадлежавший его обожаемой жене Кэтрин. Несмотря на эти приятные свидетельства семейного согласия, на душе у сэра Мэтью Спротта было беспокойно.

Появление горничной, которая принялась неслышно убирать посуду со стола, прервало течение его мыслей. Бросив на нее сердитый взгляд, всегда имевшийся у него в запасе для малых сих, сэр Мэтью вышел в холл. Вся маленькая компания уже собралась там. Его жена, как раз натягивавшая длинные перчатки, выглядела поистине очаровательной в изящной меховой шапочке и горжетке из того же пушистого коричневого меха. Очень милы были и аккуратные девочки в брюках для верховой езды и вельветовых жокейских шапочках, державшие в руках стеки с золотым набалдашником, которые он подарил им на Рождество. Старшей было уже шестнадцать лет – стройная, темноволосая, со спокойными манерами, она очень напоминала мать. Младшей же только минуло двенадцать – приземистой, полной фигурой и ярким румянцем она выдалась в отца.

Лицо сэра Мэтью прояснилось, когда обе девочки повисли у него на шее, упрасывая ехать с ними, а жена, с тихой улыбкой любясь этой сценой, добавила:

– Тебе это будет полезно, милый! Ты совсем заработался в последнее время.

У Кэтрин, стройной и хрупкой, было бледное, чуть удлинненное и на редкость привлекательное лицо. Благодаря изящным чертам и нерасполневшему стану в ее облике и к сорока годам сохранилось что-то девическое, хотя эта бледность и хрупкость свидетельствовали о постоянной борьбе со слабым здоровьем. Ее чистая белая кожа казалась прозрачной. Пальцы у нее были длинные и тонкие.

Глядя на жену с нескрываемым обожанием, Спротт было заколебался и в задумчивости водил указательным пальцем по губам – такая у него была привычка. Но затем смягчил свой отказ шуткой:

– Кто же будет денежки зарабатывать, если я отправлюсь кутить вместе с вами?

Он распахнул перед ними дверь. Закрытая машина стояла у подъезда, и шофер Бэнкс дождался господ. Через минуту они уже сидели в ней, накрыв ноги пледом. Когда лимузин тронулся, Кэтрин повернулась к заднему окну и помахала мужу.

Он медленно и хмуро пошел через библиотеку к себе в кабинет, останавливаясь, чтобы полюбоваться лучшими из своих картин. У него был богатый, просторный дом. В последние десять лет, неизменно руководствуясь врожденным вкусом жены, он делал все возможное, чтобы достичь вершины изысканной роскоши. Он любил свои дорогие, изящные вещи, стулья с вышитыми крестиком сиденьями, обюссоновские ковры, бронзовые статуэтки Родена и Майоля, два пейзажа кисти Констебла. Ведь все это являлось для него несомненным материальным доказательством жизненного успеха.

Он вышел из самых низких, можно даже сказать – презренных слоев общества, из тех, кто меньше чем ничто, как он любил выражаться, и сумел возвыситься над ними только благодаря собственным усилиям. Он рано осиротел. И его растила тетка – изможденная женщина в шали и деревянных башмаках, вечно покрытая угольной пылью: она занималась сортировкой угля, выданного на-гора маленькой шахтой в оскудевшем районе Гэдсхилл, неподалеку от Ноттингема. С самого детства, несмотря на тяжелое окружение, на жизнь в убогой комнатухе на улице, населенной шахтерами, несмотря на пинки и оплеухи, так и сыпавшиеся на него, Мэтью Спротт был одержим одним желанием – добиться успеха. Девиз «Преуспеть, преуспеть и еще раз преуспеть» был начертан в его сердце немеркнущими буквами.

Как это часто бывает при становлении характера человека, вышедшего из низов и поднявшегося до высоких ступеней общества, в начале жизни его лихорадочное рвение вступило в союз со счастливым случаем. Он был умным парнем, и школьный учитель, горячо любивший классиков, по ночам бесплатно занимался с ним. В четырнадцать лет, вместо того чтобы пойти работать на шахту, Мэтью удрал в Уортли и сделался рассыльным, а потом и клерком в юридической конторе при фирме «Бумага и канцелярские принадлежности. Марсден и К^о». Здесь ему суждено было впервые заглянуть в механику судопроизводства. Пораженный этим внушительным зрелищем, он с тех пор все свободное время отдавал учению, и наконец ему представился случай поступить младшим клерком в контору старого Томаса Хейли, известного в графстве адвоката.

Спротт избрал своей специальностью право не в силу душевной склонности и не потому, что видел в нем свое призвание. Нет, он понял, что этим путем легче всего прийти к власти. «Преуспеть, преуспеть и еще раз преуспеть» – этот девиз, как бешено вертящееся колесо, мелькал в его мозгу. Он поставил себе задачей сделаться незаменимым для своего старого патрона. При этом он, конечно, отнюдь не намеревался всю жизнь торчать простым помощником в конторе Хейли и к концу пятого года службы, сдав экзамен в корпорацию адвокатов, ушел из конторы и начал самостоятельную жизнь, бросив на произвол судьбы своего немощного патрона, давно уже не умевшего без него обходиться.

Он стал поверенным – увы! – с правом выступать только в низших судебных инстанциях, но как-никак первый шаг к желанной цели был сделан. С примерным рвением выполняя свои обязанности, он потихоньку продолжал изучать обычное и государственное право. Позднее, накопив путем мелочной экономии сумму, необходимую для вступительного взноса, он подал прошение об изъятии его из списка поверенных, вступил в Лондонское общество адвокатов и наконец получил право адвокатской практики. Он не был слеп относительно того, какую трудную задачу поставил перед собой. Не имея ни денег, ни связей, он, адвокат без практики, долгие месяцы околачивался в кулуарах судов. Позднее ему предложили читать лекции в одной из корпораций, готовящей адвокатов. Он согласился, так как это был трамплин, дававший ему возможность стать полезным для власти имущих. Мало-помалу он прослыл человеком недюжинного ума и огромной трудоспособности, а также крупным специалистом по уголовному праву. Вдобавок он был хорошим оратором, его блестящее остроумие могло разить или потешать – в зависимости от обстоятельств, но главной его силой – здесь он был истинным гением – являлось умение играть на чувствах присяжных. В 1910 году, когда были объявлены выборы в парламент, он встал под знамена местного кандидата Консервативной партии, сэра Генри Лонгдена, готовый беззаветно ему служить и день и ночь прославлять его с трибуны. Лонгден был избран и незамедлительно отблагодарил Спротта. Дела теперь сами потекли к нему в руки, и он все чаще и чаще выступал в суде Уортли в качестве обвинителя.

По возвращении в родные края Спротт, несмотря на скромные доходы, сделался весьма влиятельной персоной. Пять лет не покладая рук трудился он в Уортли, внушая страх и ненависть тамошнему уголовному миру, кстати сказать довольно многочисленному. Он всегда усердно обхаживал людей, которые были ему нужны, и, уж конечно, по мере надобности умел

быть милейшим человеком. Но все его старания оказывались тщетны: вперед он больше не продвигался. За это время он успел жениться, и жене нередко приходилось удерживать его от приступов отчаяния. «Преуспеть, преуспеть и еще раз преуспеть» – неужели это останется несбыточной мечтой?

И вот, когда он уже считал себя обреченным на захолустное прозябание, неожиданно-негаданно представился счастливый случай. Дело об убийстве, возбудившее широкий интерес, было назначено к слушанию в выездной сессии суда, а накануне разбирательства известный прокурор, которому было поручено обвинение, внезапно и тяжело заболел. Вместо того чтобы отложить это дело, решено было передать функции обвинителя Спротту, так как его более именитые и очень занятые коллеги просто не успели бы разобраться в этой запутанной истории.

То был поворотный пункт в его карьере. Ликующий внутренний голос нашептывал ему: «Преуспеть... преуспеть и еще раз... Вот наконец твой счастливый случай». И, недолго думая, он ухватился за него и стал обвинителем Риза Мэтри. В его намерения входило привлечь всеобщее внимание к своим достоинствам, ошеломить, подавить всех и вся блеском ораторского таланта и во что бы то ни стало добиться обвинительного приговора. И он добился.

Не прошло и восьми месяцев, как его уже назначили мировым судьей по уголовным делам. Не расставаясь до поры до времени со своим провинциальным домом – это было возможно, так как между Уортли и Лондоном курсировал отличный экспресс, – он сделался членом адвокатской корпорации в Темпле. Отчасти в силу его большого опыта, отчасти же из-за поистине удивительного судебного красноречия его стали все чаще и чаще назначать государственным обвинителем в больших процессах, и он так отличился в этой роли, что в 1933 году был пожалован дворянской грамотой. В сорок пять лет, все еще полный энергии (успех только сильнее разжег его честолюбие), он был уверен, что ему предназначено взлететь еще выше. Верность родному Уортли принесла свои плоды: его упростили баллотироваться на предстоящих выборах в качестве кандидата от Консервативной партии с большими шансами на успех против Джорджа Берли. А ведь стоит только быть избранным в парламент – и до поста генерального прокурора рукой подать. С годами, кто знает, разве не может он сделаться лорд-канцлером и наконец добраться до высочайшей вершины – стать премьер-министром?

В такой битве за возвышение, конечно, приходится быть беспощадным. Спротт не строил себе никаких иллюзий относительно свойств, потребных для успеха: жизнь – это неумолимая борьба, и выжить дано только сильнейшему. С тех пор как он познал власть, взгляд его стал тяжелым и хмурым, речь обжигала, словно удар кнута. Стремясь любой ценой втереться в высокие политические сферы, он до тонкости изучил науку, как избавиться от человека, некогда оказавшего ему услугу, или с отсутствующим видом пройти мимо того, кому сам он некогда льстил, за кем увивался. Но превыше всего Спротт ставил свой дар идти на голову впереди соперников, он постоянно подчеркивал свою одаренность, стремился всех ослепить блеском своих талантов.

Разумеется, он нажил себе немало врагов и не заблуждался относительно репутации, которая у него постепенно сложилась. Его честили приспособленцем и низкопробным подхалимом, утверждали, что, карабкаясь вверх по социальной лестнице, он, не колеблясь, ставит ногу на лицо человека, в данный момент стоящего ступенькой ниже. Обвиняли в вопиющей несправедливости по отношению к целому ряду людей. А главное, давно уже шел шепоток, что при исполнении прокурорских обязанностей он во зло употребляет свой ораторский талант, оказывая нежелательное давление на присяжных.

Сейчас, безостановочно шагая по своему кабинету, Спротт мрачнел все больше и больше. Наконец ему стала ясна причина его душевного смятения. Да, вопрос, так внезапно поднятый в палате общин, досадил ему сверх меры. Конечно, Джордж Берли – дурак, и лидер либералов сумел-таки его осадить. Более того, министр внутренних дел немедленно и со всей решительностью пресек разговоры об этом злополучном деле. И тем не менее история получилась

в высшей степени неприятная. В узком кругу о ней уже успели немало посудачить, даже его дорогая жена кое-что прослышала и на следующий вечер, когда они остались вдвоем, исподволь приступила к нему с расспросами.

Спротт, хотя и не любил ругаться, не выдержал и про себя чертыхнулся. Его единственным бескорыстным чувством была любовь к семье и прежде всего к жене. Она не принесла с собой в приданое ни денег, ни положения в свете, так как была всего-навсего дочерью местного врача, и, женившись на ней по любви, он изменил своим принципам поведения. Но ее успокоительная близость, ее постоянное ободряющее восхищение и заразительно-ласковый нрав старшей его за это вознаградили. Друзей у него никогда не было, и сознание, что они любят друг друга, что она всегда рядом, не раз поддерживало его в трудные минуты. Мучительная мысль, что он может, хотя бы до некоторой степени, пасть в ее глазах, заставила его принять решение.

Он снял телефонную трубку и велел соединить себя с Главным управлением полиции Уортли.

Глава 19

Начальник полиции Дейл немедленно откликнулся на вызов и уже через десять минут, облачившись в пышный, отделанный серебром мундир, двинулся через парк по направлению к Гроув-Квэдрант.

Прогулку пешком он предпочитал езде на казенной машине. Знаки почтения, оказываемые ему, когда он шел по улицам, и то, как проворно отдавали ему честь его полисмены, уважительные взгляды прохожих, суета, которая поднялась в парке, едва только подметальщики завидели его внушительную фигуру, как всегда, преисполнили его чувством мрачного удовлетворения.

У Спротта пожилая горничная в темно-лиловом форменном платье провела его в небольшой кабинет направо от холла и тихим голосом, характерным для слуг, давно живущих в доме, объявила, что сэр Мэтью сейчас выйдет к нему. В ответ Дейл сухо кивнул. Он отлично знал, что его заставят дожидаться, и ему это было не по вкусу. Он поудобнее уселся в кожаном кресле, положил портфель на колени и стал разглядывать комнату – деревянные некрашеные панели, толстые ковры на полу, длинные ряды книг с изящным тиснением на переплетах. Не без горечи он подумал, что мог бы, пожалуй, жить не хуже, будь у него образование. А так гордость приходилось прятать подальше: не положено ссориться со своим хлебодателем.

– А, вот и вы, Дейл! – Спротт протянул ему свою теплую руку; на лице ни следа досады и огорчения, недавно терзавших его. – Не хотите ли чем-нибудь подкрепиться?

– Нет, благодарю вас, сэр Мэтью.

Спротт сел:

– Надеюсь, у вас все в порядке.

– В полном порядке.

– И отлично. – Сэр Мэтью помолчал, водя пальцем по губам. – Дейл... обратили вы внимание на эту дурацкую историю в палате... касательно дела Мэтри?

Дейл был поражен, но и виду не подал.

– Обратил, сэр Мэтью.

– Ерунда, разумеется, грязная политическая возня. Тем не менее... – Спротт покачал головой. – Сейчас надо быть начеку, чтобы эта грязь на нас не налипла.

Дейл медленно вертел форменную фуражку в огромных руках, надо сказать, не без растерянности.

Спротт задумчиво продолжил:

– Этот юный сумасброд... я имею в виду сына... этого, как его... Мэтри... он все еще в городе?

Дейл сидел, опустив глаза, и внимательно рассматривал свой башмак на толстой подошве.

– Да, он еще здесь. С некоторых пор мы установили за ним слежку.

– Так, – отозвался Спротт. – Это, видно, беспокойный малый. Он – вы понимаете, что я хочу сказать, – из тех, что по пятам за вами гоняются, в любой час стараются к вам проникнуть и суют вам в руки составленные по всей форме петиции... Чудак... Только и знает, что жаловаться. Как будто мы к этому не привыкли. – Воцарилось напряженное молчание, затем Спротт, задумчиво постукивая пальцем по передним зубам, добавил: – Но спрашивается... что нам с ним делать?

С минуту начальник полиции сидел, прикусив язык. Теперь он уразумел, зачем сэр Мэтью звонил ему, и странное чувство нерешительности, сдобренное известным злорадством, овладело им. Наконец он счел за благо поднять глаза.

– Вы хотите возбудить против него обвинение?

– Ни в коем случае! – возмутился Спротт. – Этот молодой человек введен в заблуждение, но не думаю, чтобы он был преступником. А кроме того, мы должны быть милосердны, Дейл. «Милосердие дважды благословенно. Как живительная роса, упадает оно на долины». Надеюсь, я правильно цитирую. – Он в упор поглядел на начальника полиции. – Так или иначе, но хорошо бы склонить нашего заблудшего друга покинуть Уортли.

– Я уже сказал ему, чтобы он сматывался.

– Слова, дорогой мой Адам, как мне известно по горькому опыту, мало что значат. Тем не менее я не даю вам советов. Хотелось бы только, чтобы вы сочли возможным, конечно по собственному благоусмотрению, образумить этого молодого человека. – Спротт поднялся и, стоя спиной к камину, внушительно проговорил: – Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли, Дейл. Я взял на себя труд, несмотря на свою чрезмерную занятость, просмотреть все протоколы по делу Мэтри.

«Эге...» – подумал Дейл, ощущая все ту же непонятную внутреннюю дрожь.

– Нам не в чем упрекнуть себя, абсолютно не в чем. Все было утверждено авторитетнейшими инстанциями. И тем не менее в этой истории таится известная опасность. В настоящее время, когда через несколько месяцев предстоят выборы всеобщие и местные, малейшее предположение, пусть стократ неосновательное, что здесь имела место судебная ошибка, может стать роковым для всех, причастных к этому делу. Вы знаете, что я баллотируюсь в парламент от консерваторов и надеюсь, с немалыми шансами на успех. Но сейчас мной руководят не эгоистические соображения. Я думаю не только о своем и вашем будущем... Впечатление, которое это произведет при данной конъюнктуре, и особенно если эту дьявольскую штуку раздуют в скандал другие партии, подорвет доверие к системе правосудия, а заодно и к правительству. Вот почему я считаю совершенно необходимым замять это идиотское дело.

Спротт замолчал, снова устремил на начальника полиции пристальный, проникновенный взгляд и протянул руку, давая понять, что аудиенция окончена. Когда Дейл вышел на улицу, животрепещущий вопрос уже не стоял перед ним. Мысль, его мучившая, как-то преобразовалась, приняла вполне определенную форму и, как шип, вонзилась в его от природы честное сердце.

Ничем не выдавая своих чувств, он упрямо бормотал себе под нос:

– Неужели? Неужели? Нет... Ничего тут быть не может.

Но собственный голос как-то уж очень вяло отдавался в его ушах, и, вновь обретя враждебную воинственность, он тем не менее решил действовать не так круто, как того требовал Спротт. Он будет следить за молодым Мэтри, но не тронет его, покуда тот не преступит закон.

Глава 20

Настала ночь со вторника на среду, промозглая, темная, с холодным, густо моросившим дождем. Душевное и физическое напряжение, владевшее Полом, когда он отправился в Порлок-Хилл, сообщило его походке обманчивое спокойствие. Возле паба «Королевский дуб» он оказался вскоре после семи. Внимательно осмотрев местность вокруг, он перешел улицу и заглянул через незанавешенное окно в зал. Все, видимо, было в порядке. Пол рванул дверь, направился к столику, который обычно занимала Бёрт, уселся и обвел глазами зал. Он был полон разве что наполовину: две девушки, видимо горничные, болтали и хихикали со своими кавалерами, супружеская пара средних лет в чинном молчании пила пиво, два старых извозчика сражались в домино, окруженные болельщиками, какой-то большеголовый мужчина, смахивавший на лакея, сидел, углубившись в розовый спортивный листок. Пол решил, что ему нечего опасаться. Никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Он не спускал глаз с двери и вскоре увидел Луизу, которая шла прямо к нему. Он вскочил и в знак приветствия протянул к ней обе руки:

– Луиза! Как я рад вновь видеть вас!

Она одарила Пола сдержанной улыбкой, слегка, точно заправская леди, пожала его руку своими затянутыми в перчатку пальцами и, жеманясь, села за стол. Ему бросилось в глаза, что она намазана сильнее, чем в первый раз; ее шею обвивала ниточка голубых стеклянных бус; из-под браслета с брелочком торчал вышитый, сильно надушенный платочек.

– Мне не следовало приходить сюда, – с упреком проговорила она, – после того как вы меня надули. Наверное, отправились гулять с другой молодой леди.

– Нет, конечно нет! – запротестовал он. – Кроме вас, меня никто не интересует.

– Разговорчики! Мужчины все на один манер. – Она взбила волосы над ушами и по-приятельски кивнула официанту. – Как обычно, Джек.

Пол нагнулся к ней:

– Беда в том, что я говорю серьезно. – Он выдавил восхищенную улыбку. – Вы сегодня прелесть как хороши!

– А ну вас! – Польщенная, она перестала дуться и, состроив лукавую гримаску, отхлебнула джина, затем искоса посмотрела на Пола. – Думаете, я не знаю, чего вам надо. Только я девушка порядочная.

– Потому меня и влечет к вам.

– Легче на поворотах! Я не какая-нибудь недотрога, хотя и благородная барышня. Раз парень мне по душе, я куда хочешь с ним пойду. Если, конечно, он не покусится. А у тебя как насчет постоянного заработка?

– Все в порядке, можешь не сомневаться. И ты ведь знаешь, как ты мне нравишься. – Под столом он прижался коленями к ее ногам.

– Что ж! – Она вдруг захихикала. – Немножко пошалить не так уж и плохо. Я знаю местечко, куда можно смотаться. Гостиница шикарная, конечно. Нам дадут большую комнату. Только не на всю ночь, ты уж на меня не пеняй. Мне надо быть дома в одиннадцать.

– Хорошо, – согласился он. – Кстати, я надеюсь, тебе не очень трудно было прийти сюда?

Она насторожилась:

– Почему ты спрашиваешь?

– Да ты же сама... в письме советовала мне соблюдать осторожность.

– Верно... советовала. – Она откинулась на спинку стула и отпила из стакана. – Мой хозяин... Знаешь, мистер Освальд шепетильничает насчет некоторых дел. Очень он принципиальный. Ты, наверное, о нем слышал? Чуть ли не первый благотворитель в Уортли. Что ни год, жертвует кучу денег на больницы, а зимой ставит киоски, где бедняков поят кофе... за

так... Они это называют «Столовка Серебряного Короля». Он мужчина неплохой, хотя и строгий. И со мной всегда обращается как с леди, иначе я бы у них и не осталась.

– Значит, ты уже давно там живешь?

Бёрт самодовольно кивнула:

– Мне едва восемнадцать стукнуло, когда они меня к себе взяли. Не веришь? – спросила она с лукавым видом, положив ногу на ногу и оправляя юбку.

– Верю, конечно! – «Насчет возраста она подвирает», – подумал он. – Ты выглядишь так молодо.

– Правда?

– Меня удивляет, что ты не вышла замуж.

Польщеная, она самодовольно ухмыльнулась:

– И Освальды меня уговаривают. Ей-богу, факт! Все время твердят, как бы хорошо было, если бы я обзавелась семьей. Прочат меня за Фрэнка, ихнего рассыльного, или за Джо Дэвиса, торговца молоком. Оба – люди, конечно, солидные, только уже на шестом десятке. Можешь себе представить меня рядом с ними? Что ж, когда-нибудь, может, и соглашусь, кто знает? Но сейчас поди-ка излови меня. Мне еще охота повеселиться. Ты меня осуждаешь?

– Нет-нет, – поспешил заверить Пол, пожимая ей руку.

Все, видимо, было именно так, как он предполагал. Сердобольные Освальды подобрали несчастную заблудшую девушку, сделали все от них зависящее, чтобы направить ее на путь истинный, даже подыскали ей добропорядочного, положительного жениха. И тем не менее глубокий надрыв гнезился в ее душе, горькая обида на жизнь. И вдруг Пол догадался, как обратиться это в свою пользу и наконец доискаться того, что он искал. Подавляя охватившее его волнение, он пробормотал:

– Как все это странно! Такая красивая девушка достойна лучшей участи.

– Верно, – угрюмо согласилась она. – Я бы сроду не пошла в экономки, не стала бы вести хозяйство, если бы меня не уговорили. – При этих словах ее самодовольство исчезло, и от жалости к себе глаза наполнились слезами. – Что правда, то правда, миленок. Плохая мне досталась доля, и это после всего, через что я прошла.

Он притворился, что не понял ее.

– Ну можно ли жестоко обойтись с такой милой девушкой!

– Это ты так думаешь! А все оттого, что я сделала доброе дело, даже благородное.

Стараясь обуздать свое волнение, Пол сочувственно заметил:

– Люди часто страдают за добрые дела.

– Ты в самую точку попал. Ох, сначала-то все шло хорошо. Я во всех газетах красовалась, фотографии и так далее... на первой странице... Точно королева какая.

Луиза искоса на него посмотрела, как бы проверяя действие своих слов. Пол же рассмеялся с нарочитой недоверчивостью. Она немедленно отозвалась:

– Так я, по-твоему, вру? А? Сразу видать, что ты не знаешь, с кем разговариваешь. А тебе очень интересно было бы узнать, что когда-то... – Она прикусила язык.

– Я сразу понял, что ты шутишь. – Пол с улыбкой покачал головой.

Она побагровела, оглянулась через плечо и, пригнув голову чуть ли не к самому столику, прошептала:

– Это, по-твоему, шутка – подвести человека чуть не под виселицу?

– Нет, конечно нет! – воскликнул Пол, пораженный и обрадованный. – Но только ты этого не сделала.

Луиза медленно склонила голову и залпом осушила вторую порцию джина:

– Именно это я и сделала.

– Речь шла об убийстве?

Она опять кивнула, с гордостью даже, и протянула стакан бармену, чтобы он снова налил.

– Если бы не ваша покорная слуга, они бы никогда до него не добрались. Я была гвоздем программы.

– Ну и ну! – восхищался Пол. – Никогда бы не подумал...

– Вот тебе и урок. – Луиза грелась в лучах его неприкрытой лесты. – Теперь будешь знать, с какой леди ты тут сидишь. А я могла бы удивить тебя еще куда больше.

– Что ж, я слушаю.

Она бросила на него лукавый и нежный взгляд:

– Хорошо уж, скажу, господин Хочу Все Знать: ты мне что-то приглянулся... Может, оттого, что вид у тебя джентльменский. И потом, столько прошло времени... Теперь уже никому от этого вреда не будет. Ладно, чокнемся: ваше здоровье и – благополучие... Так вот, у вашей покорной слуги за пазухой припрятано кое-что интересенькое... Ну, например... Слышал ты когда-нибудь о такой штуке, как зеленый велосипед?

– Зеленый велосипед?

– Да-да, милоч. Ярко-зеленый. – Она захихикала. – Зеленый, как травка.

– Я и не знал, что такие бывают.

– Вот так все они говорили на суде. Смеялись, когда какой-то старикашка божился, что видел человека на зеленом велосипеде. Но я бы им спеси поубавила. Я много чего знала, когда была девчонкой... потому что только и делала, что околачивалась на улице. Знала и насчет зеленых велосипедов.

Луиза задумалась, а Пол скептически рассмеялся:

– По-моему, ты все это выдумываешь.

– Что?! – Кровь бросилась ей в лицо от негодования. – Врунней я не была и не буду. Как раз в то время в Элдоне имелся клуб велосипедистов. Члены его называли себя кузнечиками. Для форсу, да еще чтобы это название оправдать, они и постановили все свои велосипеды красить в ярко-зеленый цвет.

– Кузнечики? – переспросил Пол с напускным безразличием. – Значит, человек, которому принадлежал тот велосипед, был членом клуба?

– Ясно. Да и еще был немножко франтом, – ответила Бёрт с понимающим кивком. – У этих вкусы были прихотливые... и кошельки тоже... Они у них были из человеческой кожи. Ты, я вижу, поражен?

Пол отчаянно старался скрыть степень своей заинтересованности. Он знаком попросил бармена снова налить Луизе.

– Конечно поражен.

– Ну а теперь я тебя спрошу, парень: у кого, скажи на милость, мог быть такой кошелек?

– У сумасшедшего!

– Иди ты! А как насчет студента-медика, который вскрывает трупы для анатомии?

– Бог мой! – воскликнул Пол.

Ему и не снился такой вывод, но сейчас он вдруг понял, что иного и нельзя было сделать. В Университете Квинс, вдруг вспомнилось ему, несколько наглецов-студентов частенько приносили куски эпидермы из анатомического театра, дубили их и делали различные сувениры.

Наступило напряженное молчание. Пол попросту не в состоянии был говорить. В восторге оттого, что ее рассказ произвел такое впечатление, Бёрт хихикнула и глотнула джина. Она уже слегка покачивалась на своем стуле.

– Если я захочу, у тебя волосы встанут дыбом. Например, вот... парень, который угодил к ним в западню, был женат. И все девчонки, которые служили в цветочном магазине, куда он иногда заглядывал, знали об этом, включая Мону. Мона – это молодая женщина, которую потом убили. Я о ней все знаю и скажу тебе наверняка: никогда бы она не связалась с женатым мужчиной. Слишком была себе на уме и очень гналась за хорошей партией... Короче говоря, мужчина, с которым она путалась и который ее втянул в эту беду... был холостяк. Вдобавок

она была, извини за выражение, брюхата – добрых четыре месяца. А парень, которого они закатали, знал ее каких-нибудь шесть недель. И уж конечно, ни сном ни духом не был виноват в ее положении. Того, что они ему в вину поставили, вовсе и быть не могло.

Пол закрыл глаза рукой, чтобы не выдать чувств, сотрясавших его. Хриплым голосом он пробормотал:

– Почему же, почему это не вышло наружу?

Бёрт расхохоталась:

– Меня не спрашивай. Спрашивай тех, кто этим делом верховодил. Был там один судейский, так он всех их обкрутил, от мала до велика...

Каждое ее слово указывало на этого человека – Спротта. Пока еще оставаясь в стороне, невидимый, он был вездесущ, был главным персонажем дела, силой, которая безжалостно бросила отца Пола в Стоунхис, в могилу для тех, кто еще не умер. Впервые в жизни Пол познал ненависть. Страшный, жгучий вопрос уже готов был слететь с его языка, когда он придвинулся к Луизе.

Но в это самое мгновение с ней произошла удивительная перемена. Ее пухлые щеки стали изжелта-серыми, в глазах отразился панический страх.

– Извини, пожалуйста, – пробормотала она, запинаясь. – У меня вдруг закружилась голова.

– Выпей еще, – предложил Пол. – Я велю подать.

– Нет... Фу... как глупо... Мне надо выйти.

– Нет-нет... давай еще повременим.

– Мне надо идти.

Пол в растерянности закусил губу. С ума можно сойти! Сейчас, когда он уже подвел Бёрт к основному, самому важному признанию, разговор прерывается таким дурацким образом. Будь что будет, а ему нельзя от нее отстать. Подавшись вперед, он тихо спросил:

– В чем дело?

– Шпик.

Пол через плечо посмотрел на человека с тяжелым лицом за соседним столиком. Подознательно он все время ощущал присутствие этого типа в темном костюме, увлеченного чтением беговых новостей. За последние двадцать минут он ни разу даже не перевернул сложенную вдвое розовую газетку, наполовину закрывавшую его неподвижное лицо. Но сейчас он потихоньку положил ее на стол и оказался сержантом Джаппом. Пол овладел собой и снова повернулся к Бёрт:

– Я пойду с вами. Здесь и вправду жарковато. Глоток свежего воздуха – и вы почувствуете себя лучше.

Прежде чем Луиза успела возразить, он подозвал официанта и расплатился. Волнуясь и бросая вороватые взгляды на соседний столик, она собрала свои вещи и надела пальто. Они встали. В то же мгновение встал и сержант Джапп. Ни на кого не глядя, он сунул в карман сложенный розовый листок и, опередив их, вышел из бара.

Каждый нерв в Поле натянулся как струна. Сейчас, когда он выйдет с Бёрт на улицу, не ляжет ли чья-нибудь рука на его плечо, не потащат ли его снова в полицию, припаяв ему какое-нибудь высосанное из пальца обвинение? О нет, он этого не потерпит. Он впился взглядом в темноту. Вот полицейский стоит посреди улицы, ждет чего-то, не сводя глаз с двери. Схватив под руку обессилевшую Бёрт, Пол двинулся с ней вперед.

– Одну минуту!

Пол обернулся и увидел сержанта, подходившего к ним с ничего не выражающим лицом.

– Я давно наблюдаю за вами. Вы пристаёте к этой молодой особе.

– Ложь!

– Так ли? – Сержант обратился к Бёрт: – Скажите, этот парень не преследует вас?

Пауза. Бёрт выпускает тяжелый вздох и визжит:

– Да! Да!.. Он меня просил пойти с ним... ну и так далее... а я не соглашалась.

– Отлично! Марш отсюда, живо!

Бёрт пустилась наутек, а Джапп укоризненно взглянул на Пола:

– Вот видите! Теперь слушайте меня, Мэтри: арестовывать я вас не собираюсь. Но вы получили второе предупреждение. Надеюсь, у вас хватит ума это учесть.

Вместо облегчения Пол ощутил прилив бешеной ярости. Это снисхождение снести было труднее, чем явную несправедливость. Он не стал ждать. Бежать следом за Бёрт уже не имело смысла. Часто дыша, он пошел в темноту и скрылся за углом.

Миновав три довольно тихих перекрестка, Пол переулками вышел на оживленную деловую Мерион-стрит. Здесь он сбавил шаг и смешался с людским потоком, который лился по широким тротуарам в направлении моста и центра города. Толпа состояла преимущественно из женщин; поодиночке или парами, взявшись под руки, они не спеша прогуливались по бульвару, обсаженному пыльными деревьями, и, освещенные голубоватым светом высоких электрических фонарей, бросали призывные взгляды на мужчин.

По мере того как он продвигался вперед, до боли стиснув зубы и осторожно втягивая воздух, ярость его все возрастала. Сейчас он избежал опасности, но контакт с Бёрт безнадежно оборван. Никогда ей не забыть этого испуга. Проклятия срывались с его губ. Сознание, что за ним шпионят, непрестанно ему угрожают, на каждом шагу чинят препятствия, разжигало огонь, тлевший в его груди.

Добравшись наконец до Пул-стрит, он разделся и, смертельно усталый, повалился в постель. Придут ли они сюда искать его? Скорее всего, нет. Что было, то прошло. Конечно, они не преминут зачесть ему сегодняшний случай, но вряд ли решатся его использовать как предлог для ареста. Он сам не знал, прав он или не прав, только ему казалось, что полиция задалась целью напугать его и выжить из Уортли. Но если даже они и придут, ему наплевать. Пол закрыл глаза и тотчас погрузился в тяжелый сон.

Глава 21

Проснувшись на следующее утро, он ясно понял, что дал ему вчерашний вечер. Хотя его беседа с Бёрт и была прервана, ему все же удалось выпытать у нее ряд фактов, из которых наиболее существенным было то, что касалось зеленого велосипеда и кошелька из человеческой кожи. Основательно поразмыслив, Пол решил: если владелец кошелька был студентом-медиком, то теперь он почти наверняка уже доктор. Просмотрев медицинский справочник и старый список членов Клуба кузнечиков, можно, пожалуй, будет установить его личность.

Пришпоренный новой надеждой, Пол вскочил с постели. Был уже девятый час, а значит, он встал на пятнадцать минут позже обычного. Он побрился, оделся, наскоро проглотил завтрак и помчался на работу. Харрис дожидался его у дверей. Странно, он никогда не приходил в «Бонанзу» раньше десяти.

– Вы опоздали. – Харрис шагнул вперед и загородил ему дорогу.

Пол взглянул на большие часы в глубине помещения. Они показывали шесть минут десятого. Покупателей еще не было, только продавцы, и почти все они, включая Лену, не сводили глаз с управляющего. Лена казалась очень расстроенной.

– Прошу прощения, – пробормотал Пол. – Я сегодня проспал.

– Никаких объяснений! – Харрис явно старался распалить себя. – Есть у вас какое-нибудь оправдание?

– Оправдание? – Пол удивленно посмотрел на управляющего. – Я опоздал всего на шесть минут.

– Я спрашиваю: есть у вас оправдание?

– Нет.

– В таком случае вы уволены. Мы не нуждаемся в людях, которыми интересуется полиция.

Не дав Полу и слова сказать, он повернулся и пошел к себе в кабинет. Продавцы засуетились у прилавков, все, кроме Лены: она стояла у своей стойки, бледная и растерянная.

Оскорбленный до глубины души, Пол вышел из «Бонанзы». Когда он шел по Уэйр-стрит, ему показалось, что за ним следят.

Сначала, обуреваемый негодованием, он бесцельно мчался по оживленным деловым кварталам города, смешиваясь с толпой, наводнявшей тротуары. Но постепенно пыл его остыл и он успокоился. Освободившись от тирании ненавистного пианино, он сможет наконец-то продумать и проанализировать все, что узнал вчера вечером.

Он вошел в телефонную будку и через справочное бюро узнал, что Национальный союз велосипедистов помещается на Леонард-сквер, шестьдесят два. Через десять минут он уже отыскал это здание и под позолоченным изображением крылатого колеса прошел к столу справок в увешанном географическими картами помещении.

Секретарь, женщина средних лет, без особого удивления отнеслась к его запросу и, взяв с полки справочник, привычной рукой стала листать его. Но ее поиски оказались напрасными.

– Нет, такой клуб у нас не числится. Может быть, он не был официально зарегистрирован.

– Не знаю, – признался Пол. – Кроме того, возможно, он больше не существует. Но я должен все узнать о нем. Прошу вас, помогите мне! Это очень важно.

Наступила пауза.

– У меня самой нет времени, – сказала она. – Но если это так важно, я могу дать вам наши старые книги. Там-то он уж должен значиться.

Она провела Пола в маленькую комнатку по соседству и показала на полку, сплошь уставленную конторскими книгами с зелеными и желтыми картонными корешками. Оставшись один, Пол перелистал все справочники и годовые отчеты за двадцать лет. На эти дотошные поиски у него ушло добрых три часа. О Клубе кузнечиков нигде не было ни слова.

Разочарованный, но по-прежнему полный решимости, он мобилизовал всю свою способность к логическому мышлению и сделал вывод, что если такой клуб действительно существовал, то его члены, несомненно, приобретали свои велосипеды в каком-нибудь здешнем магазине. Поспешно выйдя из Национального союза велосипедистов, он предпринял систематический обход всех магазинов города, торгующих велосипедами. Но всякий раз его ждало разочарование: он наткнулся лишь на полное неведение, равнодушие, насмешку, а кое-где и на грубую брань. Никто и слыхом не слыхивал о клубе, который он разыскивал, некоторые же подозревали, что он попросту их разыгрывает. Поначалу, находясь в возбуждении, он полагал, что стоит разыскать члена старого велосипедного клуба, который в то время был студентом-медиком, – и его задача выполнена. Теперь же, окончательно пав духом, он говорил себе, что вся эта история – миф, плод извращенной и больной фантазии Бёрт.

В четыре часа пополудни, изрядно приунывший и усталый, он добрался до Элдона в поисках последнего магазина, значившегося в его списке, который на проверку оказался небольшим гаражом, принадлежавшим некоему Дведу Стивенсу. Собственно, это заведение было чем-то вроде заправочной станции, только чуть побольше, с двумя ручными бензонасосами, но во дворе за сараем он заметил несколько подержанных велосипедов, выставленных то ли на продажу, то ли напрокат. Все это выглядело отнюдь не обнадеживающе. С минуту Пол стоял, не зная, что предпринять, но потом все-таки решился и подошел к человеку в рабочем комбинезоне, который поливал из шланга бетонированную площадку.

Теперь Пол уже задавал вопросы без обиняков, как-то даже повелительно. Ожидая ответа, не менее резкого, он вдруг с удивлением заметил внимательное выражение на лице

хозяина гаража. Тот ответил не сразу – сначала закрыл водопроводный кран, потом задумчиво посмотрел в глаза Полу.

– Кузнечики... – повторил он. – Надо подумать, что-то такое я слышал от отца.

– Правда?

– Да-да, в то время у нас была только продажа велосипедов. Гараж я устроил здесь уже после его смерти. Он как будто чинил велосипеды для членов этого клуба. Они пользовались велосипедами с передачей Стреми – Арчера, выкрашенными в зеленый цвет.

– В таком случае вам, наверное, известно, кто были члены этого клуба.

– Мне – нет. – Хозяин улыбнулся. – Я тогда был еще мальчишкой.

– Но ваш отец, вероятно, сохранил... какие-нибудь документы... расписки... адресную книгу... хоть что-то.

– На него это непохоже. «Деньги на стол!» – вот был его девиз!

– Но возможно, у него имелся список членов... протоколы... отчеты о заседаниях...

– Сомневаюсь. Насколько я понимаю, это была какая-то неофициальная затея, дань моде, так сказать. Просто молодые люди хотели поразвлечься... И все это продолжалось недолго.

Оба замолчали. Пол, на крыльях надежды вознесшийся было в заоблачные выси только для того, чтобы быть низринутым в бездну, старался побороть в себе приступ отчаяния.

– Когда выберете время, поройтесь в бумагах, оставшихся после вашего отца, и, если найдете хоть какое-нибудь упоминание о клубе, пожалуйста, дайте мне знать. Я буду вам бесконечно признателен.

Твердым голосом Пол назвал свое имя и адрес, взял карточку, которую хозяин гаража протянул ему, пробормотал несколько слов благодарности и отправился обратно в город. Измученный бесполезными усилиями, вконец подавленный, он сбился с дороги и неожиданно для себя оказался в Гроув-Квэдранте, квартале, застроенном величественными особняками. Он с трудом тащился мимо них и, как сквозь дымку, читал названия на столбах у входа: «Тауэрс», «Уортли-Холл», «Поместье Робин Гуд» – все пышные и громкие. И вдруг над почтовым ящиком, висевшим на солидной чугунной ограде, он заметил простую медную дощечку. На ней стояло только имя владельца: «Сэр Мэтью Спротт». Пол, казалось, прирос к земле, не в силах оторвать глаз от блестящей медной дощечки, от сада и великолепного дома, утопавшего в зелени. В его лице не было ни кровинки. Вот дом прокурора: он теперь отождествлял Спротта с понятием «прокурор». Сейчас, когда Пол вдруг очутился в непосредственной близости от этого человека, со дна его души вновь поднялось то смутное ощущение, которое подтвердил Сванн: Спротт всему виной. Человек недюжинного ума, крупнейший законник, в совершенстве владеющий техникой ведения процесса! Как же могло случиться, что он пренебрег уликами столь первостепенной важности, как зеленый велосипед и кошелек из человеческой кожи, не принял во внимание срока беременности убитой? Или то было преднамеренное упущение? Неужели этот человек, сознательно игнорируя факты, говорившие в пользу обвиняемого, мог опереться лишь на те, которые были для того губительными? Мог, взяв на себя роль Мефистофеля, подавить слабого, неискушенного противника и добиться обвинительного приговора, зная, что этот приговор несправедлив? И это они называют законом? Буря гнева и негодования поднялась, комком подкатила к горлу. Пол весь дрожал при мысли, что сейчас может распахнуться вот эта дверь, прокурор выйдет из нее и они столкнутся лицом к лицу. Ему вдруг захотелось бежать. Но ноги его словно налились свинцом, он схватился за ограду, чтобы не упасть. Передохнув и собравшись с силами, он все-таки потащился прочь и опомнился уже в густой толпе на улице у подножия холма. Вернувшись к себе, он швырнул пальто на кровать и нервно зашагал из угла в угол. Наконец-то выяснилось, что в словах Бёрт была доля правды. Но невозможность действовать и обернуть эту правду в свою пользу сводила Пола с ума. Он жаждал действовать – круто, без проволочек. С каждым мгновением его тревога становилась нестерпимее. И когда он почувствовал, что больше не выдержит, в дверь постучали. Он торопливо распахнул ее.

Перед ним стояла Лена Андерсен. Она была без шляпы, в свободном плаще. От пронзительного ночного ветра, а может быть, от быстрой ходьбы ее белокурые волосы откинулись со лба, нежный румянец заливал щеки. Она продолжала стоять на пороге. В ее широко раскрытых глазах застыл испуг, брови хмурились. Видимо, ей никак не удавалось побороть волнение.

– Пол... простите, что побеспокоила вас... Но я должна была прийти. Сегодня днем в «Бонанзе»... какой-то человек спрашивал вас.

– Да? – переспросил Пол неестественно напряженным голосом.

При внезапном появлении Лены взгляд его невольно просветлел. Но миг радости был тотчас отравлен ядом воспоминания о том, что сказал Харрис. Ему невыносимо было видеть ее сейчас, когда его положение так круто и позорно изменилось. Похоже, хотя и очень неприятно это думать, что она хочет одурачить его своей показной простотой. Бессознательно он весь сжался и произнес достаточно холодно:

– Войдите, прошу вас.

– Нет. Я должна сейчас же идти, – с волнением ответила Лена. – Как было гадко все, что сделал Харрис сегодня утром!

– У него, видно, были на то причины.

Она взволнованно и внимательно смотрела на него. Чуть повыше воротника застегнутого на все пуговицы плаща на ее белой шее пульсировала жилка.

– Вы уже нашли себе другую работу?

– Я и не искал.

– Что же вы будете делать?

Эта нескрываемая тревога еще больше разбередила его. Но он только пожал плечами:

– Не беспокойтесь обо мне. Все будет в порядке. Так кто же это спрашивал меня? Из полиции?

– Нет-нет, – быстро проговорила Лена, губы ее при этом дрожали. – Какой-то странный маленький человечек. Мистер Харрис очень грубо обошелся с ним, ничего не хотел слушать и отказался что-либо сообщить о вас. Но мне потом удалось перекинуться с ним словечком. Это был мистер Прасти, Ошо-стрит, пятьдесят два. Он просил вас зайти сегодня вечером.

– Сегодня?

– Да. В любое время. Он говорит, что это страшно важно.

Пол сдержанно поблагодарил и добавил:

– Вы оказали мне очень большую услугу.

– О, это пустяки... Я не считаю возможным вмешиваться... Но если я могу быть полезной...

Ее теплое участие было так очевидно, хотя она и старалась держать себя в руках, что он почувствовал неудержимую потребность во всем признаться ей. Но из этого опять ничего не получилось.

– Разве у вас недостаточно своих забот?

Она взглянула на него как-то странно, едва ли не вопросительно и склонила голову на грудь:

– Может быть, именно поэтому мне понятны и ваши.

Она ждала, замирая, ждала его ответа. Но так как он упорно молчал, сжала губы, словно подавляя вздох.

– Во всяком случае, будьте осмотрительны.

На секунду их взгляды встретились, потом она быстро повернулась и вышла. И сразу же холод охватил его, чувство покинутости и злости на себя: почему он не сумел понапористее сказать, чтобы она осталась. Ему захотелось выскочить на площадку, вернуть ее. Но бой часов на складах вспугнул его. Пол стал считать: девять ударов. Не медля более ни минуты, он надел пальто и шляпу. Спускаясь по лестнице, он все спрашивал себя: зачем он понадобился Прасти?

Это внезапное приглашение так расходуется с осторожностью табачного торговца. Хмурясь и ломая голову над этой загадкой, он торопливо зашагал в Элдон.

Глава 22

Погода как раз переменялась, и ночь была холодная, пронизывающая. Свинцовое небо нависало над пустынными, притихшими улицами, печать студеного молчания, казалось, легла на город. Вскоре пошел снег. Сухие хлопья кружились в воздухе и, усталые, неслышно ложились на мостовую. Пол, осторожно ступая, прошел мимо запертой табачной лавки и свернул на Ошо-стрит.

Табачник был дома и сидел, закутавшись в толстый шерстяной плед. Он долго вглядывался в Пола и, шумно выдохнув в знак того, что узнал его, распахнул дверь. Пол вошел, тщательно отряхнул снег с башмаков. Гостиная была все такая же – темноватая и пыльная, насквозь пропитанная запахом сигар, и отблески газовых рожков все так же ложились на овчину в углу. С мороза воздух здесь казался тяжелым и спертым.

– Зима нынче ранняя, – сказал Прасти, метнув на Пола пронзительный взгляд поверх пенсне. – Мои кости это чувствуют. Садитесь. Я как раз собираюсь ужинать.

Он налил Полу чашку своего неперменного кофе и ворчливо потребовал, чтобы тот разделил с ним кусок мясного пирога, купленного у булочника и разогретого на плите. Несмотря на эти признаки радушия, Полу подумалось, что сегодня он здесь гость менее желанный. Табачник продолжал исподтишка его разглядывать и расспрашивать, казалось бы, вокруг да около, но его вопросы неуклонно били в одну точку, так что в результате он сумел достаточно подробно разузнать о всех действиях Пола за последние недели. От немедленного комментария он воздержался, но лицо его было сумрачно, когда он выбирал и закуривал сигару; потом он закашлялся спазматическим кашлем курильщика и, нахмутив кустистые брови, повернулся к огню.

– Так вот оно что, – протянул он, продолжая хмуриться. – Значит, неудивительно, что мне почудилось, будто эта история оживает вновь. Все эти годы она была погребена... А теперь – словно ты приложил ухо к земле и слышишь слабый шорох в могиле. – Он помолчал, а потом ровным голосом продолжил: – Тем не менее покров еще не сорван, хотя есть уже известные знаки и симптомы... вернее даже, приметы и предзнаменования... к лучшему или худшему, я, конечно, не знаю, но чувствую, каждой своей жилкой чувствую, что близится воскресение из мертвых. Даже здесь, в комнате, это чувствуется. – Его взор обратился кверху. – И в комнате над нами.

От зловещих пророческих ноток в голосе Прасти дрожь прошла по телу Пола, но он справился с собой и взглянул на потолок:

– Она все еще не занята?

– Да, пустует по-прежнему, – утвердительно кивнул табачник. – Я же вам говорил, что со времени убийства никто не жил в ней.

Пол заерзал на стуле, тревога снедала его. Надо выпытать у Прасти, что же дальше, выпытать во что бы то ни стало!

– Вы о чем-то умалчиваете. Скажите, мои действия получили огласку?

– Да, кое-что разнеслось по городу, – подтвердил Прасти. – Прошел шепоток. И эхо его достигло мест весьма отдаленных. Поэтому я и попросил вас ко мне прийти. – (Пол накрепко сцепил руки, чтобы они не дрожали, и придвинулся к Прасти.) – В прошлую пятницу ко мне сюда на квартиру зашел какой-то человек. Меня дома не было, я уходил по делам, но миссис Лоусон – она два раза в неделю приходит сюда убирать – как раз оказалась дома. Она простая, вполне здравомыслящая женщина, испугать ее не так-то просто. И тем не менее она чуть в уме не тронулась от испуга. – Прасти взглянул на Пола. – Вы хотите, чтобы я продолжал?

– Да.

– Это был человек без возраста. Может быть, молодой, а может быть, и старый. Он выглядел сильным, но и больным тоже. Одежда на нем была, видимо, с чужого плеча. Лицо суровое и бледное. Голова наголо обрита. Миссис Лоусон клялась и божилась, что это каторжник.

– Кто бы это мог быть? – У Пола пересохли губы.

– Бог его ведает. Я не знаю. Но голову даю на отсечение, что он явился из Стоунхиса. Имени своего он не назвал. Прежде чем уйти, он оставил записку.

Прасти нарочито медленно достал из кармана пиджака малюсенькую скрученную бумажку, развернул ее и передал Полу.

На желтоватом клочке были нацарапаны какие-то слова. Пол читал их и перечитывал:

Бога ради, не дайте им вас остановить. Разыщите Чарльза Касла в Лейнсе. Он вам скажет, что надо делать.

Что это значило? Кто написал эту страшную записку? С чьих губ сорвался этот крик отчаяния? Пол окаменел от осенившей его безумной догадки. Нет, этого не может быть. И все же, пусть чудом, но это так. Что, если этот клочок бумаги побывал в руках его отца и потом прошел много тайных, неведомых путей, покуда каторжник, получивший свободу, крадучись не доставил его в этот дом.

Словно электрический ток пробежал по телу Пола. В этом роковом призыве для него заключался новый стимул, приказ неуклонно идти вперед. С трудом переводя дыхание, он сложил листок и спросил Прасти:

– Могу я взять это себе?

Табачный торговец, предпочитая оставаться в стороне, кивнул в знак согласия:

– Я рад от него избавиться. Мне совсем не хочется быть замешанным в такого рода истории.

В комнате царил полумрак. Только газовый камин отбрасывал красноватые отблески на ковер. Тишина за окном сделалась еще плотнее, снег толстым слоем залепил стекла.

Погруженный в свои думы, с сердцем, трепещущим от новой надежды, Пол сидел не шевелясь.

Внезапно среди мертвой тишины до них явственно донесся звук шагов наверху. Пол окаменел, но затем, правда всего на мгновение, решил, что это ему померещилось. Нет, снова и снова раздавались шаги, гулкие, до ужаса равномерные. Это странное явление в сочетании с мыслями, которые проносились сейчас в его мозгу, приобретало страшный, роковой смысл. Волосы у него встали дыбом, он поднялся, не в силах оторвать взор от потолка. Прасти тоже выпрямился на стуле и с неменьшим напряжением смотрел вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.